

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЪДЯ
SPEECH
речь

МОСКВА, 2023

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2023

ISSN 0131-6117

Russian RUSSKAYA Speech RECH'

MOSCOW, 2023

**JULY -
AUGUST**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia
Anna V. Znadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Olga V. Antonova
Editorial staff: Anna V. Znadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *И. А. Вещикова*. К вопросу о произношении согласных перед буквой *е* в словах иноязычного происхождения
- 25..... *О. С. Волков*. К семантике русских глагольных циркумфиксов
- 40..... *Э. Л. Гептинг*. Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья
- 51..... *И. Лицунь*. Карнавализация в лексике современного русского и китайского языков
- 63..... *Е. А. Нефедова*. *Земля*: лингвистическая и культурная семантика

Язык художественной литературы

- 74..... *Ю. Ю. Коновалова*. Регтайм с джазовыми вариациями: роман Э. Л. Доктороу в переводе Василия Аксенова
- 90..... *И. Н. Коржова*. Особенности эпитетов в поэзии К. М. Симонова: грамматические и семантические трансформации
- 102..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова*. Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин»

Книжные новинки

- 113..... *О. В. Никитин*. Язык образов времени: *ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор...* (О «Словаре перемен 2017–2018»)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Irina A. Veshchikova*. On the Question of the Pronunciation of Consonants Before the Letter *e* in Words of Foreign Origin
- 25..... *Oleg S. Volkov*. On the Semantics of Russian Verbal Circumfixes
- 40..... *El'vira L. Gepting*. Dialect Representation in the Minds of the Older Generation of the Ilmen Poozerie
- 51..... *Yi Liqun*. Carnivalisation in the Vocabulary of Modern Russian and Chinese Languages
- 63..... *Elena A. Nefedova*. *Zemlya*: Linguistic and Cultural Semantics

The Language of Fiction

- 74..... *Yuliya Yu. Konovalova*. Ragtime with Jazz Variations: A Novel by E. L. Doctorow Translated by Vasily Aksenov
- 90..... *Inessa N. Korzhova*. Features of Epithets in K. M. Simonov's Poetry: Grammatical and Semantic Transformations
- 102..... *Natalia A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova*. Functioning of Comparative Tropes in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"

Book News

- 113..... *Oleg V. Nikitin*. The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktoker, khaipozhor...* (On "A Dictionary of 2017–2018 Changes")

К вопросу о произношении согласных перед буквой *е* в словах иностранного происхождения

Ирина Андреевна Вещикова, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), irinavmgu@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170026389-6

АННОТАЦИЯ: Непрерывный процесс заимствования, протекающий с разной интенсивностью и в определенные эпохи активизирующий инновации из того или иного языка, требует постоянного внимания к орфоэпии этой категории слов как неспециалистов, так и ученых-фонетистов, в том числе лексикографов. В рамках этой темы одним из актуальных всегда был и остается вопрос о произношении согласного перед гласным на месте буквы *е*, поскольку, в отличие от исконно русских слов, где она указывает на мягкость предшествующего согласного, иноязычные заимствования в этом отношении не едины: для одних слов правильным будет мягкий согласный (*термин*), для других — твердый (*фейк*), для третьих — литературная норма разрешает употребление как мягкого, так и твердого согласного (*агрессия*). Как не ошибиться в выборе «нужного» согласного? Ответ на этот вопрос вовсе не простой, поскольку: 1) произношение согласных перед *е* (за исключением позиции конца неизменяемых слов) не может быть описано с помощью правил; 2) общий процесс фонетического освоения слов типа *прогресс* противоречив и в силу этого не исключает обновление рекомендуемых норм; 3) наличие большого количества словарей не гарантирует того, что интересующее говорящего слово лексикографически зафиксировано и снабжено орфоэпическими указаниями; 4) в отношении ряда даже

употребительных и при этом давнишних заимствований нет консенсуса о норме; 5) при оценке варианта как правильного не только средние носители языка, но и обучающие не всегда понимают природу отличий двух величин — литературной нормы и нормы для работающих в СМИ. Для усвоения произношения заимствованных слов необходимы усилия и самих носителей языка (без изучения научных рекомендаций и наблюдений за произношением профессионалов слова не обойтись), и орфоэпистов (нужен подобный Орфографическому академическому проекту ресурс).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская орфоэпия, заимствованные слова, правила чтения, литературная норма, шкала нормативности, система нормативных помет, варианты произношения, академические орфоэпические словари, словари для работников СМИ

для цитирования: Вещикова И. А. К вопросу о произношении согласных перед буквой *е* в словах иноязычного происхождения // Русская речь. 2023. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013161170026389-6.

Issues of Modern Russian Language

On the Question of the Pronunciation of Consonants Before the Letter *е* in Words of Foreign Origin

Irina A. Veshchikova, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow),
irinavmgu@gmail.com

ABSTRACT: The continuous process of borrowing, proceeding with varying intensity and activating innovations from a particular language in certain

epochs, requires constant attention to the orthoepy of this category of words by both non-specialists and phonetic scientists, including lexicographers. For this topic, the question of the pronunciation of the consonant before the letter *e* has always been and remains one of the most relevant, because, unlike native Russian words, where it indicates the softness of the preceding consonant, foreign-language borrowings in this regard are not the same: for some words, a soft consonant (*term*) will be correct, for others — a hard one (*fake*), for the third — the literary norm permits the use of both soft and hard consonants (*aggression*). How not to make a mistake in choosing the “right” consonant? The answer to this question is not at all simple, because: 1) the pronunciation of consonants before *e* (with the exception of the position of the end of unchangeable words) cannot be described using rules; 2) the general process of phonetic development of words like *progress* is contradictory and therefore does not exclude the updating of recommended norms; 3) a large number of lexicographic sources does not guarantee that the word of interest to the speaker will be fixed by them and provided with orthoepic instructions; 4) there is no consensus on the norm for a number of even common and at the same time long-standing borrowings; 5) when evaluating the option as correct, not only average native speakers, but also teachers do not always understand the nature of the differences between the two phenomena — the literary norm and the norm for working in the media. To learn the pronunciation of foreign words, the efforts of native speakers themselves are necessary (without studying scientific recommendations and observing the pronunciation of the word professionals can not do), and orthoepists (a resource similar to an academic Spelling project is needed).

KEYWORDS: russian orthoepy, borrowed words, reading rules, literary norm, normativity scale, system of normative litterers, pronunciation variants, academic orthoepic dictionaries, dictionaries for media workers

FOR CITATION: Veshchikova I. A. On the Question of the Pronunciation of Consonants Before the Letter *e* in Words of Foreign Origin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 7–24. DOI: 10.31857/S013161170026389-6.

«Надо четко прислушиваться к образцовой устной речи и почаще заглядывать в авторитетные словари и справочные пособия»

[Аванесов 1984: 221].

Ф

онетико-орфографический облик заимствований типа *пресса, слеш/слэш, конгресс*. В лекции «Еще раз о жизни слов», прочитанной 12 февраля 2016 г., академик А. А. Зализняк повторил мысль о том, что «мы находимся в фазе интенсивного заимствования. Таких фаз было несколько в истории русского языка: они были из голландского, потом из немецкого, потом из французского языка, сейчас наступила эпоха заимствований из английского языка» [Зализняк 2016]. И это обстоятельство не позволяет снять с повестки дня проблему «Фонетика слов иноязычного происхождения», в рамках которой по-прежнему центральным остается вопрос о произношении согласного перед гласным на месте буквы *е*.

Можно напомнить, что если «во всех исконно русских словах буква *е* указывает на мягкость предшествующего согласного, напр.: *белый, ветер, словечко, ноге, дело, в воде, подземный, след, хвалебный, размен, стене, перепись, терпеть, резать, стареть, весенний, чтение, путей*» [Правила русской орфографии и пунктуации 2009: 23], то заимствования в этом плане далеко не однородны: в одних словах нормой предусмотрен мягкий согласный (*термин, пресса, шинель, музей, патент*), в других — твердый (*бутерброд, фейк, консенсус, компьютер, слеш/слэш*), в третьих — возможны оба варианта (*бассейн* [*сэ* и *се*], *дестабилизировать* [*дэ* и *де*], *одесский* [*дэ* и *де*], *конгресс* [допуст. *рэ*], *стратегия* [допуст. *тэ*] — таковы предписания последнего издания академического орфоэпического словаря [ОС-2015]). Приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что ответ на вопрос о произношении согласных перед *е* вовсе не простой и требует от носителей языка специальных знаний.

При обсуждении таких слов надо с самого начала держать в поле зрения несколько обстоятельств. П е р в о е связано с категорией языковой правильности, а именно с тем, что орфоэпия, будучи императивна, не исключает сосуществования вариантов, соотношение которых «отражено в структуре некоторых рекомендаций: они имеют не две части (рекомендуется — запрещено), а три: рекомендуется — допускается — за-

прещено. Эта средняя часть: допускается — предостерегает от слишком категоричных и крутых суждений. Она воплощает этическую сторону орфоэпии. Она — свидетельство языковой терпимости» [Панов 1979: 206]. В т о р о е относится к орфографическому облику слова. Как отмечают справочники по правописанию и пунктуации, в абсолютном большинстве иноязычных слов после твердых согласных пишется *е* и только в некоторых — *э*. Сначала такие случаи — нарицательные имена *мэр, нэр, сэр* и производные от них, а также имена собственные типа *Бодуэн де Куртенэ, Бэла, Улан-Удэ* и др. — были единичны, что позволяло их называть исключениями. Постепенно их круг стал расширяться и в академическом орфографическом словаре 2005 г. нарицательных имен подобного рода уже 104 [Нечаева 2011: 72–73]. Похоже, что с течением времени количество слов с *э* после согласного постепенно увеличивается. Существенна и еще одна деталь: лексикографические источники, в частности, орфографический академический ресурс «Академос» и «Словарь новейших иностранных слов» [Шагалова 2017], отвечающие за формирование правильного облика слова, не всегда совпадают в своих решениях. Отсутствие единообразия в написании таких слов наблюдается и в СМИ, даже если речь идет об одном издании, среди которых мы выбрали газету «Коммерсантъ».

Табл. 1

Орфографический академический ресурс	Словарь новейших иностранных слов — 2017	Газета «Коммерсантъ» (за период с 13.01.2022 по 13.01.2023)
кешбэк	кэшбэк	кешбэк — 171 документ / кэшбэк — 100 документов
хештег	хэштег	хештег — 41 документ / хэштег — 13 документов
Хеллоуин	Хэллоуин, Хеллоуин	Хеллоуин — 1 документ / Хэллоуин — 50 документов
треш	трэш	треш — 9 документов / трэш — 12 документов
флешмоб	флешмоб и флэшмоб	флешмоб — 74 документа / флэшмоб — 5 документов
флеш-карта	флеш-карта и флэш-карта	флеш-карта — 26 документов / флэш-карта — 10 документов

Т р е т ь е обстоятельство касается взаимосвязи орфографического и орфоэпического облика заимствований, что возвращает нас к статье

академика Л. В. Щербы «Транскрипция иностранных слов и собственных имен», имеющей не только чисто историческое значение, но и актуальный интерес для настоящего. Во-первых, оценивая уже пройденный путь в этой области, ученый «констатирует отставание русской лингвистической мысли от практических задач» [Щерба 1931: 187]. Очевидно, что и сегодня есть вопросы, ответы на которые нельзя считать окончательными и безусловными. Во-вторых, Щерба полагает, что «самым естественным является здесь чисто фонетический принцип на основе живого русского литературного произношения»: «надо писать *адэпт*, *адэкватный*, *тэрор* и под., но *тема*, *термометр*, *десант*, потому что так говорят по-русски. Впрочем, по поводу предложенных написаний должно сказать, что может быть не все так произносят, как здесь указано. И действительно, чтобы решать в данном случае орфографический вопрос, надо сперва решить вопрос орфоэпический, к чему, насколько мне известно, до сих пор не было сделано почти что никаких попыток: русская орфоэпия почти что не имеет литературы» [Щерба 1931: 188–189]. В-третьих, лишь частично принимаемые в расчет предложения Щербы ценны своей мотивированностью и объяснительной силой: «Относительно употребления *е* и *э* прежде всего надо рассеять легенду, будто русскому языку не свойственно сочетание твердого согласного с гласным *е* (*э*). Прежде всего слоги *ше*, *же*, *це* в словах *шесть*, *жест*, *цел* и т. п. несомненно тверды и, в сущности, должны бы писаться *шэ*, *жэ*, *цэ*. Раз так и раз в русском языке существуют твердые *т*, *д*, *с* и т. д., то возможны и *тэ*, *дэ*, *сэ* и т. д. Но они не только возможны, но и существуют в литературном произношении: *от этого*, *под этим*, *с этими* и т. д. Следовательно мы имеем все данные в русском языке, чтобы... говорить *Додэ*, *Мюссэ*. То обстоятельство, что до сих пор в таких случаях не писалось *э*, объясняется преимущественным бытованием подобных слов в языке образованной верхушки общества, которая, владея иностранными языками, выговаривалась этим словам не из русской книги... Теперь, когда новый общественный слой в массе не обладает пока этими ресурсами, по-моему, прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения. Поэтому, безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ*, *дэ*, *нэ*, *сэ*, *зэ*, *рэ*» [Щерба 1931: 189, 192]. К слову, «А. Блок в своих записных книжках пишет *купэ*, *кафэ*, подчеркивая при помощи буквы *э* твердость [п] и [ф] (сейчас пишется *купе*, *кафе*, хотя твердость [п] и [ф] сохраняется)» [Аванесов 1984: 220].

Проблемные зоны. Опрос носителей языка младшего поколения в лице студентов факультета журналистики Московского университета убеждает в том, что в значительной части случаев говорящие не заду-

мываясь выбирают правильный вариант: [гe]незис, [гe]ндер, но [гэ]ридж; [кe]йс-метод, но [кэ]б; ко[лe]га, то[лe]рантность, [лe]го, но [лэ]йбл, ф[лэ]шка, п[лэ]ер, п[лэ]й-офф, п[лэ]йбой; [мe]тр, но [мэ]тр; Аль[бe]рт, но Фло[бэ]р, ам[нe]р, но ку[нэ]; [вe]то, но кара[вэ]лла; [Фe]дра, но ка[фэ]; [тe]ма, но ко[тэ]дж; [дe]виз, но ше[дэ]вр; [нe]гатив, но тур[нэ]; [сe]кта, [сeлe]брити, но шо[сэ]; [зe]фир, но ку[зэ]н; аква[рe]ль, но ф[рэ]ш, ба[рэ]ль. Почти никогда не возникает вопросов и при произнесении согласных в конце неизменяемых слов: на месте букв *к, г, х, л* и *ф* в слове *кофе* согласные мягкие (*тенге, удэге, коммюнике, пике, чучхе, букле, дефиле, реле*), остальные — твердые (*варьете, карате, латте, декольте; кабаре, пюре, кюре, каре; кафе, галифе, аутодафе; турне, кашне, портмоне; реноме, аниме, консоме; шоссе, эссе; шимпанзе, (азбука) морзе; купе, канapé*). Кажется, это единственная позиция, которая может быть описана с помощью правила [Еськова 1991: 65–67].

Однако есть заимствования как новейшие, так и давно известные, попадающие в категорию реально или потенциально «трудных случаев». К ним можно отнести:

- слова (примеры во 2-м абзаце), в которых есть тенденция к отступлению от литературной нормы и вместо твердого согласного можно услышать мягкий согласный и наоборот;
- случаи, в отношении которых нет консенсуса о норме (*дефолт* — орфоэпические словари рекомендуют твердый [дэ], а БТС-2014 допускает варианты [де] и [дэ]; *ленд-арт* — БОС-2017 дает варианты [л'е] и [л'и^е], а «Словарь новейших иностранных слов» [Шагалова 2017] через выбор орфографического варианта *лэнд-арт* — твердый; *неонацизм* и под. — ОС-2015 устанавливает [нэ] и допуст. *не*], БОС-2017 — [нэ], а словари для работников СМИ — [не]);
- слова, где структура нормативных рекомендаций не покрывает варианты, наблюдаемые в речи лиц с высоким уровнем речевой культуры (*ленд-лиз* — отсутствие пометы (далее — б/п) в орфоэпических словарях означает произношение мягкого согласного, но, судя по многочисленным документальным фильмам, здесь конкурируют варианты [лe] (например, *Ленд-лиз. Военная политэкономия. 2 серия. 2013*) и [лэ] (например, *Вторая мировая война. Ленд-лиз. 2019*));
- инновации, которые довольно быстро фиксируются только научно-информационным орфографическим академическим ресурсом «Академос» ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, доступным через портал «Грамота.ру». К сожалению, академические орфоэпические издания [ОС-2015; БОС-2017] там не представлены, а электронные версии словарей для работников радио и телевидения [СА-2010 и СЗ-2001]

не пополняются. Это предсказуемо порождает проблемные ситуации, которые носители языка пытаются решить, обращаясь в многочисленные справочные службы и к консультирующим на форумах «знатокам русского языка». Между тем еще Д. Н. Ушаков на заре становления орфоэпии как особой области знания говорил о том, что «нельзя на актера и чтеца возлагать обязанность научных изысканий и предоставлять их собственным силам решение спорных вопросов» [Ушаков 1928: 12]. Вот как обычно выглядят такие вопросы-ответы: «Как в современном русском правильно произносится (!) слово “квест” — [квЕст] или [квЭст]?» Ответ справочной службы русского языка: «Нормативных указаний нет. Возможно мягкое произношение: [в'е]» [Вопрос № 289781]. Можно ли его считать исчерпывающим и надежным? Рискнем сказать, что нет, поскольку за скобками остается оценка варианта к[вэ]ст, встречающегося в речи тех, кто, говоря словами Р. И. Аванесова, «делает погоду» [см., например, анонс российского сериала «Квест». 2015]. Практическая значимость оперативной информации о новейших заимствованиях очевидна, причем потребность в ней остро ощущают представители разных профессиональных и социокультурных групп, что подтверждают ремарки и/или комментарии автора «Нового словаря модных слов»: «“Фейк” — это сегодня слово не просто модное, а сверхмодное. Супермодное, мегамодное. Странно, что его нет в новейших словарях: ни в орфографическом, ни в орфоэпическом. Что ж, приходится нам взять на себя не очень радостную роль и констатировать, что в русский язык прорвался еще один англицизм. Пишется этот “фейк” через “е”, а произносится с твердым “ф” (“фэйк”)» [Новиков 2013]. Не исключено, что именно подобные лакуны имел в виду и Л. В. Щерба, когда отмечал, что, «как и в других областях, “самотек” ведет к анархии, а анархия нетерпима и в области транскрипции иностранных фамилий и названий, так как мешает языку правильно выполнять свою функцию, состоящую, как известно, во взаимопонимании» [Щерба 1931: 187–188].

Причины обновления рекомендаций. Чтобы прояснить источники трудностей, с которыми время от времени сталкиваются говорящие, необходимо обратиться к работам, где были предприняты попытки систематизации обсуждаемого круга заимствований.

В середине прошлого века в знаменитом пособии «Русское литературное произношение» (1-е изд. — 1950, 6-е — 1984) Р. И. Аванесов акцентирует внимание на том, что «не все согласные в равной мере оказываются способными к твердому произношению перед *е*. Здесь выделяются

прежде всего задненебные [к], [г], [х], которые в словах иноязычного происхождения, как и во всяких других словах, перед *е* смягчаются... Далее выделяется звук [л], который также... перед [е] обычно произносится мягко... Мало способны к твердому произношению перед [е] губные (п, б, в, ф, м. — И. В.). Лишь в единичных случаях в книжном стиле могут произноситься твердые губные перед *е*: лорд-мэр, мэрия, пэр... Случаи произношения твердых согласных перед [е] в словах иноязычного происхождения падают главным образом на зубные согласные (кроме л) и *р*, а именно на согласные *т*, *д*; *с*, *з*; *н*; *р*. Особенно много таких случаев для *т* и *д*» [Аванесов 1950: 119–121]. Похоже, что в ту эпоху произношение твердого согласного перед *е* не имело широкого распространения и потому было заметным «опознавательным знаком», указывающим, что слово не «свое», не исконное, а «чужое», пришедшее из другого языка.

Через 30 лет, не отказываясь от утверждения, что в заимствованиях согласные могут быть ранжированы по степени склонности к мягкому/твердому произнесению, ученый дополнительно отмечает, что «общий процесс был противоречив», ибо: 1) «первоначально вновь усваиваемые слова иноязычного происхождения произносились с твердым согласным перед [е]»; 2) «по мере того как они осваивались русским языком и получали широкое употребление, согласный перед гласным на месте *е* начинал произноситься мягко, так сказать, русифицировался»; 3) «однако за последнее время произношение твердых согласных перед <е> освоено широкими массами и уже едва ли является признаком иноязычности, элементом, чуждым родному языку»; 4) «в ряде случаев, где раньше считалось мягкое произношение согласной перед <е> нормой, сейчас допускается, а порою становится преобладающим произношение твердое» [Аванесов 1984: 221, 212–213]. Таким образом, получается, что едва ли не главным отличием очередного этапа от предшествующего становится то, что «произношение твердых парных согласных перед [е] расширяется» и что «для ряда слов передвигается граница между твердым и мягким произношением согласных в этом положении в пользу твердого, а также изменяется пограничная область, где допустимы оба варианта с предпочтительностью одного из них» [Аванесов 1984: 213]. Проследим динамику предписаний, привлекая бесконечно часто обсуждаемые примеры.

Пример 1. В первых изданиях пособия Аванесова читаем: «Особенно следует предостеречь от произношения твердых согласных перед [е] в таких словах, как *тема*, *техника*, *картотека*, *Одесса*, *демон*... Произношение этих и подобных слов с твердым согласным перед [е]... не может быть рекомендовано как претенциозно-книжное, на нарочито

иностранный лад» [Аванесов 1950: 122; 1968: 193]. Но в последнем издании «наставление» ученого меняется: «Название города *Одесса* в соответствии с литературной традицией произносится с мягким [д]: [а'дэсь]; однако жители этого города, а также вообще на Украине произносят твердое [д]: [адэсь]. Поэтому сейчас, видимо, следует считать допустимым оба варианта» [Аванесов 1984: 220]. Естественно, что четыре десятилетия спустя вновь возникает вопрос о месте каждого из вариантов на шкале нормативности. А ответ будет зависеть от типа орфоэпического источника. Академические словари, содержащие информацию о литературной норме, владение которой «демонстрирует приобщенность индивида не к тому или иному социуму — хотя бы и достаточно авторитетному, а к культуре» [Успенский 2002: 13], утверждают наличие вариантов, полагая их при этом равноправными: *одесситы* [дэ и де], *одесский* [дэ и де] — ОС-2015, *одессит* [д'и^е] и [ды^э], *одесский* [д'е] и [дэ] — БОС-2017. Профессионально ориентированные словари, декларирующие «нормы, предназначенные для “озвучивания” СМИ» [Еськова 2004: 276], один из вариантов сопровождают запретительной (предупредительной) пометой: *Одесса* [не дэ] [СА-2010, СШ-2016]. Имеющиеся разночтения влекут за собой сложности практического характера, но не могут оправдать безапелляционность адресованных массовой аудитории указаний: «Здравствуйте! Как правильно произносить [Одесса] или [Одэсса]?» Ответ справочной службы русского языка: «Согласный Д в названии города произносится мягко. Произношение О[дэ]сса неправильно» [Вопрос № 254321].

Пример 2. В подкасте «Чисто по-русски с Мариной Королевой» сказано: «И, кстати, еще одно замечание: не к[рэ]м, а к[ре]м. ‘Эр’ произносится мягко» [Королева 2021]. Понятно, что при несовпадении позиций лексикографов консультирующие в СМИ и через СМИ склонны обозначить свои предпочтения. В данном случае они оказались на стороне оценок словарей для работников радио и телевидения, БОС, а также Словаря-1955 под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова [Словарь-1955]. Однако сама миссия научно-популярных проектов — быть элементом системы просвещения — не допускает редуцирования научных данных и обязывает дополнительно сказать, что академический ОС, который с 1-го по 9-е издание выходил под ред. Р. И. Аванесова, а 10-е — под редакцией Н. А. Еськовой, правильным считает оба варианта — к[рэ]м и к[ре]м.

Осталось познакомиться с исследованиями, посвященными фонетике заимствований конца прошлого — начала текущего столетия. Результаты одного из них, проведенного Р. Ф. Касаткиной, были представлены в 2004 г. на международной фонетической конференции «Культура русской звучащей речи: традиции и современность». Основные выводы,

касающиеся нашей темы, сводятся к следующим тезисам: 1) «возросло количество словоформ, в которых возможно произношение перед [е] твердых согласных: губных, переднеязычных, в том числе *р* и *л*»; 2) «поскольку в языке идет активный процесс освоения иноязычной лексики, появляется возможность варьирования согласных по твердости-мягкости»; 3) «усилилась позиция различения твердых/мягких заднеязычных за счет появления новых слов с твердыми *к*, *г*, *х* перед [е]» [Касаткина 2004: 67–68]. Как можно заметить, «новый» эмпирический материал подтверждает точку зрения М. В. Панова о том, что сейчас твердость согласного перед *е* как примета иноязычности «обессилена именно тем, что слов таких много и многие из них уже стали бытовыми; импортный характер объекта называния утрачен. И, кроме того, появились аббревиатуры, явно местные, с такой же фонетической приметой (ГЭС, нэп). Так что примета заимствования хотя и распространенная, но не яркая» [Панов 1990: 52].

Заимствования с сочетанием ‘согласный + е’ на шкале нормативности. Поскольку описать произношение согласных перед *е* в заимствованиях (кроме конечных согласных в неизменяемых словах типа *купе*, которые были приведены выше) с помощью правил чтения невозможно, без словарей, посвященных описанию фонетики слова, не обойтись. Напомним, что предписания-рекомендации академических словарей и словарей для работников СМИ могут не совпадать, поскольку предназначение академической лексикографии [ОС-2015; БОС-2017] — запечатлеть «синхронную динамику нормы» и не допустить, чтобы кодификация стала «тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы» [Едличка 1988: 68], а установка нормативных описаний для работников эфира [СА-2010, СЗ-2001, СШ-2016] — выделить лишь один из сосуществующих вариантов, чтобы не было разнобоя в речи журналистов.

(1) Начнем с заимствований, где литературная норма предусматривает *твердый согласный*. Их можно разбить на три подгруппы в соответствии с их написанием. Приведем несколько примеров:

- ‘согласный + е’: *бейдж* [бэ], *бизнес* [нэ], *фонетика* [нэ], *бутерброд* ! не рек. [те] (учитывая распространенность варианта с [те], стоит вспомнить, что «С. И. Ожегов в своих устных советах отдавал предпочтение бу[т’э]рброду (“потому что это не термин”). Но в своем “Словаре” рекомендовал: против времени спорить бесполезно — все-таки — [тэ]» [Панов 1990: 149]), *интернет* [тэ; нэ], *кластер* [тэ], *компьютер* ! не рек. [те], *контент* [тэ], *темп* [тэ], *тенденция* [тэ; дэ],

- тендер* [тэ; дэ], *дедлайн* [дэ], *деквалификация* [дэ], *дефолт* (ср.: БТС-2014), *дешифровка* [дэ], *денационализация* [дэ], *децентрализация* [дэ], *имейл* [мэ], *омбудсмен* [мэ], *консенсус* [сэ], *продюсер* [сэ], *секс* [сэ], *лейбл* [лэ], *реквием* [рэ], *тренд* [рэ], *фейк* [фэ], *хедлайн*, *хелп*;
- ‘согласный + е /э’: *кетчер* и *кэтчер*, *кешбэк* и *кэшбэк*, *сендборд* и *сэндборд*, *слеш* и *слэш*, *снеки* и *снэки* [сухие закуски], *треш* и *трэш*, *флеш-карта* и *флэш-карта*, *хештег* и *хэштег*, *флешмоб* и *флэшмоб*, *фреш* и *фрэш*, *Хеллоун* и *Хэллоун*, *хендлер* и *хэндлер*;
 - ‘согласный + э’: *мэр*, *пэр*, *сэр*, *мэтр* (вытеснило *метр* в знач. ‘учитель, наставник’), *пенэр*, *рэкет*, *рэп*, *бэк-вокал*, *бэкграунд*, *тхэквондо*, *трэвел-журналистика*, *фэнтези*, *фэншуй*, *фэшн-шоу*.

(2) При рассмотрении слов, где обязателен *мягкий согласный* перед *е*, стоит обратить внимание на два момента. Во-первых, некоторые употребительные и при этом давние заимствования, среди которых *термин*, *консистенция*, *пресса*, *шинель* и др., систематически звучат в неправильной форме. Еще важнее то, что орфоэпические погрешности встречаются у лиц, в частности, известных телеперсон, влияние которых на аудиторию трудно переоценить. Не исключено, что это обстоятельство побуждает кодификаторов до сих пор использовать предупредительные пометы: *брюнет ! не рек.* [нэ], *компетентный ! неправ.* [тэ], *компрессия ! неправ.* [прэ], *консервы ! неправ.* [сэ], *консистенция ! неправ.* [стэ], *музей ! неправ.* [зэ], *патент ! неправ.* [тэ], *паштет ! неправ.* [тэ], *пресса ! неправ.* [рэ], *пресс-атташе ! неправ.* [рэ], *тенор ! неправ.* [тэ], *термин ! неправ.* [тэ], *термометр ! не рек.* [тэ], *шинель ! грубо неправ.* [нэ]. Во-вторых, если бы мы остановились только на рекомендациях словарей для работников СМИ, то список употребительных слов с мягким согласным был бы шире (такие слова в таблице 2 выделены курсивом). Однако такой путь научно недоостоверен, поэтому слова, для которых ОС-2015 и БОС-2017 не исключают вариантов, должны быть перенесены в следующий перечень.

(3) Третий список позволяет увидеть: 1) «даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым» [Винокур 1997: 107] и потому «сколько-нибудь адекватное отражение реального положения вещей невозможно без введения некоторой шкалы нормативности» [ОС-2015: 9]; 2) эволюцию рекомендуемой нормы через сравнение с оценками Словаря-1955; 3) отличия двух величин — литературной нормы и нормы для работников радио и телевидения (в СИ-2016 вариант для СМИ выделен синим цветом, а в таблице подчеркиванием). Кроме того, сопоставляя данные словарей с практикой литературно говорящего социума, каждый способен проследить, рекомендации какого источника реже дают сбой.

Табл. 2

Слово	ОС-2015	БОС-2017	Словарь-1955	СЗ-2001	СШ-2016
<i>агрессия</i>	[допуст. рэ]	[гр'е] и [грэ]	[не рэ]	б/п	б/п
<i>бассейн</i>	[сэ и се]	[с'е] и допуст.млад. [сэ]	б/п	б/п	б/п
<i>бизнесмен</i>	[нэ; мэ и ме]	[ны ^э], [смэ] и допуст. [нэ], [см'е]	[нэ]	[нэ]	[нэ]
<i>деградация</i>	[дэ и допуст. де]	[дэ] и [д'и ^е]	[дэ]	[дэ]	[дэ]
<i>дестабили- зировать</i>	[дэ и де]	[дэ] и [дэ]	–	–	[дэ и де]
<i>декан</i>	[допуст. дэ]	[д'и ^е] и [ды ^э]	[не дэ]	б/п	б/п
<i>демилита- ризация</i>	[дэ и де]	[дэ] и [дэ], допуст. [д'е]	[дэ]	б/п	[дэ и де]
<i>демоби- лизация</i>	[допуст. дэ]	[дэ] и [дэ], допуст. [д'и ^е]	б/п	б/п	б/п
<i>депо</i>	[дэ и де]	[ды ^э] и допуст. [дэ]	[не дэ]	б/п	[дэ и де]
<i>дезинфор- мация</i>	[дэ и де] [зын]	[дэ], [зы]	[дэзын]	[дэзын]	[дэзын и дезын]
<i>дефис</i>	[допуст. дэ]	[д'и ^е] и [ды ^э]	[не дэ]	б/п	[де и дэ]
<i>депрессия</i>	[допуст. дэ; допуст. рэ]	[д'и ^е] ! неправ. [ды ^э]	[дэ; не рэ]	б/п	б/п
<i>деформация</i>	[дэ и де]	[д'и ^е], [дэ] и допуст. [дэ]	[дэ]	–	б/п
<i>дисплей</i>	[лэ и ле]	[пл'е] и допуст. [плэ]	–	б/п	б/п
<i>истеблиш- мент</i>	[тэ; мэ и ме]	[тэ], [мэ] и допуст. [м'и ^е]	–	[тэ]	[тэ]
<i>конгресс</i>	[допуст. рэ]	[гр'е] ! неправ. [грэ]	б/п	б/п	б/п
<i>кредо</i>	[рэ и ре]	[кр'е]до и допуст. [крэ]до	б/п	[рэ]	[рэ]
<i>менеджер</i>	[мэ и ме; нэ]	[м'е] и [мэ]	–	[нэ]	[ме и мэ, нэ]
<i>претензия</i>	[допуст. тэ]	[тэ]	[не тэ]	[тэ]	[тэ и те]
<i>прогресс</i>	[допуст. рэ]	[гр'е] и допуст. [грэ]	[не рэ]	б/п	[не рэ]
<i>регресс</i>	[допуст. рэ; допуст. рэ]	[р'и], [гр'е] и допуст. [грэ]	[не рэгрэ]	б/п	б/п
<i>рейтинг</i>	[рэ и ре]	[рэ] и допуст. [р'е]	–	б/п	[рэ и ре]

Окончание табл. 2

Слово	ОС-2015	БОС-2017	Словарь-1955	СЗ-2001	СП-2016
рейх	[рэ и допуст. ре]	[рэ]	[ре]	[рэ]	[рэ]
сессия	[сэ и допуст. се]	[с'е] и [сэ]	[не сэ]	б/п	[се и сэ]
сервер	[сэ и се]	[с'е] и [сэ]	–	[сэ]	б/п
сервис	[сэ и допуст. се]	[с'е] и [сэ]	[сэ]	б/п	[се и сэ]
скинхед	[хэ и хе]	[х'е]	–	[хэ]	б/п
стратегия	[допуст. тэ]	–	[не тэ]	б/п	б/п
стресс	[рэ и допуст. ре]	[рэ]	–	[рэ]	[рэ]
террорист	[тэ и те]	[т'и ^е] и [ты ^э]	[тэ]	б/п	[те и тэ]

Вместо заключения. Как видно, вопрос о звуковом облике заимствований с сочетанием ‘согласный + е’ требует к себе внимания по целому ряду причин, попытка рассмотреть которые была представлена выше. Отсутствие же взаимно однозначных отношений между буквенным и звуковым составом данной категории слов требует обращения к словарям — академическим и профессионально ориентированным, несовпадения рекомендаций которых в ряде случаев может объясняться тем, что они описывают разные типы норм — литературную произносительную норму, не исключаящую варьирования, и «норму, предназначенную для “озвучивания” СМИ» [Еськова 2004: 27], представленную одним вариантом. Препятствием же на пути овладения правильным произношением нередко становятся разного рода конфликты между предписаниями и реальной практикой и сам факт того, что сведения о звуковом облике инноваций появляются с опозданием, заставляя носителей языка самостоятельно искать решения и выбирать, говоря словами Панова, «авторитетный пример» (вопрос о круге так называемых орфоэпически авторитетных лиц сегодня нуждается в специальном обсуждении).

Источники

БОС-2017 — Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 1024 с. (Фундаментальные словари).

БТС-2014 — Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года.

ОС-2015 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015 [1–9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова].

СА-2010 — Словарь собственных имен русского языка. Автор Ф. Л. Агеев. Печатное издание М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2010. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2011.

СЗ-2001 — Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. Автор М. В. Зарва. Печатное издание М.: ЭНАС, 2001. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001–2002.

Словарь-1955 — Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника. Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Около 50 000 слов. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 560 с.

СШ-2016 — *Штудинер М. А.* Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2016. 592 с.

Литература

Анонс российского сериала «Квест» [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11664144508253483657> (дата обращения: 23.01.2023).

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учеб. пособие для учительских институтов. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1950. 159 с.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и литература». 6-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984. 384 с.

Винокур Г. О. Русское сценическое произношение // Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. С. 97–173.

Вторая мировая война. Фильм 3. Ленд-лиз. Документальный фильм. По заказу АО «ЦТВ». Производство: Студия Град (History Lab). © 2019К [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/6600248956852591887> (дата обращения: 23.01.2023).

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.

- Еськова Н.А. Рецензия на словари: М.В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф.Л. Аренко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 272–278.
- Еськова Н.А. Надо ли писать каратэ? // Русская речь. 1991. № 3. С. 65–67.
- Зализняк А.А. Еще раз о жизни слов [Электронный ресурс]. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/433260/O_zhizni_slov (дата обращения: 23.01.2023).
- Касаткина Р.Ф. Новые лексические заимствования и русская орфоэпия // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. Тезисы докладов международной научной конференции 26–28 апреля 2004 г. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 67–70.
- Королева М. Подкаст «Чисто по-русски с Мариной Королевой». Выпуск 209, 1 сентября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://marinakoroleva.mave.digital/ep-209> (дата обращения: 23.01.2023).
- Ленд-лиз. Военная политекономия. 2 серия. 2013. Россия, ОАО ТПК ВС РФ «Звезда» [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3800397213973554546> (дата обращения: 23.01.2023).
- Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 168 с.
- Новиков В. Fake, фэйк, фейк [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/culture/article/65834/> (дата обращения: 23.01.2023).
- Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Ин-т рус. языка АН СССР; отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1990. 456 с.
- Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 256 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2009. 480 с.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
- Ушаков Д.Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Новая серия. III. Ленинград, 1928. С. 5–27.
- Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 576 с. (Настольные словари русского языка).
- Щерба Л.В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Труды комиссии по русскому языку. Т. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 187–196.

References

- Anons rossiiskogo seriala “Kvest” [The announcement of the Russian TV series “Quest”]. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/11664144508253483657> (accessed 23.01.2023).

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Ucheb. posobie dlya uchitel'skikh institutov* [Russian literary pronunciation. The textbook for students of teachers' institutes]. Moscow, Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ., 1950. 159 p.
- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov* [Russian literary pronunciation. The textbook for students of pedagogical institutes]. 6th edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 384 p.
- Edlichka A. *Literaturnyi yazyk v sovremennoi kommunikatsii* [Standard language in modern communication]. Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XX. Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR [The theory of literary language in the works of scientists from Czechoslovakia]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 38–134. (In Russ.)
- Es'kova N.A. [Review of the dictionaries: M.Zarva "Russian word stress" and F.Ageenko "Russian proper names. The dictionary of stress". The Russian word stress]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. Moscow, no. 1 (7), 2004, pp. 272–278. (In Russ.)
- Es'kova N.A. *Nado li pisat' karate?* [Is it necessary to write karate with the letter *e*?] // *Russkaya rech'*, 1991, no. 3, pp. 65–67. (In Russ.)
- Kasatkina R.F. *Novye leksicheskie zaimstvovaniya i russkaya orfoepiya* [New lexical borrowings and Russian orthoepy] // *Kul'tura russkoi zvuchashchei rechi: traditsii i sovremennost'. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 26–28 aprelya 2004 g.* Moscow, IRYa im.V.V.Vinogradova RAN Publ., 2004, pp. 67–70. (In Russ.)
- Koroleva M. *Podkast "Chisto po-russki s Marinoi Korolevoi"* [Podcast "Purely in Russian with Marina Koroleva"]. Vypusk 209, 1 sentyabrya 2021 g. Available at: <https://marinakoroleva.mave.digital/ep-209> (accessed: 23.01.2023).
- Lend-liz. *Voennaya politekonomiya* [Lend-lease. Military political economy]. 2 seriya. 2013. Rossiya, OAO TRK VS RF "Zvezda". Available at: <https://yandex.ru/video/preview/3800397213973554546> (accessed: 23.01.2023).
- Nechaeva I.V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Actual problems of spelling of foreign borrowings]. Moscow, Izdatel'skii Tsentr "Azbukovnik" Publ., 2011. 168 p.
- Novikov V. Fake, feik, feik [Fake...]. Available at: <https://svpressa.ru/culture/article/65834/> (accessed: 23.01.2023).
- Panov M.V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the XVIII–XX centuries] / In: *t rus. yazyka AN SSSR; otv. red. D.N. Shmelev*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.
- Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1979. 256 p.
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. *Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference] / Pod red. V.V.Lopatina. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 480 p.

- Shagalova E. N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [The dictionary of the latest foreign words]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 576 p. (Nastol'nye slovari russkogo yazyka).
- Shcherba L. V. *Transkriptsiya inostrannykh slov i sobstvennykh imen i familii* [Transcription of foreign words and proper names and surnames] // Trudy komissii po russkomu yazyku. T. 1. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1931, pp. 187–196. (In Russ.)
- Vinokur G. O. *Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Russian stage pronunciation] // Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie. Moscow, Russkie Slovari Publ., 1997, pp. 97–173. (In Russ.)
- Vtoraya mirovaya voina. Fil'm 3. Lend-liz. Dokumental'nyi fil'm [The Second World War. Film 3. Lend-lease. Documentary film]. Po zakazu AO "TsTV". Proizvodstvo: Studiya Grad (History Lab). © 2019K. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/6600248956852591887> (accessed 23.01.2023).
- Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [The history of Russian literary language (XI–XVIII cent.)]. 3th edition. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.
- Ushakov D. N. *Russkaya orfoepiya i ee zadachi* [Russian orthoepy and its tasks] // Russkaya rech'. Novaya seriya. III. Leningrad, 1928, pp. 5–27. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Eshche raz o zhizni slov* [Once again about the life of words]. Available at: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/433260/O_zhizni_slov (accessed 23.01.2023).

К семантике русских глагольных циркумфиксов

Олег Сергеевич Волков, Институт языкознания РАН (Россия, Москва),

volkovolek@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170027460-5

АННОТАЦИЯ: Русские глагольные циркумфиксы неоднократно привлекали внимание исследователей. В литературе есть два господствующих направления: ряд авторов рассматривает семантику циркумфиксов в контексте показателей «способов действия», при этом не отделяя их от префиксов. Другие авторы заостряют внимание на том, существуют ли циркумфиксы вообще как единая деривация, или же они являются по сути двумя ступенями словообразования — комбинацией префикса и суффикса; такие авторы обычно не рассматривают детально семантику циркумфиксов.

В этой статье мы рассматриваем русские глагольные циркумфиксы с другого ракурса; мы анализируем их семантику с точки зрения типологии аспекта (глагольного вида) — при этом отталкиваясь от их двухкомпонентной структуры. Такой подход позволяет сделать некоторые выводы относительно морфологического статуса и семантики всех русских глагольных циркумфиксов в целом — как особой конструкции. Мы предполагаем, что русские глагольные циркумфиксы маркируют вхождение в некоторое особое состояние (не тождественное результирующему состоянию), возникшее как следствие деятельности, выраженной корнем. Свойства этого состояния определяются префиксальной частью циркумфикса.

В статье рассматриваются примеры с циркумфиксами *до-* -ся, *на-* -ся и *раз(с)-* -ся, однако выводы могут быть экстраполированы и на другие глагольные циркумфиксы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: циркумфиксы, комплетив, грамматическая семантика, глагольный аспект (вид), глагольные приставки

для цитирования: Волков О. С. К семантике русских глагольных циркумфиксов // Русская речь. 2023. № 4. С. 25–39. DOI: 10.31857/S013161170027460-5.

Issues of Modern Russian Language

On the Semantics of Russian Verbal Circumfixes

Oleg S. Volkov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow),
volkovolek@gmail.com

ABSTRACT: Russian verbal circumfixes have been a topic of interest among linguists for a while now, with different approaches taken to their analysis. While some researchers consider semantics of the circumfixes in conjunction with Aktionsart prefixes, others debate whether circumfixes should be treated as a combination of a prefix and a suffix or as distinct single-piece derivations, thus questioning their status as derivations. These authors often do not dive deep into the semantics of the analyzed circumfixes, focusing more on the formal morphological issues.

In this paper, I propose a different perspective by examining the aspectual semantics of Russian verbal circumfixes in a typological context.

Having analyzed the two-component structure of circumfixes, the article argues that circumfixes convey semantics of getting into a certain state (distinct from the resulting state) as a consequence of the activity encoded by the verbal root. The properties of this particular state are determined by the prefixal part of the circumfix. The study focuses on three specific circumfixes, namely *do-...-sja*, *na-...-sja*, and *raz-...-sja*, but the analysis also extends to other verbal circumfixes.

This paper contributes to our understanding of the grammatical semantics of Russian verbal circumfixes and their morphological status as a distinct

construction. The findings shed light on the aspectual semantics and the role of prefixal parts in determining the meaning of Russian verbal circumfixes.

KEYWORDS: circumfixes, completive aspect, grammatical semantics, verbal aspect, verbal prefixes

FOR CITATION: Volkov O. S. On the Semantics of Russian Verbal Circumfixes. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 25–39. DOI: 10.31857/S013161170027460-5.

1. Введение

Когда речь заходит о циркумфиксах, префиксальная и суффиксальная часть которых совпадает с имеющимися в языке префиксами и суффиксами, естественным образом возникает вопрос: сколько перед нами аффиксов — один или два; циркумфикс — или сочетание префикса и суффикса. Так, в примере (2) перед нами результат двух последовательных дериваций — а (1) мы считаем результатом применения циркумфикса:

- (1) *Серёжа раз-орал-ся*¹.
- (2) *Стакан раз-бил-ся*.

Для разграничения этих явлений удобно было бы считать циркумфиксами морфемы, в которых нельзя опустить ни префиксальную, ни суффиксальную часть — иначе получатся не грамматичные слова: *раз-орал-ся* (как кажется, не существует ни **разорал*, ни **орался*), аналогично *за-сидел-ся*, *на-пил-ся* и т. п.

Отметим, однако, что при таком подходе возникают сразу несколько проблем. Во-первых, теоретически можно вообразить сценарий, когда при двух последовательных деривациях мы получаем грамматичное слово — но при этом, если убрать вторую деривацию, грамматичность теряется. Некоторым аналогом здесь являются связанные корни: например, корни в словах *поднять* и *разнять* без префиксов не употребляются, но оба эти слова явно морфологически производны. Такую же логику можно было бы предложить и для *разорался*: **разорал*, не употребляясь самостоятельно, тем не менее признается производящим элементом для *разорался*.

¹ Примеры без ссылок принадлежат автору.

Во-вторых, и для слов типа *разорался, засиделся, напился* можно при должном усердии найти возможные употребления без префиксальной или суффиксальной части:

- (3) *После пива этот слоган **орался** особенно хорошо;*
- (4) *Словом, у него какое-то одеревенение душевное; бывает, что когда «засидишь» ногу, так потом ее совсем не чувствуешь, — она занемела. Так же он «засидел» душу (К. И. Чуковский. Дневник. 1904);*
- (5) *Морозов в одном из московских ресторанов провел два дня в безудержной попойке и всего **напил** и **наел** на сумму свыше 600 рублей (Дело Морозова (31.03.1912) // Московские ведомости. 1912).*

В-третьих, если циркумфикс в языке все-таки существует как отдельная деривация с собственной семантикой, то сфера его сочетаемости не должна напрямую зависеть от того, существуют ли в языке слова с тем же корнем и префиксом, совпадающим с префиксальной частью циркумфикса (или суффиксом, совпадающим с суффиксальной его частью). То есть, скажем, *доигрался* — при наличии в языке циркумфикса *до- -ся* — следует в любом случае считать образованным напрямую от *играть*, а не от *доиграть*. Косвенным образом это подтверждает существование омонимичных словоформ, образованных разными способами: *мыл* > *мылся* > *домылся* ‘продолжил и закончил мыться’ — и *мыл* > *домылся* ‘мыл и получил отрицательный результат’.

Чтобы определить, в каких словах мы все-таки видим именно циркумфиксы, можно было бы исходить из значений — и признавать циркумфиксами только аффиксы с особой семантикой. Но при таком подходе появляется другой спектр проблем: эту семантику нужно тщательно описать; она явно будет связана с семантикой префиксальной и суффиксальной части циркумфикса, и это затруднит определение словообразовательных цепочек. Тем не менее попробуем пойти по этому пути.

В данной статье мы не будем описывать семантику циркумфиксов во всей полноте, ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. Учитывая проблемы, обозначенные выше, для удобства дальнейшего изложения просто приведем примеры, в которых, по нашему мнению, встречаются глагольные циркумфиксы; именно такие употребления и рассматриваются далее в статье:

- (6) *Только замуж не торопилась, все думала — погуляю еще... Вот и **догулялась**. Полюбила своего Васю огромной смертельной любовью (И. Грекова. Перелом. 1987);*
- (7) *— Решил, что он и тут — солист. **Заигрался** мальчик. Полез исполнять главную роль и — сгорел (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014);*

- (8) *Ему даже стало стыдно за то, что он сейчас вдруг так **распелся*** (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2. 1978);
- (9) ***Уработайся** за день да и спи себе без задних ног* (Б. Евсеев. Евстигней // Октябрь. 2010).

Русским глагольным циркумфиксам посвящена обширная литература, см., например, соответствующие разделы в [Бондарко, Буланин 1967], [Зализняк, Шмелёв 2000], а также статьи [Ю 2002], [Ю 2002a], [Недолужко, Хорошкина 2014] и др. В этих работах циркумфиксы признаются особыми конструкциями, выражающими повышенную интенсивность ситуации; разные циркумфиксы, по мнению авторов, выражают разные грани этой интенсивности. Циркумфиксы при этом рассматриваются вместе с префиксами как показатели различных «способов действия» — и обычно не отделяются от них, несмотря на свой особый морфологический статус.

Заметим, однако, что циркумфиксы могут менять видовые характеристики и актантную структуру (модель управления) предиката, и этумену вряд ли можно свести к семантике интенсивности. Также сама структура циркумфиксов располагает к тому, чтобы описывать их значения через комбинацию значений префиксальной и суффиксальной частей, а не просто подходить к ним как к монолитной конструкции.

Попытка учесть это производится в [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татевосов 2015]: отмечается, что *-ся* в циркумфиксах выполняет либо реципрокальную функцию (то есть показывает взаимность действия, как в *переглядываться*), либо рефлексивную (то есть направленную на человека, совершающего действие).

Рефлексивная функция при этом несколько вторична, вспомогательна, ее можно было бы назвать автоматической. Поясним на примере: от глагола типа *пить* невозможно образовать предикат *напить* — потому что в семантике *пить* нет однозначно ожидаемого результата. У глагола *напить*, таким образом, семантика получается неясной — и в *напиться* с помощью рефлексивного суффикса она проясняется.

Таким образом, деривация циркумфиксов происходит в два этапа — на первом в структуру добавляется префикс, на втором — суффикс; авторы предлагают считать это двумя последовательными деривациями.

Однако представляется, что в некоторых случаях в семантике производящего глагола присутствует указание на ожидаемый результат — и соответственно автоматическое добавление циркумфикса не требуется:

- (10) *Закрывал форточку шваброй. **Дозакрывался** — разбил стекло.*

Эту мысль подкрепляет то, что многие приставочные дериваты от глаголов, от которых образуются циркумфиксы, вполне грамматичны:

- (11) *допрыгать* — **допрыгаться**;
(12) *наговорить* — **наговориться**.

Против того, чтобы считать *-ся* в циркумфиксах рефлексивным, говорит и такое соображение: у некоторых глаголов с циркумфиксами возможна омонимичная пара с действительно рефлексивным *-ся*. Так, глагол *умылся* может использоваться в двух смыслах ('умыл себя' и, более маргинально, 'так долго мыл, что замучался' — ср. ту же модель в *уроботался*).

Далее мы попробуем рассмотреть русские глагольные циркумфиксы как одну особую конструкцию. Вслед за [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татевосов 2015] мы будем рассматривать сразу все циркумфиксы — однако акцент буден сделан не на морфологическом статусе, а на семантике этой конструкции — с учетом ее двухкомпонентности.

2. Русские глагольные циркумфиксы как конструкция с особой семантикой

2.1. Семантика циркумфиксов

Как было отмечено выше, циркумфиксы влияют на акциональность и актантную структуру предиката: предикат, маркированный циркумфиксом — непереходный, его акциональный класс — событие или предельный процесс (*achievement* или *accomplishments* по [Vendler 1957]), см. *наелся*:

- (13) *Серёжа ел борщ тарелку за тарелкой и наконец **наелся***.

Циркумфиксы маркируют вхождение в некое состояние; при этом важно, что это не результативное состояние. На субъекте в примере (13) накапливаются некие свойства, однако деятельность субъекта (поедание супа) не обязана прекратиться с вхождением в это состояние. Более того, в примере (14) подразумевается обратное, говорить Сережа явно не заканчивал:

- (14) *Серёжа **разговорился***.

Представляется, что циркумфиксы обозначают вхождение в какое-то особое состояние, связанное с накоплением некоторых свойств на субъекте

и потерей им контроля. Для каждой приставки характерен свой набор свойств (примерно это имеется в виду в традиционной литературе под различными типами «интенсивности», выражаемыми циркумфиксами). Таким образом, вклад префиксальной части циркумфикса в семантику состоит в том, что она задает акциональность и специфицирует тип вхождения в состояние; существенно, что такие употребления у приставок бывают и без постфикса, ср. примеры (а) и (б) в (15)–(17); такие же пары можно привести и для остальных приставок.

- (15) а. **Зачитать** книгу до дыр.
б. **Зачитаться** до темноты.

- (16) а. **Допить** стакан.
б. **Допиться** до чёртиков.

- (17) а. **Разговорить** гостя.
б. **Разговориться**.

Постфикс *-ся* в циркумфиксах отвечает за общее понижение переходности клаузы, по [Норре, Thompson 1980]. В результате этого ее субъект теряет агентивность; такая функция аналогична *-ся* в глаголах типа *взялся* и *решился*. При этом субъект клаузы не обязательно является субъектом нового состояния; это состояние не определено и зависит от прагматического контекста.

- (18) [Ребенок трех лет очень хочет поиграть в мытье посуды и помыть старинный хрустальный бокал, отец ему это запрещает.] — *Ну что, домылся?*

Так, можно предположить, что ребенок упал со стула и ударился (в таком случае он действительно субъект нового состояния); ребенок разбил бокал (в таком случае субъект состояния — бокал); бокал вымыт, но вся кухня в воде и следах мыла; кухня цела, но ребенок попал кошке в глаз мылом, и т. д. и т. п. Таким образом, мы предлагаем считать *-ся* в циркумфиксах не рефлексивным (как в [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татево-сов 2015]), а именно показателем понижения переходности в широком смысле.

Итак, наше определение семантики русских глагольных циркумфиксов можно сформулировать так: глагольные циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем.

Рассмотрим далее некоторые примеры с разными приставками более подробно.

2.2. Циркумфикс *до-* -ся

Семантике русских приставок посвящена обширная литература — помимо уже вышеназванных работ стоит отметить [Meľčuk 1987], [Волохина, Попова 1993], [Кронгауз, Пайар 1997], [Кронгауз 1998], [Добрушина и др. 2001], [Янда 2012] (список далеко не полный). Несмотря на все это многообразие, кажется, что значения каждой приставки настолько комплексные и нерегулярные, что описать их с необходимой полнотой в рамках данной статьи не получается (и, соответственно, не получается с необходимой полнотой описать значения циркумфиксов). Мы и не ставим такой задачи — к семантике приставок мы подходим очень грубо и импрессионистично; нам важно, как семантика каждой конкретной приставки проявляется в семантике соответствующего циркумфикса — без детализации.

Одно из значений приставки *до-* — окончание деятельности, выраженной корнем. С предельными процессами приставка маркирует именно комплетив — достижение логического предела, а не терминатив — простое окончание деятельности. С непредельными процессами приставка *до-* может выражать терминатив, а может функционировать как некий ограничитель, вводящий в ситуацию логический предел.

Отметим также, что при употреблении с предлогом *до* приставка *до-* перестает маркировать конец деятельности, выраженной корнем; в примере (19) не содержится указаний на то, что ребенок перестал мыть руки — суть в появлении особого результата.

- (19) [Моющий руки ребенок жалобным тоном:] — *Я руки уже до дыр домыл!*

Вернемся к циркумфиксу *до-* -ся. Получается, что приставка *до-* практически не привносит в данное выше определение циркумфиксов новой семантики; ведь ее значение уже в нем присутствует. Эффект, который маркирует *до-*, может совпадать с логическим пределом — как в *до-гадал-ся* или в *до-звонил-ся*. В сочетании с предлогом *до* пропадает указание на то, что деятельность, выраженная корнем, закончилась (как мы это видели в (19)); так, в примере (20) Костя вполне может продолжать смотреть на Нину:

- (20) *Нина смотрела на воду, Костя сбоку разглядывал ее. И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку к своему боку, Нина повернулась к нему...* (В. Шукшин. Хахаль. 1969).

Таким образом, вклад *до-* в семантику циркумфикса по сути сводится к смене акционального класса. В итоге циркумфикс *до-* -ся, как кажется, имеет очень широкую сочетаемость — и очень размытое значение,

зачастую ясное только в широком контексте. Что именно произошло в примере (21) — можно только догадываться².

(21) *Петя прыгал-прыгал и допрыгался.*

Обратим внимание, что схожая семантика — наступление некоего эффекта в ходе деятельности, выраженной корнем, — может быть выражена и без циркумфиксов, с помощью особой интонации, частиц и других дискурсивно нагруженных элементов, см. пример (22).

(22) [Ребёнок яростно прыгал на батуте, порвал батут и разбил коленку.] — Ну что, *попрыгал*?

Однако если в (22) такое значение передается имплицитно, то для циркумфиксов (как в (21)) оно является частью денотативной семантики.

2.3. Циркумфикс *на- -ся*

Циркумфикс *на- -ся* — один из самых подробно описанных в литературе. Обычно отмечается, что он маркирует так называемый «сатуративный способ действия» — то есть действие до полного насыщения (см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 116]). Действительно, если рассмотреть (23), мы обнаружим, что на субъекте накапливался некий эффект — вплоть до полного его насыщения:

(23) *Серёжа наелся и напился.*

Однако если мы возьмем другие глаголы — скажем, *начитался*, *накупался*, *наплакался*, *набегался*, говорить о насыщении будет уже менее удобно; см. пример (24):

(24) — Ты на содержании у него! Ты *содержанка*! — выпалил Алик и испугался, что Галка даст ему по щеке. Но она уже овладела собой. — **Начитался** ты, Алик, западной литературы, — криво улыбнулась она и пошла прочь (Василий Аксенов. Звездный билет. 1961).

Здесь толкование ‘Алик насытился чтением западной литературы’ выглядит слишком метафоричным.

В примере (25) толкование через ‘насыщение субъекта’ кажется еще менее возможным:

(25) *На вас пирогов не наготовишься!*

² Лексема *допрыгаться* может иметь и идиоматизированное употребление — с нулевым значением корня, никак не связанное с прыганием. В таких употреблениях семантика циркумфикса *до- -ся* проявляется особенно наглядно. Мы благодарим анонимного рецензента за это замечание.

Попробуем объяснить эти употребления с помощью данного нами выше определения: циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Для этого нам необходимо, пусть и упрощенное, описание семантики приставки *на-*. Одно из значений приставки *на-* связано с «накоплением результата» (так называемый «кумулятивный способ действия», см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 114]). Так, в примере (26) Петя ‘накопил’ у себя какое-то количество еды, рыбы и дров:

(26) Петя **наловил** рыбы, **накупил** еды и **натаскал** дров.

Заметим, что в (26) ‘накапливаются’ объекты предикатов. Если же взять предикаты без прямого объекта (непереходные глаголы), типа *намусорить*, *натоптать* и *надышать*, то накапливаться будет некий семантический объект ситуации — в данном случае мусор, грязные следы, углекислый газ.

Попробуем проецировать это толкование на данное нами выше определение значения циркумфикса. Получается, что семантика *на-* -ся — вхождение в состояние, которое наступает в результате накопления семантического объекта ситуации. Важное отличие семантики циркумфикса от семантики отдельной приставки — наступление нового состояния — то есть получается, что накопление дает какой-то значимый эффект, причем отражается он не обязательно именно на субъекте ситуации.

Пример (23) в таком случае имеет следующее толкование: ‘Петя пил и ел, это произвело эффект, и Петя пришел в некоторое новое состояние’. (24) — ‘в результате чтения зарубежной литературы Алик пришел в такое состояние, что назвал Галку содержанкой’. (25) — ‘сколько пироги ни готовь, не удалось достигнуть такого состояния, чтобы накопить их достаточно’.

Заметим, что в употреблениях типа (25) *на-* -ся особенно часто встречается с отрицанием, см. (27) и (28).

(27) Пробовал тушить, так котелочком не **натаскаешься** воды... (Марина Марина. Витька-колдун // Дальний Восток. 2019).

(28) Да и продуктов на всю жизнь не **накупишься**... (Неделя. Письма // Огонек. 2015).

Возможно, причина этого чисто прагматическая — если бы в (27) и (28) удалось достичь эффекта, то говорящий использовал бы какие-то другие конструкции с другими предикатами; с отрицанием же циркумфикс вводит своеобразный предел, который в итоге так и не был достигнут.

Но важно также, что семантическая разница между *на-* и *на-* -ся в некоторых контекстах настолько тонкая, что в речи носителей эти конструкции вполне могут взаимозаменяться.

2.4. Циркумфикс *раз(с)-* -ся

Приставка *раз(с)-*, как кажется, становится предметом отдельных исследований не так уж и часто. Для этой приставки (как, впрочем, и для других русских приставок) характерна очень развитая полисемия — в [Мусинова 2003] для нее выделяется 12 значений и 33 подзначения.

Циркумфикс *раз(с)-* -ся описывается исследователями как регулярный: в [Зализняк, Шмелёв 2000: 118] отмечается, что он маркирует «эволютивный способ действия» — «конечную фазу постепенного нарастания интенсивности действия и, как следствие, достижение высокой степени реализации некоторого состояния». В качестве примеров приводятся глаголы *разболеться*, *распеться*, *разговориться*, *разбегаться* и другие.

Нам кажется, однако, что группа этих глаголов неоднородна — ее можно разделить как минимум на две, в соответствии с разными значениями префикса *раз-*. Так, глаголы типа *разораться* и *разбегаться* не обязательно подразумевают постепенное нарастание интенсивности — в примерах типа (29) важна в первую очередь просто высокая степень интенсивности, без указания на ее нарастание:

(29) — *И не надо так орать в микрофон свой, **разоралася**...* (Виктория Дергачёва. Монологи // Сибирские огни. 2013).

Такие употребления легко описываются с помощью данного нами выше определения, согласно которому циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Будем считать, что семантика *раз(с)-* тут аналогична семантике этого префикса в глаголах типа *расстелить* [скатерть] или *разрисовать* [стену]. Как представляется, в таких околостранственных употреблениях *раз(с)-* выражает (опять же, говоря очень упрощенно) разнонаправленность — или полный охват пространства. Тогда получается, что в примере (29) мы имеем следующее толкование: 'в результате ора в микрофон наступило такое состояние, что этот ор заполнил всё пространство'. Отсюда возникает и семантика интенсивности.

Однако глаголы типа *разболеться*, *распеться* и *расплакаться* сложно объяснить по такой модели. В самом деле, если *разболеться* еще может

быть истолковано как ‘особое состояние, достигнутое в результате болезни’, а *распеться* как ‘особое состояние, достигнутое в результате пения’ — то *расплакаться* не возникает в результате плача — и получается, что деятельность, обозначенная корнем, которая, согласно данному нами определению, приводит к новому состоянию, возникает только после наступления этого состояния. Такая же трактовка кажется более вероятной и для некоторых употреблений *разболеться* и *распеться* — болезнь и пение начинаются только когда субъект разболелся и распелся, но не раньше этого.

Данное затруднение легко снимается, если обратиться к таким употреблением приставки *раз-*, как *развеселить* или *разыграть [ребенка]* в контекстах типа (30). Употребления эти близки к каузативным — так, в (30) субъект каузирует ребенка играть (т. е. делает так, чтобы ребенок играл):

(30) Не *разыгрывай* ребёнка, ему скоро спать!

Такая трактовка *раз(с)-* подходит и для *расплакаться*, *разболеться* и *распеться*: ‘особое состояние, которое возникло в результате того, что субъект каузирован плакать, болеть и петь’.

3. Заключение

Мы показали, что при описании семантики и морфологического статуса русских глагольных циркумфиксов разумно подходить к ним как к особой диахронически производной конструкции с инвариантом семантики, который можно сформулировать так: глагольные циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Для нас в данной статье важны не столько семантические тонкости русских префиксов, сколько то, что представленное определение одинаково хорошо описывает все русские циркумфиксы — а разница значений сводится к разнице семантики их префиксальных частей. Для детального описания семантики циркумфиксов необходимы дальнейшие исследования русских приставок.

Сформулированное нами значение близко к семантике комплетива — однако, как мы отмечали выше, циркумфиксы обозначают вхождение не в результирующее состояние, а в некоторое особое состояние, не обязательно тождественное результирующему. Представляется, что поиск подобных показателей в языках мира и определение их места в семантической зоне при описании глагольного вида были бы очень полезны для грамматической теории.

Литература

- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 196 с.
- Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 270 с.
- Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки славянских культур, 2000. 221 с.
- Зевахина Н. А. Циркумфиксы как показатели актантной деривации // Структуры и интерпретации: Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике / Под ред. Ф. И. Дудчука, Н. В. Ивлиевой, А. В. Подобреева. Москва: изд-во Московского Университета, 2007. С. 64–85.
- Киселева К. Л., Татевосов С. Г. Гулял — нагулял — нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам конференции Диалог-2015. Т. 14. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 272–283.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1998. 286 с.
- Кронгауз М. А., Пайар Д. Глагольная префиксация в русском языке / Отв. ред. и состав. М. А. Кронгауз, Д. Пайар. М.: Русские словари, 1997. 220 с.
- Мунинова Т. В. Семантическое описание русской глагольной приставки *раз-* // Труды международной конференции Диалог-2003. М., 2003. С. 455–457.
- Недолужко А. Ю., Хорошкина А. С. «Вчера насочинялся ворох строк»: Productive circumfixal intensifying patterns in Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции Диалог-2014. Т. 1, № 1. М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 449–460.
- Ю Чул Чжон. Пространственные и непространственные значения конфикса *раз- -ся* // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. М., 2002. С. 295–331.
- Ю Чул Чжон. Семантическое описание русского глагольного конфикса *на- -ся*. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002а. Вып. 21. С. 24–41.
- Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
- Hopper P. J., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language, vol. 56, 1980, pp. 251–299.
- Mel'čuk I. Un affixe derivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // Revue des Études Slaves, 1987, vol. 59, pp. 631–648.
- Vendler Z. Verbs and times // The philosophical review, 66 (2), 1957, pp. 143–160.

References

- Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkii glagol* [Russian verb]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 190 p.
- Dobrushina E. R., Mellina E. A., Paia D. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [Russian prefixes: polysemy and the semantic unity]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2001. 270 p.
- Hopper, P. J., Thompson, S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, vol. 56, 1980, pp. 251–299.
- Kiseleva K. L., Tatevosov S. G. ['Gulyal' – 'nagulyal' – 'nagulyalsya': Towards the structure of prefix-postfix verbs]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam konferentsii Dialog-2015* [Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the Dialogue-2015 conference]. V. 14. Moscow, RSUH Publ., 2015, pp. 272–283. (In Russ.)
- Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: the semantic grammar]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., 1998. 286 p.
- Krongauz M. A., Paia D. *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke* [Verbal prefixation in Russian]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1997. 220 p.
- Mel'čuk I. Un affixe derivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. *Revue des Études Slaves*, 1987, vol. 59, pp. 631–648.
- Musinova T. V. [Semantic description of Russian verbal prefix raz-]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2003* [Proceedings of the international conference Dialogue-2003]. Moscow, 2003, pp. 455–457. (In Russ.)
- Nedoluzhko A. Yu., Khoroshkina A. S. "Vchera nasochinyalsya vorokh strok": Productive circumfixal intensifying patterns in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam konferentsii Dialog-2014* [Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the Dialogue-2014 conference]. V. 1, no. 1. Moscow, RSUH Publ., 2014, pp. 449–460. (In Russ.)
- Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*, 66 (2), 1957, pp. 143–160.
- Volokhina G. A., Popova Z. D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroistvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: semantics and distribution]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1993. 196 p.
- Yanda L. A. [Russian prefixes as verbal classifiers]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2012, no. 6, pp. 3–47. (In Russ.)
- Yu Chul Chzhon. [Spatial and non-spatial semantics of raz- -sya confix]. *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research on grammar theory]. V. 2. Moscow, 2002, pp. 295–331. (In Russ.)
- Yu Chul Chzhon. [Semantic description of the Russian na- -sya confix]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (ed.)* [Language, consciousness,

communication: Col. of articles / V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (eds.)). Moscow, MAKS Press, 2002a, v. 21. pp. 24–41. (In Russ.)

Zaliznyak, Anna A., Shmelev, A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introducing Russian aspectology]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2000. 221 p.

Zevakhina N. A. [Circumfixes as markers of the valence change]. *Struktury i interpretatsii: Raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike. F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobryaev (red.)* [Structures and Interpretations: Works of Young Researchers in Theoretical and Applied Linguistics. F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobryaev (eds.)]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2007, pp. 64–85. (In Russ.)

Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья

Гептинг Эльвира Львовна, Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого (Россия, Великий Новгород), Elvira.Gepting@novsu.ru

DOI: 10.31857/S013161170026399-7

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются вопросы, связанные с репрезентацией диалекта в сознании его носителей — представителей старшего поколения, проживающих на территории Ильменского Поозерья. Введение и навязывание через систему образования и общественные институты нормированного русского языка как единственного правильного и легитимного не смогло полностью искоренить местный диалект, но и не способствовало формированию его престижа, позитивной репрезентации в сознании носителей. Приводимые из интервью с местными жителями примеры доказывают, что собственный говор оценивается ими в аксиологических категориях по отношению к идеальной норме — кодифицированному русскому языку. Показывается, что высказываемые противоречивые мнения относительно своего говора являются реакцией на ситуацию несбалансированной диглоссии. Кроме того, рассматриваются факторы, способствующие вытеснению региональных говоров на территории Ильменского Поозерья. На примерах речи носителей кратко описывается современная лингвистическая ситуация, характерной чертой которой является неоднородность носителей диалекта с точки зрения языковой компетенции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репрезентация диалекта в сознании носителей, престиж языка, диглоссия, норма, языковая дискриминация

для цитирования: Гептинг Э. Л. Репрезентация собственного диалекта в сознании представителей старшего поколения Ильменского Поозерья // Русская речь. 2023. № 4. С. 40–50. DOI: 10.31857/S013161170026399-7.

Issues of Modern Russian Language

Dialect Representation in the Minds of the Older Generation of the Ilmen Poozerie

El'vira L. Gepting, Yaroslav the Wise Novgorod State University (Russia, Velikiy Novgorod),
Elvira.Gepting@novsu.ru

ABSTRACT: The article focuses on the reception of the dialect by its native speakers, namely representatives of the older generation living on the territory of the Ilmen Lake district. Despite the fact that the introduction and imposition of standard Russian language as the only correct and legitimate version through the education system and public institutions could not completely eradicate the local dialect, it did not contribute to its prestige and positive representation in the minds of native speakers. The examples from the interviews with local residents prove that they evaluate their own dialect in axiological categories in relation to the ideal norm — codified Russian. It appears that the native speakers have contradictory opinions regarding their dialect as a reaction to the situation of unbalanced diglossia. In addition, the article analyzes factors contributing to the displacement of regional dialects on the territory of the Ilmen Lake district. The examples of the representatives' discourse help to describe current linguistic situation in the Lake district villages, the main characteristic of which is that linguistic competences of the representatives vary.

KEYWORDS: dialect representation in the native speaker's mind, prestige of the language, diglossia, norm, language discrimination

FOR CITATION: *Gepting. L. Dialect Representation in the Minds of the Older Generation of the Ilmen Poozerie. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 40–50. DOI: 10.31857/S013161170026399-7.*

Статья является промежуточным итогом исследовательского проекта, посвященного репрезентации своего диалекта¹ в сознании жителей Ильменского Поозерья² (поозёров/позёров). Понятие репрезентации языка изучено и описано школой Монпелье (Н. Боуе), исследователями Вио А., Москвичевой С. А. и др. Данная категория необходима для оценки жизнеспособности языка и прогнозирования его будущего. В ходе исследования важно было выявить, сохраняется ли сегодня диалект / диалектные черты на обозначенной территории, и выяснить, каково отношение поозёров к собственному говору. Каковы субъективные представления жителей Поозерья о собственном диалекте и как эти представления проявляются в разговоре?

Материалом для настоящей статьи стали аудиозаписи, сделанные автором в ходе экспедиций 2020–2021 гг. в деревнях Ильменского Поозерья Новгородского района Новгородской области.

Согласно монографии «Диалектное членение русского языка» К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой северо-западное побережье озера Ильмень относится к лингвотерритории западных среднерусских окающих новгородских говоров, специфика которых определяется лишь характерным для них неравномерным распределением мелких ареалов разнодиалектных черт [Захарова, Орлова 2004: 140].

Характерной чертой лингвистической ситуации в Поозерье является то, что носители диалекта неоднородны с точки зрения языковой компетенции. Основными типами, которые выделяются в литературе, являются *fluent speakers, semi-speakers, terminal speakers* [Dorian 1977: 24; Grinevald, Bert 2011: 49–51], т. е. носители с языковой компетенцией высокого, среднего и низкого уровня. Носители с высоким уровнем компетенции также

¹ Термины «диалект», «территориальный диалект», «местный диалект», «региональный диалект», «говор» в данной работе употребляются как синонимы для определения устной (бесписьменной) формы языка, использующейся на территории Ильменского Поозерья.

² Ильменское Поозерье представляет собой компактную территорию, расположенную к югу от Новгорода. Это своеобразный микрорегион в северо-западной части берега озера Ильмень, простирающийся от Перынской рожи до устья реки Веряжи.

называются «консервативными». Сегодня в Поозерье имеются все эти типы носителей. Среди опрошенных информантов есть те, кто хорошо сохраняет диалект, есть те, кто сохраняет его хуже или практически не владеет им.

Полевая работа 2020–2021 гг. заключалась в первую очередь в интервьюировании наиболее пожилых жителей Поозерья. Настоящее исследование базируется на данных устных интервью с представителями старшего поколения (75–95 лет), которые оказывались чаще всего консервативными носителями.

Говор поозёров-старожилов демонстрирует относительно хорошую степень сохранности. В речи старшего поколения отмечается явная диалектная фонетика, например неполное оканье, отмеченное практически у каждого информанта-старожила; произношение *у* в соответствии с *о* в начале слова (*угурцы, уперация, уписание, убраться* и пр.), нерегулярное произношение *[u]* на месте *ь* в ударном слоге (*ниту, всех, поихать, поисть, дида, хлеб, мисто* и пр.), стяжение гласных в окончаниях *-ая, -ую, -ое, -ие, -ые* (*Так хороша жёнка-то, забольшна?; Я — позёрка рвана пазука!; Эта-то старинна фотокарточка; Балку нову вставляли; Ново училище; Издили машины гружены; Каки вы позёры?*). В речи поозёров встречаются некоторые лексические диалектизмы (*горазд* — очень, весьма; *забольшный* — хороший, красивый; *озабольшный* — настоящий, самостоятельный; *латка* — посуда для еды; *зелянка* — миска; *стрекава* — крапива; и т. д.), которые отражены в «Новгородском областном словаре» и «Словаре русских народных говоров».

Особенно активно представители старшего поколения поозёров используют разнообразные диалектные грамматические формы и конструкции. Из наиболее типичных черт можно назвать следующие: совпадение дательного и творительного падежей существительных и прилагательных (*Я работала с таким людям забольшным; Косим зелёнку самы косам; Обишли доскам; Чай с сухарям; Торговали овощам; Не видела своим глазам*); формы перфекта / употребление причастия в роли сказуемого (*Тут дома оставиши; Тут и родивиши; Все помёрши; Здесь прише́йцы люди*); формы плюсквамперфекта (*Они откуда-то были приехавиши*); склонение местоимений по образцу полных прилагательных (*Теи; Тыи только и были*), употребление глагольной форм 3-го лица без окончания (*Он живе; Они дома посидя; Стол стои*).

Все опрошенные нами носители консервативного варианта диалекта оказались женщинами не моложе семидесяти пяти лет, которые постоянно проживают в Поозерье и никогда не покидали этой территории на продолжительное время. В их речи проявляются все вышеперечисленные диалектные черты.

Особенностью среднекомпетентных носителей является высокая частотность свободного варьирования форм и непредсказуемость их употребления [Маньков 2014: 468]: (*уехал/уехавши; придёт/приде* и пр.). Среднекомпетентные носители диалекта — это, как правило, те, кто на протяжении нескольких лет жил в отрыве от родной территории (работал в городе, служил в армии и т. д.) или чья работа в селе была связана с административной функцией, сферой культуры, публичной деятельностью. Опрошенных старожилов-мужчин можно отнести к носителям диалекта среднего уровня компетенции. Покидая (пусть и временно) родные деревни, они в той или иной степени осваивали кодифицированный русский язык, единственный «легитимный язык» советского общества (путем привыкания, т. е. более или менее долгого контакта с этим языком [Bourdieu 1982: 53]), отвыкая от говора, усвоенного в семье.

В нашей стране с 30-х годов XX века господствовало пренебрежительное отношение к местным говорам, диалектам была объявлена настоящая война. В начале советской эпохи диалекты русского языка объявлялись пережитком прошлого, отклонением от литературного языка, его извращением [Касаткин 2005: 14]. Даже несмотря на существование научного интереса к региональным говорам в советское время (например, проведение экспедиций и фиксация живой диалектной речи в деревнях Новгородской области с 1958 года, составление картотеки региональной лексики и фразеологии), отношение к говорам не менялось. И до сих пор в обществе распространено мнение, что территориальный диалект — это «отсталая» форма языка не очень грамотных людей, региональный вариант языка, который в условиях всеобщего образования должен исчезнуть.

В период коллективизации провозглашалось уничтожение всех проявлений материальной и духовной жизни деревни. Для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было любой ценой бежать в город и забыть все, что с ней связано, в том числе и язык. Литературный язык («усовершенствованный код»), таким образом, возводился в ранг абсолютной языковой нормы, так что все прочие языковые практики мыслились отныне лишь как не дотягивающие до этой нормы [Bourdieu 1982: 39].

В Поозерье некоторые сельские жители, даже оставаясь жить в деревне, сознательно отказывались от своего языка. Так, одна из информанток под руководством присланного из города культработника «исправляла» свою диалектную речь на литературную: *Я в сельсовете много лет проработала, дак там надо было выступать и всё прочее... а разговор-то был не такой* (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г. р., д. Сергово).

Поскольку в обществе сформировалось устойчивое отрицательное отношение к диалектам, их носители, жители деревень, зачастую подвер-

гались языковой дискриминации: *Когда мама первый раз меня в город взяла, мне 6 лет было, я ещё в школу не ходил. Между собой мы на своём с ней говорили. И как приехали в город: «О! ПАЗёры приехали (они же в городе говорили на А, а здесь на О мы все говорили), ПАЗёры приехали! Ха-ха-ха-ха». Обычно смеялись, если скажешь что-нибудь такое... не как нужно, не по-книжному. И так постепенно мы уже стали стесняться и стараться говорить по-книжному, хотя на О все тут всё равно говорили* (Николай Александрович Лукин, 1940 г. р., д. Ондвор). Таким образом, в сознании ребенка рано сформировалась оценка своего языка как чего-то неправильного и ущербного.

Следующее свидетельство также демонстрирует пример глотофобии (языковой дискриминации) и спровоцированное ею у носителей диалекта чувство неловкости: *Горожане к нашему говору относились с иронией, с издёвкой. Они уже знали нас, что этот край рыбацкий, что такие люди старой закваски, ну, что у них свой говор... Я считаю, что у нас такой... немножечко старославянский уцелел. Молодёжь немножечко стеснялась: городские люди говорят вот так, а у нас... нас сразу узнавали по нашему говору. Ну, позёр тоже не иностранец же. Только и всего шта говор другой* (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г. р., д. Ондвор).

Подвергаемые языковой дискриминации поозёры, пожив в другой языковой среде, возвращаясь в родные края, начинали дискриминировать местных, продолжавших говорить на своём диалекте: *Если, скажем, поозёр послужит в армии 3–4 года, он приходит, уже на него повлияло общение-то с другими морячками-то, с другими людьми, уже говорил он немножечко так... и над нами посмеивался... ха-ха-ха* (Алексей Павлович Дорожкин, 1933 г. р., д. Ондвор).

Для сравнения интересно привести пассаж из этнографической заметки о поозёрах второй половины XIX века: «Но позёры как-то неприязненно смотрят на модные нововведения. Случается, если кто из позёр поживет в Петербурге или в другом каком городе и возвратится на родину в немецком костюме, с произношением в разговорах городских слов, то не только посторонние, но и свои родные будут смеяться над ним, и волей-неволей он должен будет оставить то и другое. В разговоре позёр иногда слышатся славянизмы» [Дубровин 1871: 213].

И здесь мы сталкиваемся с коммуникативной функцией языка: если человек живет в конкретном диалектном регионе и не пользуется диалектом, то он должен быть готов к тому, что его будут воспринимать как чужого. Как мы видим, в XIX веке человек, поживший некоторое время в городе, предпочитал не становиться чужим среди своих и вновь возвращался к родному диалекту. Но уже в середине XX века поозёры, избавившиеся от этого «пережитка прошлого», своего родного диалекта,

и вооружившись «престижным» языком советского общества, не боялись оказаться «чужими» в родном крае, остаться в изоляции, но сами противопоставляли себя коллективу, сохранявшему диалектные черты, подвергая его насмешкам, осознанно шли на нарушение коммуникации.

Пренебрежительное отношение к местному говору учителей сельских школ (особенно приезжих), вымирание деревни, уменьшение числа сельских жителей во многом способствовали вытеснению коммуникативной потребности в местном говоре. В этот период сложилось нечто вроде билингвизма: всё чаще сельские жители стали вынужденно прибегать к «официальному» русскому языку, хотя в семейной сфере жители Поозерья продолжали пользоваться диалектом. Например, один из информантов вспоминает, как со школьной скамьи его отучали от языка, который он унаследовал в родной семье: *Вы бы знали, как здесь по-особенному говорили! Только в нашей местности говорили таким образом. А когда стали в школу ходить, там начали требовать, чтобы говорили, как написано, по-книжному. Учителя нас просто на смех поднимали, передразнивали, а все смеются... ну, это если учителя не местные. И постепенно все стали отвыкать. Но между собой дома говорили по-местному* (Николай Александрович Лукин, 1940 г. р., д. Ондвор).

Ср. *Мы учились по книжкам, как в книжке эти говорили слова, и на уроках говорили, как в книжках. Это мы по-своему общались между собой* (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г. р., д. Заболотье).

Так, местный диалект, распространенный в Поозерье, стал оцениваться по отношению к идеальной норме — кодифицированному русскому языку. Подобная ситуация диглоссии, «неравенства» в использовании языка способствует возникновению идеи *репрезентации языка* в сознании его носителей, которая определяется как иррациональный фактор любви/нелюби к языку, степень его престижа в языковом коллективе, субъективные представления о его потенциале. Таким образом, связь между его репрезентацией в сознании и языковой практикой вполне реальна и материальна. Идея репрезентации смыкается с понятием языковой нормы и функционированием языка в социуме. Осознание своего языка (диалекта) как «неполноценного», не соответствующего принятой норме, приводит к коммуникативной неуверенности, что, в свою очередь, может найти выражение... в отказе от языка [Вио, Москвичева: 93–94].

Вместе с тем проведенные интервью показывают, что, несмотря на все указанные факторы, препятствующие дальнейшему развитию и функционированию регионального говора, сегодня в деревнях Поозерья среди старожилов местный диалект все же сохраняет довольно сильные позиции. Он является важным в повседневном общении представителей старшего поколения, однако его статус и престиж в их глазах невысок.

Отвечая на вопрос об отношении к своей речи, носители, как правило, оценивают свой диалект в аксиологических категориях: говорить «неправильно», «некрасиво», «ненормально», «нехорошо», «плохо» или «правильно», «красиво», «нормально», «хорошо»/«лучше», то есть собственный говор оценивается по отношению к идеальной норме. В исследуемом материале много свидетельств существования в сознании носителей диалекта нормы (кодифицированного, «городского» языка).

— Наречие-то у нас другое. Мы уже взрослые были и понимали, что неправильно говорим.

— То есть вы считаете, что говорите неправильно?

— Конечно! У меня сын не говорит так, как я. Он по-городскому говорит (Любовь Алексеевна Горбачёва (Гагарина), 1939 г. р., д. Заболотье).

Основные-то слова теперь я правильно говорю, а так-то окаю (Парасковья Григорьевна Уксусова, 1925 г. р., д. Сергово).

Ну, городски, конечно, оне же красиво разговаривают, не так, как мы (Нелли Лукинична Герасимова, 1939 г. р., д. Заболотье).

Оны [дети и внуки] по-нормальному говорят! По-нормальному! Как городски. Оны уже так не говоря, как я, не. Я говорю приехали. Зачем же им так говорить? Над ними же смеяться будут в городе (Валентина Павловна Мишихина, 1946 г. р., д. Липицы).

Мы не по-нашему говорим, не как нормально... Мне и дети говоря: ты не правильно говоришь (Нина Николаевна Шабарина, 1935 г. р., д. Яровицы).

Оны [дети] лучше нас говорят уже, оны же молодое поколение, оны уже общаются везде, учились там (Нина Владимировна Шабарина (Хватова), 1941 г. р., д. Заболотье).

Так мы-то плохо говорим. Разве говоря топерь, как мы говорим? Все нас считали позёрам. Во, говоря, позёры явились (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г. р., д. Еруново).

Оны-то хорошо говоря [дети], а мы-то плохо, признаюсь! Горазд я вам тут хорошо говорю, ха-ха-ха (Антонина Алексеевна Трошкова (Пелина), 1933 г. р., д. Еруново).

Интервью с пожилыми жителями Поозерья демонстрируют не только отрицательную, но и положительную репрезентацию диалекта в сознании носителей. В высказываниях об отношении к собственному говору, полученных во время устных интервью с носителями диалекта в Поозерье, были представлены не только ирония, чувства стеснения, стыда, ощущения «неправильности» и «ненормальности», но и гордости. Информанты свидетельствовали в пользу диалекта, говорили о нем как о важном

показателе принадлежности к своим корням и как о гаранте Божьего покровительства:

— Когда в Новгороде жили, не пытались избавиться от деревенской речи?

— Нееее! Не! Не! Мне всё говорили Валя да Марина: «Как же это так-то: ты всё по-деревенски говоришь!» А я всё говорю: «Я — истинная крестьянка, позёрка с молоком матери, и я с Богом и со мной Бог». Они говорят: «паехали», а я говорю: «поихали» (Мария Александровна Ерошина, 1938 г. р, д. Липицы).

Я считаю, что я говорю правильно, потому что, как говорю, так и пишется (Валентина Павловна Мишихина, 1946 г. р., д. Липицы).

Да мы-то говорим, думаю, очень хорошо говорим. Мы-то сами по себе [между собой] хорошо говорим и не замечаем (Нина Владимировна Шабарина, 1941 г. р., д. Заболотье).

Такие различные на первый взгляд мнения относительно своего говора на самом деле представляют собой проявления одной сущности, а именно реакции на ситуацию несбалансированной диглоссии. В подобных случаях уменьшается роль инструментальной функции языка и возрастает роль символической функции: в частности, язык становится маркером идентичности [Вио, Москвитина 2013: 94]. В условиях подавления одного из языков самые разные «предрассудки и фантазмы становятся частью лингвистической ситуации и питают целую гамму поведения по отношению к языку: от чувства стыда и вины до его идеализации, от отрицания до фетишизации, от стигматизации до мифологизации» [Boyer 1990: 106].

Итак, можно сделать вывод о том, что социальная и языковая политика советского времени, вытесняя территориальные диалекты из коммуникативного пространства сельских жителей на протяжении длительного времени, воспитывала в жителях деревни комплекс неполноценности, чувства стеснения и стыда относительно своего родного диалекта, ощущение его неправильности, его несоответствия норме. Негативное отношение к языку деревни на государственном уровне хоть и не смогло полностью искоренить местный диалект Поозерья, но не способствовало становлению его престижа в глазах носителей, формируя у них самые противоречивые чувства относительно своего говора. Сделанные выводы лягут в основу дальнейшего исследования и позволят установить, существует ли корреляция между репрезентацией своего диалекта в сознании пожилых представителей Поозерья и передачей его следующему поколению.

Источники

Клевцова А. В., Петрова Л. Я. (ред.). Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 27.11.2021).

Литература

Вио А., Москвичева С. А. Проблема репрезентации языка в сознании его носителей в условиях языкового приграничья: к вопросу о потребности в карельском языке // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2013. № 1. С. 92–97.

Дубровин С. Позёры в Новгороде (Этнографическая наброска) // Отечественные записки. Санкт-Петербург. 1871. № 7. С. 195–220.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 176 с.

Касаткин Л. Л. Русские диалекты в свете языковой политики // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Academia, 2005. С. 12–16.

Маньков А. Е. Диалект села Старошведское: проблема структурных изменений в исчезающем языке // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014). М.: Институт языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, 2014. С. 463–473.

Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris, Fayard, 1982, pp. 23–58.

Boyer H. Matériaux pour une approche des représentations sociolinguistiques. Eléments de définition et parcours documentaire en diglossie // Langue française, 1990, no. 85, pp. 102–124.

Dorian N. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death // International Journal of the Sociology of Language, 1977 (12), pp. 23–32.

Grinevald C., Bert M. Speakers and Communities // The Cambridge Handbook of Endangered Languages. Cambridge University Press, 2011, pp. 45–65.

References

Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris, Fayard, 1982, pp. 23–58.

Boyer H. Matériaux pour une approche des représentations sociolinguistiques. Eléments de définition et parcours documentaire en diglossie. *Langue française*, 1990, no. 85, pp. 102–124. (In French)

- Dorian N. The Problem of the Semi-Speaker in Language Death. *International Journal of the Sociology of Language*, 1977 (12), pp. 23–32. (In Engl.)
- Dubrovin S. [Posers in Novgorod (Ethnographic sketch)]. *Otechestvennye zapiski*, St. Petersburg, 1871, no. 7, pp. 195–220. (In Russ.)
- Grinevald C., Bert M. Speakers and Communities. *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge University Press, 2011, pp. 45–65. (In Engl.)
- Kasatkin L. L. [Russian dialects in the light of language policy]. *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow, Academia Publ., 2005, pp. 12–16. (In Russ.)
- Man'kov A. E. [The dialect of the village of Staroshvedskoe: the problem of structural changes in an endangered language]. *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 16–19 sentyabrya 2014)* [Language policy and language conflicts in the modern world: International conference (Moscow, September 16–19, 2014)]. Moscow, Institute of Linguistics RAS, Research Center for National and Linguistic Relations, 2014, pp. 463–473. (In Russ.)
- Vio A., Moskvicheva S. A. [Problem of language representation in native speaker's mind in context of language border zone: stadying need in Karelian language]. *Vestnik RUDN, seriya Psikhologiya i pedagogika*, 2013, no. 1, pp. 92–97. (In Russ.)
- Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 176 p.

Карнавализация в лексике современного русского и китайского языков

И Лицунь, Пекинский университет (Китай, Пекин), yiliqun@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170027461-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена карнавализации в лексике современного русского и китайского языков. Анализ проводился на материале выборки из Национального корпуса русского языка и корпуса китайского языка, а также современных текстов СМИ в двух странах. Предметом исследования является активное употребление русских и китайских модных слов, которое рассматривается как карнавализация в современной лексике. Объектом исследования являются часто встречающиеся и экспрессивные «модные» языковые единицы. Автор подробно рассматривает следующие аспекты карнавализации в лексике современного русского и китайского языков: широкое использование заимствованных слов (анализируются как внутренние заимствования — из различных нерегламентированных сфер речевого общения — жаргон, просторечие и т. п., так и внешние — из других языков), а также игровое переосмысление слов литературного языка и создание многочисленных окказионализмов в результате языковой игры.

Особое внимание уделяется исследованию результатов карнавализации в современном русском и китайском языках. Можно сказать, что употребление модных слов может быть рискованным для создания имиджа. Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые выводы: карнавализация лексики тесно связана с культурой комического; в современном языке активно употребляются модные словечки, лексический карнавал действительно становится универсальным языковым явлением, он наблюдается не только в русском, но

и в китайском языке. С одной стороны, в ходе этого карнавала носители языка используют модные слова для самовыражения, преодолевая языковую рутину и социальную замкнутость, с другой стороны — данное явление может провоцировать недопонимание и даже отчуждение между разными социальными группами. Статья может быть интересна специалистам по теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексическая карнавализация, модное слово, имидж, языковая игра, культура комического, самовыражение, китайский язык, русский язык

для цитирования: И Лицунь. Карнавализация в лексике современного русского и китайского языков // Русская речь. 2023. № 4. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013161170027461-6.

Issues of Modern Russian Language

Carnivalisation in the Vocabulary of Modern Russian and Chinese Languages

Yi Liqun, Peking University (China, Beijing), yiliqun@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to carnivalization in the vocabulary of the modern Russian and Chinese languages. The study uses the extracts from the contexts of corpora and live media speech in China and Russia as the material. The paper scrutinizes the active use of Russian and Chinese buzzwords, which is viewed as carnivalization in modern vocabulary. The author examines in detail the following aspects of carnivalization in the lexicon of modern Russian and Chinese: widespread use of borrowed words (internal and external), semantic reinterpretation of literary words in new meanings and creation of numerous occasionalisms through language games. The article pays particular attention to the study of the results of carnivalization in modern Russian and Chinese. One can say, that the abuse of

buzzwords can also be risky for one's image. The results of the analysis allow us to draw some particular conclusions that may interest readers in our study: the carnivalization of vocabulary is closely related to the culture of comicality; in the modern language, buzzwords are rapidly activated, the lexical carnival surely becomes universal and manifests itself not only in Russian, but also in Chinese. On the one hand, the speakers, who use carnivalization, express themselves to a sufficient extent with buzzwords, overcoming banality and social isolation, on the other hand, they cause immense misunderstanding and create alienation between different social groups. The author's contribution to the study is the extraction of examples for analysis from the texts of linguistic corpora and media in Russian and Chinese. The novelty of the study lies in the fact that the article analyzes carnivalization in vocabulary for the first time, taking into account the language fashion, using examples of modern Russian and Chinese languages. The article may be interesting to specialists in theoretical, applied and comparative linguistics.

KEYWORDS: lexical carnivalization, buzzword, image, language game, comic culture, self-expression, Chinese language, Russian language

FOR CITATION: Yi Liqun. Carnivalisation in the Vocabulary of Modern Russian and Chinese Languages. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S013161170027461-6.

В последние десятилетия феномен модного слова стал объектом научного изучения в языкознании, социологии, семиотике и лингвокультурологии. Понятие моды возникло применительно к одежде и распространилось на другие сферы человеческой жизни. Обратимся к самому понятию «моды». В «Этимологическом словаре современного русского языка» толкование слова «мода» представлено как «непродолжительное господство тех или иных вкусов общества в отношении одежды, предметов быта и т. п.; всеобщее признание, внимание, известность в данное время» [Шапошников 2010: 252]. Таким образом, в лингвистике языковая мода понимается как «специфическая форма проявления языковой культуры посредством языковых привычек и вкусов, коммуникативных ценностей и тенденций, господствующих в каком-либо обществе в определенный период времени» [Ряпихова 2013: 162]. Аналогично тому, как одежда украшает человека, речь становится средством создания его

имиджа. Так, в фильме «Моя прекрасная леди» главный герой, профессор Генри Хиггинс (Рекс Харрисон), выдающийся лингвист, обучает уличную цветочницу Элизу Дулиттл (Одри Хепбёрн) говорить так чисто и грамотно, что высшее общество принимает ее как свою.

Феномен модного слова тесно связан со многими областями, в том числе с философией. Представляется важным определение тегименологии, характеризующее М. Эпштейном как «дисциплина, которая рассматривает мир тегименов — покрытий, оболочек, упаковок — в отношении того, что они скрывают собой» и видит главным интересом тегименологии «человека, как наиболее “сокровенное” существо» [Эпштейн 2003: 398]. Он считает, что «...скорлупа — тегимен ореха. Маска — тегимен лица. Одежда — тегимен тела. Тело — тегимен того, что называют душой. Тегимен — общий класс таких объектов, как покрытие, поверхность, упаковка, оболочка, обертка, одежда, футляр, чехол, декорация, маска...» [Эпштейн 2003: 397]. На основе этого рассуждения в настоящей статье как речевые маски для создания имиджа носителей языка рассматриваются модные слова — единицы, получившие большую популярность в определенный период времени. «В отличие от неологизмов, модные слова не всегда являются теми, которые появились в языке недавно и вошли в активный оборот. Стать модным может слово давно известное, но получившее необычайно широкое распространение» [Сперанская 2014: 317].

Активное использование модных слов приводит к тому, что и в китайском, и в русском языках наблюдается усиление игрового элемента в языке: живая речь мыслится как некий карнавал, где носители языка стремятся затмить своими «нарядами» друг друга. В словаре под редакцией Л. П. Крысина читаем: «КАРНАВАЛ, м. [фр. carnaval < ит. carnevale < carne мясо + vale прощай: карнавал получил свое название в Италии конца XIII в., когда он официально был приурочен к празднованию масленицы, после которой начинался пост, с его запретом на мясную пищу; отсюда название]. Народное празднество с шествиями, уличными маскарадами» [Крысин 2006: 340]. Он напоминает также китайский храмовой праздник. Любопытно, что во все исторические периоды и во всех странах смысл данного праздника объединен одним: стремлением человека к веселью. Полагаем возможным перенесение этого понятия из сферы культуры в сферу языка.

Карнавализация — семиотическая теория карнавала, изложенная М. М. Бахтиным в его книге о Рабле [Бахтин 1990]. Смысл концепции Бахтина в том, что он применил понятие карнавала, ежегодного праздника перед Великим постом, ко всем явлениям культуры Нового времени» [Руднев 1999: 126]. В своей работе «Проблемы поэтики Достоевского»

М. М. Бахтин выделяет суть карнавала как «инверсию двоичных противопоставлений»: королем объявляется шут, епископом — сквернослов и богохульник, верх становится низом, голова — задом и половыми органами. По его мнению, карнавализацией считается «временное отступление от высоких и общепринятых идеалов», «карнавал — это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха», в карнавале «оба аспекта мира — серьезный и смеховой — сосуществуют и взаимно отражают друг друга» [Бахтин 1990: 136]. В языке «неосознанное стремление к стилистическому снижению значимости слов проявилось не только в их переименовании, но и в возникновении иронического или пренебрежительного оттенка. Смеховая культура, так подробно исследованная известным литературоведом М. М. Бахтиным, проявилась теперь на языковом уровне...» [Трофимова 2001]. В настоящее время, в эпоху интернета и СМИ, происходит бурная карнавализация в современном языке, особенно в среде виртуального мира. Проявлением карнавализации в языке является феномен модного слова. Так, в противопоставление реальному миру активно используются модные слова, которые могут представлять собой единицы некодифицированных разновидностей языка (сленг, жаргоны, просторечия и т. п.) или слова в значениях, отличных от их значений в литературном языке.

В статье рассматриваются следующие аспекты карнавализации в лексике современного русского и китайского языков:

1. Широкое использование заимствований. В работе «Языковой вкус эпохи» В. Г. Костомаров пишет: «В старании показать свою широту и ученость, точнее свою приобщенность к американо-западному миру, журналисты нередко создают причудливую смесь иностранных слов, грубого просторечия и жаргона» [Костомаров 1999]. В. Г. Костомаров различает внешние заимствования — прежде всего из английского языка — и внутренние заимствования: из аргосл, жаргона, сленга, просторечия. Причем актуализируются как внешние, так и внутренние заимствования.

Заимствования из английского языка:

- 1) *Но некая энергия в его кино все еще имеется, но это, скорее, уже не драйв, а тяжелое похмелье после сильно затянувшегося угара* (Фильмы // Русский репортер. 2012). **Драйв** — состояние эмоционального подъема и воодушевления;
- 2) *Последний срок — по-иностранному, «дедлайн» — он трудный самый* (Вчера, сегодня... завтра? // 64 — Шахматное обозрение. 15.12.2004). **Дедлайн** — крайний срок выполнения задачи или работы, определенный момент времени, к которому должна быть достигнута цель или выполнена задача;

- 3) *Обладатель золота Олимпиады по вольной борьбе, действующий чемпион UFC в легчайшем и наилегчайшем весе, признанный мастер интернет-кринжа — Сехудо заслуживает отдельной короны за свои посты в Twitter* (Н. Костюков. Пощады не будет // lenta.ru. 19.12.2019). **Кринж** — чувство, близкое к “испанскому стыду”, когда человек испытывает неудобство и стыд за свои или чужие действия.
- 4) *Следует отметить, что лайк или репост какого-либо поста не означает полного согласия и подтверждения представленной в сообщении информации* (М. П. Сухарькова. Онлайн-активность олимпийского волонтерского движения «Сочи-2014» до и после игр // Информационное общество. 2016). **Лайк** — это кнопка для одобрения того, что человеку нравится при общении в социальных сетях;
- 5) *Потому что некоторым лузерам охота кушать трижды в день* (М. Неволошин. Уходишь — счастливо, приходишь — привет // Волга. 2016). **Лузер** — хронический неудачник.

Внутренние заимствования:

- 6) *Купят на твои бабки себе новую машину, да ещё и наварятся* (А. Геласимов. Ты можешь. 2001). **Бабки** (только мн.) — деньги, денежные средства;
- 7) — *Все то бабло, на которое миллионы счастливых еврейских семей могли бы покинуть СССР и устроиться в Израиле, — говорит Второй* (В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // Волга. 2011). **Бабло** — жаргонное выражение, означающее деньги;
- 8) *Как сусликов! Беспредел, в натуре! Хрена им, суконцам! — Мадера грязно выругался и упал с чурки* (Геннадий Башкуев. Маленькая война // Сибирские огни. 2013). **Беспредел** — отсутствие правил, законов, ограничивающих чей-л. произвол;
- 9) *В России уже есть такая традиция — раз в десять лет случается финансовая «жопа»* (И. Плыткевич. Как потерять свои деньги за один день. 2017). **Жопа** — (в переносном значении) очень тяжелое или безвыходное положение;
- 10) *感觉自己萌萌哒!* (Чувствую себя такой милашкой!) **萌** — от япон. «моэ» — милый, симпатичный, а **哒** — модальная частица. Выражение **萌萌哒** появилось впервые на сайте «douban», значение этого выражения относилось к какой-то персоне, которая выглядит странно. Выражение стало популярным благодаря инсталляции дворца-музея в Запретном городе в Пекине, где находился император Юнчжэн (династия Цин), который выглядел очень мило. В обиходных ситуациях, выражение используется для того, чтобы описать человека, который выглядит «ужасно мило»;

- 11) 我已经用尽了自己的洪荒之力。(Я уже истратила всю свою **первобытную силу**.) 洪荒 изначально относится к состоянию хаоса и невежества и относится к древним временам. Согласно легенде, когда мир возник, случился великий потоп, который почти уничтожил весь мир и оставил землю бесплодной. 洪荒之力 относится к природной силе, которая может разрушить мир;
- 12) 最重要的是不折腾。(Самое важное — быть **свободным от суматохи**.) Выражение 不折腾 употребил Ху Цзиньтао (председатель КНР с 2003 по 2012 год) в своей речи, посвященной юбилею Китайской коммунистической партии. И именно как цитата из этой речи оно становится модным и значимым. При этом изменяется значение: «свободный от суматохи» — это не то, что привязано к конкретной бытовой ситуации, а метонимическое обозначение определенной программы государственного строительства, о чем и говорилось в названной речи;
- 13) 真给力呀! (Действительно **клево**!) 给 — дать, 力 — сила, 给力 означает, что нечто очень хорошо, эффективно, круто или впечатляюще. Это слово может быть использовано как прилагательное или как восклицание. Сейчас это слово широко используется в китайском интернете и даже включено в «Современный словарь китайского языка». Оно также имеет английский эквивалент «gelivable», который образован от 给力 и суффикса «-able».

2. Иронически обыгрываются значения уже существующих в языке слов, в результате чего происходит расширение их сочетаемости или их семантическое переосмысление:

- 1) В фейсбуке есть даже группа «**Токсичные родители**» (Кс. Туркова. Токсичный рыбакейт и ихтамнет-2 (16.02.2018) // Сноб. 2018). **Токсичный** — вредный, неприятный в общении человек;
- 2) С нами ещё Барменков, 4 человека из класса! **Прикол!** Удачно поразвлечься! (СМС-сообщения старших школьников. 2004). **Прикол** — шутка, розыгрыш;
- 3) Дело еще в том, что я потихоньку приготовил тут себе синекуру, а должность утверждается тем самым высшим начальством. Так что, извините, господин писатель, — **облом!** (А. Кириллин. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012). **Облом** — неудача, невезение;
- 4) Может быть, боялась, предположил я. Про наркотики — вообще **жесть**. Я закончил, сказав, что вся история кажется мне странной и что Аркадий производил на меня впечатление вполне нормального человека (А. Клепаков. Опекун // Волга. 2016). **Жесть** — о чем-то ужасном;

- 5) *А тот **хомяк**, чьи были деньги, получил сотню тонн, хотя не понимает в биржевых делах ни шиша* (О. Некрасова. Платит последний 2000). **Хомяк** — человек, который скапливает вещи или деньги, как хомяк;
- 6) *还有些网友戏称：“这是一条**有毒**的视频，已经看了好多遍。* (Некоторые пользователи сети шутили: «Это **токсичное** видео, которое было просмотрено уже много раз».) **有毒的** — содержащий яд, переносное значение — вызывающий привыкание, очень привлекательный;
- 7) *自拍**有毒**你造吗？* (Знаешь ли, селфи **токсично**?) **有毒** — вредно;
- 8) *他**蜗居**书斋。* (Он оставался в своей библиотечной **каморке**.) **蜗** — улитка, **居** — дом, **蜗居** — раковина улитки, переносное значение — каморка, тесное помещение;
- 9) *我被雷到了。* (Меня **сильно удивляет**.) **雷** — гром; поразить громом;
- 10) *他的话充满了正能量。* (Его слова дают большой **оптимистичный настрой**.) **正能量** — позитивная энергия, оптимистичный настрой.

3. В результате языковой игры могут возникать окказиональные слова¹. Некоторые окказионализмы могут стать модными, если они касаются актуальных для жизни общества тем или их употребляет в речи публичная персона.

- 1) — *Я раньше тоже в телевизор все время смотрела, — ободряет подругу бухгалтер инициативной группы Римма Шепетук. — А теперь заявляю: это **зомбоящик**.* — *Согласна, — говорит Людмила* (Н. Гирич. Русский Север и мусорный Юг // Новая газета. 12.2018). **Зомбоящик** — шутовское и пренебрежительное название телевизора.
- 2) *Начальник Областного управления культуры Курганов **подхрюкивал** властям и хотел убрать с выставки оставшиеся две картины Подъяпольского, но вступился неожиданно его заместитель Кузнецов, — у Курганова челюсть отвисла! — остались картины висеть* (В. В. Лопатин. Диалоги о цвете в живописи // Волга. 2015). **Подхрюкивать** — угодливо, с каким-либо умыслом соглашаться с кем-либо, поддерживать кого-либо. Оно стало модным благодаря посланию В. Путина Федеральному собранию. Он употребил этот глагол, рассказывая о выходе США из Договора о ракетах средней и малой

¹ Как правило, **окказионализмом** называют индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.

дальности и о том, как американские сателлиты отреагировали на обвинения России в нарушении ДРСМД.

- 3) *Именно таким живучим неологизмом можно считать сращение «ихтамнет» — существительное, составленное из трех слов* (Ксения Туркова. Токсичный рыбагейт и ихтамнет-2 (16.02.2018) // Сноб. 2018). **Ихтамнет** — россиянин, отстаивающий интересы российских властей за рубежом (как правило, насильственными способами), хотя это отрицается российскими властями.
- 4) 他又在织围脖了。(Он опять **пишет микроблог**.) Это игра слов с 微博 (микроблог), 微 и 围 звучат похоже, а 博 и 脖 имеют одинаковый тон. Таким образом, 织围脖 можно перевести как «вязать шарф», но на самом деле это значит «писать или обновлять микроблог».
- 5) 神马都是浮云。(Все **это пустяки**.) 浮云 — плывущее облако, переносное значение — пустяки, быстротечное.
- 6) **funny mud pee** — слово принадлежит к Chinglish (Chinese English — особой разновидности сленга), это ругательство — результат языковой игры, оно составлено из английских слов (но в английском языке такое их сочетание не употребляется). Произносится как 放你妈的屁 и имеет значение ‘блуждать’, ‘откровенная ложь’ в китайском языке.
- 7) **awsl** (Ай, я умер/умерла!). Aws! — китайская аббревиатура пиньинь² предложения 啊, 我死了 (А, wǒ sǐ le). Оно употребляется как экспрессивное выражение возбуждения.

Как показывают наблюдения, в современной русской и китайской речи появилась тенденция к размыванию языковых норм. А карнавализация в лексике, в свою очередь, дает носителям языка возможность посредством «игры слов» временно освободиться от тягот иерархического мира, его строгих правил и запретов. «Здесь — на карнавальной площади — господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения. На фоне исключительной иерархичности феодально-средневекового строя и крайней сословной и корпоративной разобщенности людей в условиях обычной жизни этот вольный фамильярный контакт между всеми людьми ощущался очень остро и составлял существенную часть общего карнавального мироощущения. Человек как бы перерождался для новых, чисто человеческих отношений» [Бахтин 1990: 15].

² Пиньинь — это официально принятая запись звуков китайского языка с помощью латинских букв.

Аналогично, в ходе лексического карнавала носители языка используют модные слова для самовыражения, преодолевая языковую рутину и социальную замкнутость. Кроме того, употребление модных слов помогает формированию определенного имиджа. Например, употребление модных слов «предприниматель» и «бизнесмен» для создания имиджа делового человека. «Как показывает статистический сервис НКРЯ, в последние пятнадцать лет номинации с ярко выраженной оценочностью *делец*, *деляга* значительно (почти в десять раз) уступают в частоте употреблений практически нейтральным *предприниматель* и *бизнесмен*... абстрактность соответствующей номинации позволяет субъекту речи повысить свой статус, подать себя в выгодном ключе, сменить “минус” на “плюс” в глазах общества» [Северская 2014: 382]. Но «само слово бизнес устроено точно таким же образом. Совершенно естественно в ответ на вопрос *Кто он?* сказать *У него свой бизнес*. Но по сути это не значит почти ничего, это просто такое определение через отрицание: не госслужащий, не наемный работник, не богема. Разброс может быть от мультимиллиардера, владельца заводов, газет, пароходов до чистильщика обуви или мелкого мошенника» [Кронгауз 2007: 33].

Однако частотность употребления модных слов может вызывать недопонимание и даже отчуждение между разными социальными слоями населения. Например, внутренние заимствования преимущественно составляют сниженные слова (вульгаризмы и сленг), их преимущественно употребляет молодежь с целью самовыражения и демонстрации чувства юмора, но в то же время это вызывает немалую тревогу у представителей старшего поколения в связи с загрязнением родного языка и снижением языковой культуры. Такой потенциальный риск также несет частотное употребление иноязычных, новообразованных слов и семантических переосмыслений.

Лексическая карнавализация дает возможность вырваться из привычных рамок, социальных условностей, в некотором смысле стереть словесные границы. Безусловно, носители языка не могут всегда жить во «втором мире». Возвращение в реальную жизнь без словесных масок нередко сопровождается трудностями психологического характера, как то тревожность и дисбаланс, поскольку приходится столкнуться с жестокостью мира. В создании имиджа человека большую роль играет его речь, модные слова также могут выполнять эту задачу, но на самом деле социальный статус человека не измеряется только речью, как совершенное произношение и акцент у Элизы Дулиттл не делает из уличной цветочницы аристократку.

В заключение отметим, что исследование карнавализации в современной лексике является актуальным и перспективным не только потому,

что сам феномен модного слова является новым и интересным материалом для языкового изучения, но и потому, что лингвистика модных слов находится на стыке философии, социологии, психологии, культурологии и других дисциплин и вносит вклад в осмысление слова в акте коммуникации, углубляет понимание культуры и мира.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.05.2022).

СКСКЯ — Сбалансированный корпус современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org/index.aspx> (дата обращения: 22.05.2022).

Литература

- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.
- Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. 232 с.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
- Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. 381 с.
- Ряпихова М. М. Проявление языковой моды в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (22). С. 162–165.
- Северская О. И. Деловой человек, делец, деляга: образ бизнесмена в русском языке XX–XXI вв. // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2. С. 369–385.
- Сперанская А. Н. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.
- Трофимова Г. Н. К вопросу о специфике функционирования русского языка в Интернете (норма и узус) // DIALOGUE. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/trofimova/> (дата обращения: 21.05.2014).
- Тульчинский Г. Л., Эпштейн М. Н. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
- Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Наука, 2010. 576 с.

References

- Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 543 p.
- Kostomarov V. G. *Yazykovoi vkus epohi* [Linguistic taste of the era]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 1999. 320 p.
- Krongauz M. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2007. 232 p.
- Krysin L. P. [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p.
- Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 381 p.
- Ryapikhova M. M. [Manifestation of language fashion in political discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4-1 (22), 2013, pp. 162–165. (In Russ.)
- Severskaya O. I. [Business man, businessman, businessman: the image of a businessman in the Russian language of the XX–XXI centuries]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, no. 2, 2014, pp. 369–385. (In Russ.)
- Shaposhnikov A. K. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 576 p.
- Speranskaya A. N. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii)* [Effective verbal communication (basic competencies)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014. 852 p.
- Trofimova G. N. [On the issue of the specifics of the functioning of the Russian language on the Internet (norm and usage)]. *DIALOGUE*, 2001. (In Russ.) Available at: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/trofimova/> (accessed 21.05.2014).
- Tul'chinskii G. L., Epshtein M. N. *Proektivnyi filosofskii slovar': Novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary: New terms and concepts]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 512 p.

Земля: лингвистическая и культурная семантика

Елена Алексеевна Нефедова, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва), eanefedova@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170026392-0

АННОТАЦИЯ: В современной лингвистике особое внимание уделяется семантическим областям, которые соотносятся с базовыми понятиями общечеловеческой значимости и во многом формируют представление человека о самом себе и окружающей его действительности. В говорах, где в настоящее время постепенно утрачиваются яркие диалектные черты, эти базовые понятия хорошо сохраняют территориальные особенности своего объема и содержания. В статье на основе анализа семантики и сочетаемости слова *земля* и его дериватов определены объем и содержание универсального понятия ЗЕМЛЯ, характерные для носителей традиционной народной культуры Русского Севера. Описаны обычаи, поверья и запреты, связанные с землей. Земля предстает в них как *земля-мать, ма́тушка, ма́терь, земля — свято́е, она́ нас ко́рмит*, ее нужно *те́шить, чи́стить*, ей нужно *кла́няться*, в праздники ее нельзя *трёгать, трево́жить*, нельзя *каса́ться* земли, в этот день земля — *имени́нница*. После уборки урожая *земля недви́жима*. Человеку надлежит *жить своёй землёй, врасти́ корня́ми в зе́млю, прирасти́ к землё́*, людей нужно *сади́ть на зе́млю*. Все нюансы смыслов покрываются представлением о материнском начале земли. Многие обычаи и верования, составляющие мифологию земли, носителями современных архангельских говоров почти забыты или уже утрачены. Однако язык сохранил воспоминания о них в виде прецедентных текстов, устойчивых словосочетаний, в которых заключена народная философия жизни и смерти.

Анализ материала обнаружил встроенность концепта ЗЕМЛЯ в основные семантические оппозиции, формирующие модель мира. Оппозиция «низ — верх» представлена противопоставлением земли небу, в оппозиции «природа — аграрная культура» земля предстает как объект обработки и источник питания, в оппозиции «свой — чужой» земля — это место, где человек родился, своя, родная земля, в оппозиции «жизнь — смерть» земля связана с приходом человека на этот свет и с его неизбежным уходом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалект, общерусское слово, традиционная народная культура, мифологема земли

для цитирования: Нефедова Е. А. *Земля: лингвистическая и культурная семантика* // Русская речь. 2023. № 4. С. 63–73. DOI: 10.31857/S013161170026392-0.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027.

Issues of Modern Russian Language

Zemlya: Linguistic and Cultural Semantics

Elena A. Nefedova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), eanefedova@gmail.com

ABSTRACT: Modern linguistics pays special attention to semantic areas that correlate with the basic concepts of universal significance and in many ways form a person's idea of themselves and the reality around them. In dialects, where vibrant dialectal features are gradually being lost, these basic concepts preserve the territorial characteristics of their scope and content. Based on the analysis of the semantics and compatibility of the word *zemlyá* (*earth*) and its derivatives, the article defines the scope and content of the universal concept “ZEMLYA”, characteristic of the bearers of the traditional folk culture of the Russian North.

The article describes customs, beliefs and prohibitions associated with the earth or land. The earth appears in them as *the mother earth, mother, mom, the earth is holy, it feeds us, it needs to be entertained, cleaned, it needs be bowed to*, on holidays it cannot *be touched, disturbed*, it cannot be *disturbed*, this day *the earth is a birthday girl*. After harvesting, *the land is motionless*. A person *should live on his own land, put down roots into the earth, become rooted to the earth*, people need *to be planted on the ground*. All the nuances of meanings are covered by the idea of the maternal origin of the earth. Many customs and beliefs that make up the mythology of the earth are almost forgotten or already lost by the speakers of modern Arkhangelsk dialects. However, the language has preserved memories of them in the form of precedent texts, stable phrases that contain the folk philosophy of life and death.

The analysis of the material revealed that the concept of ZEMLYA is embedded in the main semantic oppositions that form the model of the world. The opposition “bottom — top” is represented by the opposition of the earth to the sky, in the opposition “nature — agrarian culture” the earth appears as an object of processing and a source of nutrition. In the opposition “friend — foe” the earth is the place where a person was born, his own, native land, in the opposition “life — death” the earth is associated with the arrival of a person to this world and with his inevitable departure.

KEYWORDS: dialect, common Russian word, traditional folk culture, mythology of the earth

FOR CITATION: Nefedova E. A. *Zemlya: Linguistic and Cultural Semantics*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 63–73. DOI: 10.31857/S013161170026392-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00027.

В современной лингвистике особое внимание уделяется семантическим областям, которые соотносятся с базовыми понятиями общечеловеческой значимости и во многом формируют представление человека о самом себе и окружающей его действительности. В говорах, где в настоящее время постепенно утрачиваются яркие диалектные черты, эти базовые понятия хорошо сохраняют территориальные особенности своего объема и содержания.

ЗЕМЛЯ относится к константам культуры, обладающим устойчивостью и постоянством, она входит в число ключевых мифологем русского народа [Степанов 2004: 6–7]. ЗЕМЛЯ в верованиях и обрядах на всем пространстве Славии подробно описана в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» [Толстой (ред.) 1999: 315–321]. Культ матери-земли рассмотрен в книге Е. Е. Левкиевской «Мифы русского народа» [Левкиевская 2000: 59–63]. Есть работы, в которых мифологема ЗЕМЛЯ рассматривается на материале русского фольклора [Мошина 2020: 96–97].

В статье представлен анализ семантики и сочетаемости слова *земля* и его дериватов *земёлка*, *земёлька* в архангельских говорах. Материалом исследования послужили данные картотеки «Архангельского областного словаря»¹, собранной сотрудниками кабинета русской диалектологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова за 70 лет полевых исследований, а также 22-го выпуска этого словаря [Нефедова (ред.) 2022: 124–127, 130–139]. Задача исследования — на материале живого разговорного языка определить объем и содержание универсального понятия ЗЕМЛЯ, характерные для носителей традиционной народной культуры Русского Севера.

Рассмотренный в статье диалектный материал отражает соотносительность земли со многими сферами бытия сельского жителя, жизнь и труд которого непосредственно связаны с землей.

(1) Земля — это родина, место рождения и жительства человека, своя, родная, эта, сея, наша земля, земёлка: Этот-то малый здесь ишó, в нашу зёмлю (приехал). Нёт, я на этой землё родилась, я на этой землё буду помирать. Здорово, здорово голубонька! Ты давно ли на сей земли? — Мы фчера приехали. Со свойёго дома хоронили, со свойей земли. Так я заплакала от радости, што на свойей земли! Ходь бы увезли йего во свою деревню во свою земёлку (хоронить). Многомилосливой Илья пророк, полей дождичька на родную земёлку, штóбы смочили фсё — вót бывай и западэ. По своей земёлке ходиш, свою земёлку топчеш (заговор на выгон скота или при покупке коровы).

В определении земли — *печичная* — отражена идея рода: Вот это *печичная земля*, а у лésу — новина. *Печиче* в архангельских говорах — территория, заселенная семьями, находящимися в родственных отношениях.

Кто-н. чужой, неизвестный — *не нашэй, неизвестной земли*: Йещё Турофска не нашэй земли. Она не знаю, какой земли.

(2) Земля — это почва, грунт, объект обработки и источник питания, песчливая, сильная, здоровая, порная земля, она может прокинуть:

¹ «Архангельский областной словарь» — многотомный лексикографический труд, представляющий лексику архангельской группы говоров северного наречия. К настоящему времени издано 23 выпуска словаря, буквы А–И.

Ф песочливой-то рассыпней картошка. Ф порной земле не так уш, крепко крахмалу в ней (картошке) много. Земля там сильная, здоровая. Не прокисла земля йещё, вот и мало (грибов). неплодородная земля — мёртвая. Мёртвую землю подынули, дак она родить и не стала.

Носители диалекта еще помнят прежние времена, когда землю давали, землей наделяли: На парней даг боле земли давали, а дефкам дак нет, на девог земли не было. Землю наделяли. Наделяемая земля — билетная, зёмская: А зёмской нацальник, зёмских землей, ишшо быёу писарь у их, фсё вели и жили. Называлась билетная земля.

Эту землю использовали под пашню или сенокос: Землю пахомую, сенокосную (давали). У бедняков не было ничего — ни кола, ни двора, ни земельной земли.

Распахивая целину, землю подымали, от леса землю брали, воровали, за нее боролись: Этот лес вырубали, землю подымали — делали поля. Вот и поднимали землю-то после войны. Землю-ту брали, от леса воровали (выжигали лес). За каждый клочь земли боролись, за каждый клочь зерна.

(3) Земля — кормилица: На своей земельке ты надёжно сйёш; Хоть какой голот, деревня не умрёт: люди йещё копаюца в земле, ростят овоши. Сельские жители жили со своей земли, брали с земли все, что на ней растёт: Раньше-то фсё дутки, хрущёвки, шерстянки — фсё з земли брали.

Работающие на земле к ней прирастают, в нее врастают корнями, землей живут: Сюда нужен крепкий хозяин, который з земле прирос. Парня-то нельзя до восемнадцати лет отпускать никуда, штобы он врос корнями в землю. А если ево вытолкнули, дак он деревенской жизни плохо, плохо (знает); Давай, тата, землей жить. К работе на земле нужно приучать, на землю садить: Надо людям на землю садить. Отмечается интерес к работе на земле: Теперь фсё ударились в землю.

На своем участке крестьянин с земёлкой вобится, в землю глядит, земле кланяется: Мне надоть з земёлкой повозица. А мы вот теперь в землю гледи́м, фсём тожо занимались. Чевó ждать-то? Надо кланяца земле! Кто кланяйеца, тот фсё и получайет. А кто не кланяйеца, думает: «А, вырсытет!»

В этих высказываниях прочитывается не только характеристика физического труда на земле, но и мифологема почитания земли, преклонения перед ней.

(4) Традиционные обычаи, поверья, запреты, касающиеся работы на земле. Нельзя работать на земле во время некоторых праздников, рыть в земле, трогать, тревожить, шевелить землю.

На Троицу: Назафтра Троица, в земле не роюца.

В Духов день: Соблюдать праздники — это значит нельзя работать, а в Духов день нельзя земли трогать. В Духов день земля нельзя тревожить.

В Духов день земля — именинница, она отдыхает от труда на ней: *Земля-именинница* в Духов День, ейё трогать нельзя. Не положено работать. Духов день — *земля именинница*. Никто не работает в этот день. Было, *земля именинница* была, праздник деревни. У нас в Бúдрине был праздник — *Земля Менинница*. Нарушение запрета влечет неприятности: И *зака́лась*, што в Духов день я не б́уду *земли касáца*.

На Воздвижение: Здви́жэньё — *земля-ма́ти здви́нца*, после этого не копали, *землю́ бо́льшэ не трево́жат*. Здви́жэньё говоря, *земля недви́жыма*, бо́льшэ *земли́ не шзвеля́*.

Убрать урожай следует до Здви́жэнья: Ска́жут, ско́ро Здви́жэньё, а у н́их земля не па́хана, после Здви́жэнья и *земля недви́жыма*. Уборка урожая — это очищение земли: *На Пречи́стый зе́млю чи́стят* — на́до фсе́ убрать, карто́шку, фсе́ убрать, коро́ву запу́сytiли (в хлев) — нача́лась зима́.

Забвение старых обычаев осознается как сон земли: Раньшэ фся́ки пра́зники были, а но́нь как *земля сп́ит*. Каки́ пра́зники, *просто́йё* вре́ме дак.

Отмечается отношение к земле у представителей другого, не нашего этноса, не занимающегося земледелием: Нёнцы не *приу́чены г земли́*, само́ды.

При покупке коровы принято соблюдать обычай, сопровождаемый заговорными словами: Йёсли поведёте коро́вушку, ис-пот копы́та возьми́те *зе́мельку* и брос́ьте за не́й. Каг *зе́мелька* летит за коро́вушкой, не возвраща́йетца, так и ты́ (корова) не ходи́ тудá.

(5) В соотношении с землей определяются свойства и состояния человека. Умный, наблюдательный человек *в землё́ три ме́тра, три ари́йна в зе́млю ви́дит, сквозь зе́млю зна́ет*: Фсе́м хороша́, умы́шленна, фсе́ то́нко ви́дит, *в землё́ три ме́тра ви́дит*. Тоску́ напусти́ла стару́ха, *три ари́йна в зе́млю ви́дит*. На́ша ба́пка фсе́ как *сквозь зе́млю* зна́ла, свекро́ва-то.

Расторопный, хозяйственный человек *зе́млю ро́ет*: Та́ де́вка у меня́ хо́довая, *зе́млю ро́ют*. Она́ сама́ небольшо́я, сама́ не изро́дна, а у не́й фсе́ кипит, фсе́ в рука́х кипи́т. Я и говорю́: *зе́млю ро́ют* — у́правна.

Человек малообразованный тоже *зе́млю ро́ет*, но *но́сом*: Како́й дебошы́р или че́ йево́ огорчи́т, так он кула́ками по столу́: «Ази́аты, Митрофа́ны, вам ве́к *зе́млю но́сом рыть!*», то есть, не видеть ничего, кроме деревни.

Человек может делать что-н. очень быстро, с широким размахом: бе́жать *земли́ не доста́вая*: Ой, молоди́ца-то бежы́т, дак *земли́ не доста́ю́т*, скоря́йе да скоря́йе — ба́бушка быва́ло говори́ла. А во́т тепе́рь отходи́ла, фсе́; плясать так, что *земли́ не хвата́ет*: Была́ как коро́ва, а пляса́ла, так *земли́ не хвата́ло*. Это суждение распространяется и на движущиеся пред-

меты: Он тогда ремонтируйеца, когдá онá (машина) откáжэт, а покá онá летáт, колéса — *землі не хватáт*.

У человека скрытного, необщительного *глазá в зéмлю*: Тá уш не дэфка, котóра фсё *глазá в зéмлю*, не смóтрит да вóросьски.

Пришедший в ярость человек сравнивается с расви́репевшим быком: *Рогá в зéмлю*, да пошумéть, подра́цца. Пьяный лежит *рогáми в зéмлю*: Ой, дак пастухи когдá пьют, *рогáми в зéмлю* лежáт, йих и не вíдно.

(6) С землей связаны жизнь и смерть человека. Живой человек находитсá *на землѣ, свѣрх землі*: Чьтí оцá и мáтерь, долговѣк и шчáслив бúдеш *на землі* (при жизни). У меня пять дѣушок *под землѣй*, однá *сверх землі*, и два сы́на.

Старый человек *в зéмлю* *ростѣт, утáптывается, стáптывается, осе- жает, в зéмлю уходит*: Сецýс вóсими́сяд годóф, я *в зéмлю* *росту́*. А бáбушка бóле *в зéмлю* *стоптáлась*. А мáленький, конéшно, стал, так *в зéмлю* *утáптывайе́шся*, стáрый-то стал. И человек потихóньку осежáйет, *осежáйет* (к старости). Я уш фсýко изна́сiлázь да фсá *в зéмлю* *ушлá*. Здесь наблюдается некое совмещение смыслов: физического состояния (уменьшение роста) в старости и уход в землю как приближение смерти.

Человек старый, одряхлевший, приближающийся к смерти, живет *между небом и землей*: Здорóвья нет, тák вот ы живú тепѣрь мѣжду нѣбом и землѣй. Я стáла старá, ницѣго не знáю — *между нѣбом и землѣй* — ни к тѣм, ни г дру́гим не пристáла — рóстом маловáто.

Старые люди ожидают смерти, они *в зéмлю* *смóтрят*, к *землѣ* *прикло- ня́ются, их тя́нет к землѣ*: А мы уш немолодб́и, *в зéмлю* *смóтрим*. Стáры стáли, нáдо *в зéмлю* *глядѣть*. Онá такáя стáла, г *землѣ* *уш* *фсá* *приклонíлась* (от старости). А́нушку-то (старую бабушку) г *землѣ* *тя́нет*. Я щя́с лѣгу — менé г *землі* *тѣнет*. Я чю́ствую, што я послѣдний гóд живú. Фсё равнó *тѣне* г *землі*. Они ждут смерти: *Земѣ́лька-матушка* скóро ли *утѣнет*. Ско́лько госпóть *продѣржыт на землі-мáтушке*, человеку не дано знать.

Представителю архаической традиционной культуры свойственно осознание неизбежности смерти, смирение перед ней: Да штó, *земл́я в зéмлю*. Не выходáт оттúда (с того света), вѣсто́чки не выно́сят, как умрúт, дак хороня́т, то́лько бáют: *земл́я в зéмлю*. Фсё равнó смѣ́рть придѣт, *земл́я* *прíмет*. А мы штó живѣ́м, мы́ уш никуда́ не пойде́м, не пойѣдем, то́лько *в зéмлю-мáтерь*. Порá уш *в зéмлю* *иттí*. Скóро *в зéмлю*. А тепѣрь вот дúмаш, кáг бы *в зéмлю* *попáсь*. Девяно́сто годóф уш: уж давнó нáдо *в землѣ* *изгнíть*, а я живú вот. Но вместе с тем: А помира́ть-то не хочó — пѣньси́ю плáтят — *в землѣ* *належýсся* ишшó.

Человеку важно знать, что его *поверх землі* *не оста́вят, ему́ поvéрх землі* *не лежáть, не оста́ться*, его *в зéмлю* *свезúт, столка́ют*: Не при́йедут — и не

приежжайте, *навёрху земли* не буду лежать, кто-нибудь да схоронит. На *вёрх земли держать* не будут, захоронят *фсёх*. Ой, горенька, похоронят люди добрыйе, *повёрх земли никто не оставяйеца*. Мы йёво до армии подымали как сына, он *повёрх земли не оставит*. На *улицы* не оставляют никого, *фсё равно фсёх в землю свезут*. Я семь *штук в землю* *столкала* ребят.

И вот человек умер, он *в землю, под землю* *ушел, лёг, попал*: Крышу закрывали, он заболел, заболел да *в землю* *ушёл*. Помер ф трицать два года — *в землю лёк*. Кто *под землю* *ушёл*, у меня вот хозяин *ушёл*. У *мня* сестру-то Лию, тожэ из-за людей *в землю* *ушла*. Погибла была, *каг з земли сошла* — это о неожиданной смерти.

Над умершим совершается похоронный обряд. Умершего следует *передать земле, к земле* (при буквальном прочтении — отдать, вернуть матери-земле): Когда в гроб *валят* — *земли-матери* *придать* *душу* йего и *тело*; Дак вот *то и плачу, грю, вот виш, земли не придано*; *Пока не предадим к земле* *Ленина, фсё плох* будем *жить*; *Хощ бы косточки йеговы земли-матери* *придать*.

Мать-сырая земля, земля-мамушка после смерти человека принимает: Тудá в *земельку* *фсяких* *принимают*. В могилу-то опускают да приговаривают: *мать сыра земля, прими* *тело* *белое* да *тело* *грешное*. Долго живущих не *принимает сыра* *землюшка*.

Бросая в могилу *землю, к земле* *приговаривают*, то есть *отдают* *земле* безвозвратно: И *нынче* *його г земли* *приговаривают*, *землицю* *бросают*. В могилу *копейки* *бросают*, *землю* *покупают* для последующих захоронений. На похоронах причитают: *Находилась по сырой* *земли* да *натоптáлась* по *сырой* *муравы*.

Слова поминовения покойного: *Раньшэ* *причитали*, а *нынче* *скажут*: «*Земля тебе нухом*», и *фсё*. Дáй *йей* *царсво* *небёсно, лёкко* *лежанице и земля нухом*. Ну дак *понаведать* *йего* (*покойника*), *што спи* *спокойно, земля тебе нухом, царство тебе небёсно*. В словах поминовения отражается вера в новую жизнь после похорон, после ухода в *землю*: *Ты от нас* *ушёл* — *боле фсё, живи тут*.

Обычай после похорон *умываться* *водой, смешанной с* *могильной* *землей*: Приходят (с *кладбища*), *кладут в* *умывальник* *землицу и моют* *руки*.

О человеке, которого давно нет в живых, говорят, что он *в земле, под землей* *лежит*: А *теперь* *уш* *четыре* *года* как *в земле*. Шёстеро *детей* — *двоё* *уж в земле, молодойе*. У *меня* *пять* *деушок* *под землёй*, *одна* *сверх* *земли* (т. е. *жива*), и *два* *сына*. *Хозяин-то* *этово* *креста* *лежит* *уж* *педесят* *лёт* *в земле*. А он *уш* *большэ* *двацати* *лёт* *в земли* *лежит*. Люди *померли* да *в земле* *лежат* (ответ на вопрос, ходят ли покойники).

Как уход с *земли* описывается *пропажа, исчезновение* *живого* *человека*: *Одна* *жыла*, не *могли* *старуху* *нигде* *найти* (после *пожара*), *каг з земли*

сошла́. Пропавшего как земля съела: И как земля съела, ушёл в одинацать трактор ставить, в гара́ш, и готово́, утеря́лся. Потерявшиеся животные и вещи как скро́зь зёмлю па́ли, скво́зь зёмлю просе́ли: С йегня́тыма она́, ту́т обйе́гнилась, и вот най́ти не могли́, нека́к, а куды́ де́ласе, не зна́ю, кабы́ть скво́зь зёмлю просе́ла! До че́ везьде́ доры́ласе — и на шыфо́нере, и везьде́ иска́ла — как скро́зь зёмлю па́ла.

Идея ухода в землю, ее способность принять в себя всё плохое отражена в заговорных словах. Если в праздники делаешь что-н. или моешься в бане, нужно сказать: *Крест на воду, грех в землю*. Тоска после смерти близкого снимается заговором: *Вода на землю, тоска в землю* (вода смывает, земля поглощает).

В злопожеланиях *прова́ли́ться скро́зь зёмлю, век коло́м в землё сто́ять*, возможно, отражено представление о способности земли принять в себя все дурное: *Прова́лили́зь бы скро́зь зёмлю з де́ньгами, Ве́к бы йей коло́м в землё сто́ять*.

(7) Пространственные координаты земли. Они обнаруживаются в контекстах, содержащих суждения практического, бытового характера и не связанных с философией жизни и смерти.

Земля — это пространство, поверхность, на которой располагается все живое: И во́т шче́ (много) *на землі́ наро́ду*, и вот хт́о че́м занима́еця; *Покро́во зёмлю кро́йо* — это́ сне́к кро́йо. У земли есть не только лицо, но и пузо: Она́ *зги́нет с лица́ земли*, эта Тарня. Не разма́зывай *по пу́зе землі́!*

Семантика обширности земли отражается в известных поговорках: *за три́девя́ть земе́ль* 'очень далеко' — А у нас фсе́ говори́ли та́к: понесе́т, да́же сло́во-то боя́лись, понесе́т йе́сли теб́я ле́ший, унесе́т ле́ший *за три́девя́ть земе́ль*; *земля́ слухом по́лнится* 'всем известно' — Говора́т, вот не зна́ю, а фсе́ говори́т, вот *земля́ слухом по́ўни́ця*, ра́ньшэ́ попы́ ходи́ли по́сле Па́ски-то, это́ ф Па́ску-то, по дере́вне, ф ка́жну́ избу. Обширность пространства актуализируется в сопоставлении земли с небом: Да ты йи́м приве́т передава́й, *от не́ба до землі́*.

Очень большое отличие от кого-н., чего-н. определяется как *не́бо от землі́, не́бо и земля́*: Это́ как *не́бо од землі́*, учё́т при социа́лизме и учё́т при капита́лизме (о бухучете). Хо́ть он говори́л, што ничево́ не бра́л ис колхо́за, у не́ю черда́к небе́сь ло́мица, а йево́ бра́т — *не́бо и земля́* — лопа́ты ржа́вой не взя́л ис колхо́за.

В оппозиции «низ — верх» земля соотносится с низом. *По са́мую, под са́мую зёмлю* 'под корень': Весь съте́бель *пот са́му зёмлю* сожну́т и ф сно́п. А я́ коси́л *по са́мую зёмлю*, та́м, где с мо́хом. Низкорослое растение находится у *землі́, то́лько от землі́ ушло́*: Сейгот холоди́шшэ́, одні́ дожды́, дак *а́строчки́ фсе́ у землі́*. Тепе́рь то́лько без огу́рцо́ф оста́лась — три́ оста́лось, дак *то́лько од землі́ ушли́*. Невысокий, небольшой предмет *от землі́*

не видно: Я издержалась на этой покраске, баночка (краски) — от земли не видно, а стока стоит.

Идею низа можно видеть в образных выражениях *до земли кланяться* ‘низко наклоняться’: Страшна порато тۇца-то эта над нами, а ветер, смотри как: деревья у нас *до земли кланяюца; гнут к земле* ‘притеснять, угнетать’: А нынче очень людей *гнут к земле*.

* * *

Выделенные смысловые зоны характеризует подробность их семантической разработки, что достигается разнообразной свободной и связанной сочетаемостью имени, а также его употреблением в составе фразем. Все нюансы смыслов покрываются представлением о материнском начале земли — *земля-мать, матушка, мать*, о ее святости: *земля — святая, она нас кормит*, ее нужно *тешить, чистить*, ей нужно *кланяться*.

С землей связаны поверья и обычаи: в праздник Духов день нельзя *трогать, тревожить землю, касаться* земли, в этот день земля — *именинница*. После уборки урожая *земля недвижима*.

Многие ритуалы и верования, составляющие мифологему земли, носителями современных архангельских говоров почти забыты или уже утрачены. Однако язык сохранил воспоминания о них в виде прецедентных текстов, устойчивых словосочетаний, в которых заключена народная философия жизни и смерти.

Анализ материала обнаружил встроенность концепта ЗЕМЛЯ в основные семантические оппозиции, формирующие модель мира. Оппозиция «низ — верх» представлена противопоставлением земли небу, в оппозиции «природа — аграрная культура» земля предстает как объект обработки и источник питания, в оппозиции «свой — чужой» земля — это место, где человек родился, своя, родная земля, в оппозиции «жизнь — смерть» земля связана с приходом человека на этот свет и с его неизбежным уходом.

Литература

- Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 513 с.
Мошина Е. А. Культ предков и образ земли-матери в русской лингвокультуре (на материале пословиц, поговорок, загадок) // Вестник СВФУ. № 3 (77). 2020. С. 96–97.
Нефедова Е. А. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 22. М.: Наука, 2022. 400 с.

- Степанов Ю. С. КОНСТАНТЫ: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
- Толстой Н. И. (ред.). Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения 1999. 680 с.

References

- Levkievskaya E. E. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. Moscow, Astrel' Publ., 2000, 513 p.
- Moshina E. A. [The cult of ancestors and the image of Mother Earth in Russian linguistic culture (on the material of proverbs, sayings, riddles)]. *Vestnik SVFU*, 2020, no. 3 (77), pp. 96–97. (In Russ.)
- Nefedova E. A. (ed.). *Arkhangelskii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 22. Moscow, Nauka Publ., 2022. 400 p.
- Stepanov Yu. S. *KONSTANTY: Slovar' russkoi kul'tury* [CONSTANTS: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 982 p.
- Tolstoi N. I. (ed.). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. Ethno-linguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2. 680 p.

Регтайм с джазовыми вариациями: роман Э. Л. Доктороу в переводе Василия Аксенова

Юлия Юрьевна Коновалова, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва), yukonovalova@hse.ru

DOI: 10.31857/S013161170027462-7

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена переводу романа Э. Л. Доктороу «Регтайм» (1975), выполненному В. П. Аксеновым для журнала «Иностранная литература» и опубликованному в 1978 г. Перевод Аксенова исследуется с разных сторон: как с собственно компаративной (выбор переводческих стратегий; языковые, стилистические и смысловые трансформации оригинального текста), так и с точки зрения творческой эволюции Аксенова (влияния американского романа на оригинальные сочинения автора середины 1970-х гг., прежде всего — на роман «Ожог»).

Общим местом в рецепции русскоязычного варианта «Регтайма» стало обсуждение стилистических вольностей Аксенова, не пожелавшего быть «невидимым», как того требует переводческая этика (согласно Лоуренсу Винути). В статье анализируется язык и стиль перевода и выясняется, когда и в чем именно русский писатель отступает от буквы Доктороу. Аксенов видоизменяет фактологичную и отстраненную нарративную манеру оригинала, насыщая ее внутренними монологами героев и усиливая намеченную американским писателем установку на субъективность исторического романа.

Переводчик совмещает две стратегии, которые впервые введший их в научных оборот Фридрих Шлейермахер считал взаимоисключающими: доместикацию и форенизацию. К доместикации — то есть попытке

адаптировать для местного читателя незнакомые явления инокультурной жизни — Аксенов прибегает только по необходимости (например, объяснить разницу температурных шкал Цельсия и Фаренгейта) или из цензурных соображений (заменить «неудобные» слова вроде «sexologist»). Форенизация же становится основным приемом: отсюда и обилие американизмов и намеренно «непереведенных» слов («дерби», «дарлинг»).

Работа над «Регтаймом» заметно повлияла на неподцензурный *opus magnum* писателя — «Ожог». Подобно регтайму у Доктороу, Аксенов делает музыкальную форму композиционной и мотивной основой романа, в котором джаз — это ключевая метафора и духа эпохи, и мучительной ностальгии по ней.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. П. Аксенов, Э. Л. Доктороу, «Регтайм», «невидимость переводчика», форенизация, domestикация, джазовая форма

для цитирования: Коновалова Ю. Ю. Регтайм с джазовыми вариациями: роман Э. Л. Доктороу в переводе Василия Аксенова // Русская речь. 2023. № 4. С. 74–89. DOI: 10.31857/S013161170027462-7.

The Language of Fiction

Ragtime with Jazz Variations: A Novel by E. L. Doctorow Translated by Vasily Aksenov

Yuliya Yu. Konovalova, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow),
yukonovalova@hse.ru

ABSTRACT: The study focuses on the translation of Edgar Lowrence Doctorow's novel "Ragtime" (1975), made by Vasily Aksenov for the journal "Foreign Literature" and published in 1978. The article examines Aksenov's translation from different sides: both from the comparative point of view (the choice of translation strategies; linguistic, stylistic and semantic transformations of the original text) and from the evolutionary point of view

(the influence of the American novel on Aksenov's works of the mid-1970s, mainly, on the novel "Burn").

A common place in the reception of the Russian translation of "Ragtime" was the discussion of the stylistic inaccuracies of Aksenov, who did not want to be "invisible", as required by translation ethics (according to Lawrence Venuti). The study analyzes the language and style of translation and finds out how a Russian writer transforms the source text. Aksenov modifies the factual and moderate narrative manner of Doctorow's novel, complements it with internal monologues of the characters and intensifies the subjectivity of the historical novel the American writer's intended.

The translator combines both domestication and foreignization. Friedrich Schleiermacher, who first introduced these terms into academic field, considered it mutually exclusive. Aksenov uses domestication (adaptation of unfamiliar phenomena of foreign culture for the target reader) only if necessary (for instance, to explain the difference in Celsius and Fahrenheit temperature scales) or for censorship reasons (to replace "inconvenient" words like "sexologist"). Foreignization becomes the main strategy: there are plenty of Americanisms and intentionally "untranslated" words ("derby", "darling").

The translation of "Ragtime" essentially impacted Aksenov's opus magnum — "Burn". Like ragtime for Doctorow, Aksenov considers the musical form as the basis of novel's composition: jazz happens to be a key metaphor for both the spirit of the era and the painful nostalgia for it.

KEYWORDS: Vasily Aksenov, Edgar Lowrence Doctorow, "Ragtime", translator's invisibility, foreignization, domestication, jazz form

FOR CITATION: Konovalova Yu. Yu. Ragtime with Jazz Variations: A Novel by E. L. Doctorow Translated by Vasily Aksenov. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 74–89. DOI: 10.31857/S013161170027462-7.

Применительно к созданной В. П. Аксеновым русской версии романа Э. Л. Доктороу «Регтайм» невозможно говорить о «невидимости переводчика». Этим выражением его создатель, влиятельный теоретик перевода Лоуренс Вентути, характеризует способность переводчика быть «прозрачным» для читателя — не отвлекая внимания на себя, позволить наилучшим образом «рассмотреть» авторский стиль и, в конечном счете, смысл оригинального текста [Venuti 1995: 5]. Эффекта «естественного»,

непереведенного текста Аксенов, однако, достигает, но совсем иными средствами. Критики и поклонники его перевода сходятся в том, что, читая «Регтайм» по-русски, получаешь не текст Доктороу, а новое сочинение продолжающего поиски жанра автора «Затоваренной бочкотары». Иначе говоря, «Регтаймом» Аксенов не начинает переводческую карьеру, а продолжает собственно писательскую.

Если таким авторитетам в мире художественного перевода, как Рита Райт-Ковалева, аксеновское самоуправство казалось недопустимым («наш милый Вася Аксенов» «перевел “Регтайм” на СВОЙ, аксеновский язык, — и погубил серьезную, строгую философскую книгу...» (слова из личного письма начинающему тогда переводчику Владимиру Бошняку¹), то многим другим профессиональным переводчикам оно пришлось по вкусу, а некоторыми — даже было взято за образец. Например, тот же Владимир Бошняк, познакомивший русскоязычного читателя с «Заводным апельсином» Э. Бёрджеса и работавший над переводом романа Доктороу «Всемирная выставка» (1990), признавался: «Равняться я всю жизнь пытаюсь на Василия Аксенова в его переводческой ипостаси, <...> на его доходящую до хулиганства раскованность и презрение к правилам и канонам»² [Бошняк 2015]. В задачи настоящей статьи не входит оценка переводческой стратегии Аксенова, заключающейся в том, что писатель-переводчик не стесняется говорить на своем собственном языке. Наша цель — выяснить, в чем именно проявилось аксеновское хулиганство, обвинение в котором или восхищение которым стало общим местом в рецепции «Регтайма» по-русски.

Текст Эдгара Лоуренса Доктороу можно рассматривать как тему для разнообразных стиливых вариаций Аксенова. В случае обоих писателей музыкальная метафора — совсем не пуста. Жанр регтайма, расцветший в первые десятилетия XX в. — композиционная и мотивная основа романа с нарочито двусмысленным названием, обыгрывающим одновременно и музыкальный стиль, и эпоху, этим стилем озаменованную (буквальное значение слов «rag time» — рваное, обрывочное время). Это было пронизательно применено Милошем Форманом, экранизовавшим американский роман в 1981 г., в слогане к фильму: «Good Time... Bad Time... Ragtime»³.

¹ Цит. по «Собачья цепь на дубе том»: интервью с Владимиром Бошняком / Беседует Е. Калашникова // Иностранная литература. 2010. № 1. С. 278.

² Бошняк Владимир. «Настоящей литературы просто больше нет» // Москва 24. 2015. 18 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.m24.ru/articles/literatura/18112015/90130> (дата обращения: 06.07.2022).

³ См. афишу к фильму.

В начале 1970-х гг. в Америке регтайм переживает второе рождение: пластинки с записями регтаймов непризнанного при жизни афроамериканского композитора Скотта Джоплина становятся бестселлерами, а в 1977 г. о нем снимают целый биографический фильм⁴. Именно Джоплину принадлежит фраза, вынесенная Доктором в эпиграф: «Не торопись. Играешь регтайм, никогда не спеши...» [Доктороу 1978, № 9: 32]. По мнению историка американской культуры, мода на регтайм, с одной стороны, поспособствовала коммерческому успеху названного в его честь романа, но, с другой, нанесла ущерб исторической строгости [Ostendorf 1991: 580]. Профессиональные историки нередко упрекали Доктору в вольном обращении с фактами, анахронизмах и чисто романских натяжках, сделавших «историческое» повествование недопустимо субъективным. Автор одной из самых обстоятельных и по сути разгромных критических рецензий на «Регтайм» американский историк Кашинг Страут писал, что «Регтайму» как повествованию не хватает обобщающей, объективной точки зрения [Strout 1981]. Критика была справедливой: обширное полотно

⁴ «Scott Joplin», 1977. Реж. Джереми Каран.

эпохи у Доктороу составлено из десятка тщательно выписанных индивидуальных портретов как исторических личностей — к примеру, первой в истории фотомодели Эвелин Несбит или знаменитого иллюзиониста Гарри Гудини, — так и вымышленных: Тяти, Младшего Брата Матери или Отца, участника (вполне реальной) арктической экспедиции Роберта Пири.

Аксенов не только сохраняет «субъективизм» оригинального текста, но и усугубляет его, прибегая к набравшему огромную популярность к середине XX в. прозаическому приему внутренних монологов, практически низводящих авторскую речь до «заметок на полях». Например, желая передать незамысловатые душевные метания Эвелин Несбит во время судебного процесса над ее мужем Гарри К. Фсоу (Harry K. Thaw), Доктороу пишет: «She needed desperately to talk to someone and the only person she had ever been able to talk to was the man for whose death she was directly responsible» [Doctorow 1975: 80] («Ей отчаянно нужно было с кем-нибудь поговорить, и единственным человеком, с которым она когда-либо могла поговорить, был человек, за смерть которого она была непосредственно ответственна»). Взвешенные наблюдения американского романиста эмоционально окрашиваются в переводе: «О, как отчаянно она нуждалась сейчас в человеке, которому могла бы раскрыть душу, но этот единственный в мире человек погиб. О, он погиб из-за нее» [Доктороу 1978, № 9: 66]. Авторская оценка героев в переводе субъективируется и перепоручается самим героям. Например, в эпизоде, когда Гарри Гудини по воле случая попадает в дом Отца и Матери, Доктороу дает иллюзионисту сдержанную характеристику: «He was not without charm» [Doctorow 1975: 9] («Он не был лишен обаяния»). Переноса эту оценку во внутренний монолог Матери («Голубые его глаза обратились к Матери. Не лишен шарма, *нет-нет*. Он улыбнулся, и Мать, крупная блондинка, потупилась» [Доктороу 1978, № 9: 35]. Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. — Ю. К.), Аксенов с первых же страниц романа подчеркивает заметное несходство Отца, сопротивляющегося быстрой трансформации современного мира, и Матери, с радостью принимающей освобождающие инновации (как и прогрессивный Гудини), и исподволь подготавливает читателя к будущим сюжетным поворотам, окончательно разводящим Отца и Мать [Ostendorf 1991: 585].

Аксенов в «Регтайме» невольно следует всем «вредным советам», которые могли бы быть даны начинающему переводчику, но уже вполне сложившемуся писателю. Согласно Венути, неумелый, «шитый белыми нитками» [Venuti 1995: 5] перевод отличает, например, то, что нейтральной литературной речи автора переводчик предпочитает разговорную и сленговую, стремясь дополнительно оживить исходный текст. В описании

торжественного обеда, устроенного богачом Джоном Пирпонтот Морганом, переводчик и вовсе резок и не очень точен по сравнению с куда более сдержанным оригиналом:

Перевод Аксенова	Текст Доктороу	Буквальный перевод
Их <i>бабы</i> боялись улыбнуться. Настоящие ведьмы. Верные <i>супружницы</i> <i>больших</i> <i>человеков</i> . Сознание своего значения высало всю жизнь из их <i>телес</i> [Доктороу 1978, № 9: 85].	No one of <i>the women thought to laugh</i> . They were hags. They were the loyal <i>wives of great men</i> and the hard pull of rampant achievement had sucked the life out of their <i>flesh</i> [Doctorow 1975: 128].	Ни одна из женщин и не подумала рассмеяться. Они были ведьмами. Они были верными женами великих людей, и сильная тяга к безудержным достижениям высасывала жизнь из их плоти.

На смену пафосу оригинала, проявляющемуся прежде всего в лексике высокого регистра («flesh», «great men»), приходит сатирическое острание перевода, где снижено буквально каждое значимое слово.

В противовес негласным правилам переводческого хорошего тона [Venuti 1995: 5], Аксенов не избегает американизмов и иностранных словечек, а, напротив, заостряет на них читательское внимание, попросту «саботируя» их перевод на русский. Некоторые английские слова (в основном, конечно, самые общеупотребительные) попросту транслитерированы, видимо ради сохранения аутентичности высказывания:

Перевод Аксенова	Текст Доктороу	Буквальный перевод
Теперь, <i>дарлинг</i> , когда Гарри вернется, обрадуй его этим. Стэнни Уайт широко улыбался [Доктороу 1978, № 9: 41].	Now, <i>darling</i> , when Harry comes home you show him that, Stanny White said smiling broadly [Doctorow 1975: 24].	Теперь, дорогая, когда Гарри вернется домой, ты покажешь ему это, — сказал Стэнни Уайт, широко улыбаясь.

Порой Аксенов предпочитает сохранить английский корень, пожертвовав гладкостью и естественностью перевода. Например, «he *declared* to his colleagues...» он передает как «*декларировал* коллегам, что...», отказываясь от напрашивающегося «он заявил коллегам». Или в сцене обеда Джона Пирпонта Моргана и Генри Форда, где в переводе элементарной фразы «He *finished* before his host» Аксенов снова выбирает созвучный оригиналу корень — «*Финишировал* раньше хозяина» — взамен нейтрального «Он закончил (есть) раньше хозяина». Наиболее показательны случаи, когда сохранить корень оригинала невозможно — слишком противоестественно он будет звучать по-русски, и Аксенов предлагает альтернативный

американизм, к примеру, называя «an indisputable truth» — «недискутабельной истиной». Аксенов заставляет текст Доктороу звучать еще более по-американски:

Перевод Аксенова	Текст Доктороу	Буквальный перевод
Это было то время в нашей истории, когда Уинслоу Хомер продуцировал свою живопись [Доктороу 1978, № 9: 33].	This was the time in our history when Winslow Homer was doing his painting [Doctorow 1975: 12].	Это было время в нашей истории, когда Уинслоу Гомер писал свои картины.

Вопреки переводческим нормам, писатель сознательно сигнализирует об иностранной, американской природе текста, и самый яркий пример тому — не просто замена нейтрального русскоязычного корня на англоязычный, а привнесение в текст американизмов, отсутствующих в оригинале. Так, ребенка одного из главных героев романа чернокожего пианиста Колхауса Уокера и его невесты Сары Аксенов называет не иначе как «беби», игнорируя авторские синонимы: младенец в оригинале — не только “baby”, но и “child”, “infant”, “son”, “boy”... (Нельзя в связи с этим не вспомнить об «американской книге» Аксенова 1987 года «В поисках грустного беби»).

За обилием американизмов и «непереведенных» слов кроется не только возможное незнание Аксеновым переводческого этикета. Писатель не позволяет забыть ни на миг, что перед нами американский роман, и его принадлежность к американской культуре и языку самоценна. Ради этой же показательной аутентичности Аксенов не упускает возможности сверкнуть американизмом в путевых очерках «Круглые сутки нон-стоп» (1976), которые публикуются в пору работы над переводом «Регтайма». Чужеродно, но заманчиво звучащие иностранные слова призваны дополнять и расцвечивать экзотические по советским меркам американские зарисовки: «Живые души проносились в своих спасательных пузырях-автомобилях по выгнутым дикими горами **фривэям...**», «Автомат <...> вдруг со звоном и миганьем разноцветных ламп разразился **jackpot**, то есть полной выдачей», «Твои собеседники слегка ерзают, поудобнее устраиваясь в креслах, закуривая, готовясь к бесконечному **“дискашн”**» [Аксенов 1976: 70, 79]. Более того, американизмы в аксеновских текстах 70-х могут сепарироваться от американского антуража и существовать самостоятельно, вкрапляясь в стилистический монолит художественного языка писателя. Так, в «Ожоге» они используются в зарисовке столицы СССР: «Обыкновенный мрачный **билдинг**, каких в Москве сотни» [Аксенов 1999: 326]. Приверженность Аксенова к американизмам, бурно проявившаяся в «Регтайме»,

имеет глубокие корни, уходящие к изначальной мечте писателя о конвергенции между США и СССР — если не в строго политическом, то в литературном и языковом планах. В 1970-е эти мечты, как ни странно, не казались несбыточными: как лично для Аксенова, в 1975 году чудом отправившегося в Калифорнийский университет читать лекции по русской литературе, так и для советских литераторов в целом. Летом 1977 года в Москве вопреки всем препонам состоялась встреча советских и американских писателей, инспирированная редакцией журнала «Иностранная литература»⁵, — «рядка напряженности» ощущалась и в литературном поле.

Переводческая стратегия, при которой культурные и языковые особенности источника не только не приглушаются, но, наоборот, подчеркиваются как самоценные, разумеется, не была изобретена Аксеновым. О форенизации как об одном из двух базовых методов перевода писал еще Фридрих Шлейермахер в 1813 году: «Тот же образ, то же впечатление, которые он [переводчик] сам получил от произведения <...> благодаря знанию оригинального языка, он стремится донести до читателей и, следовательно, поставить их на свое, по сути, чуждое им место» [Schleiermacher 1838: 216]. Складывается ощущение, что Аксенов видит перед собой именно такую задачу — не вполне переводческую, но соавторскую: предложить читателю не буквальный перевод текста Доктору, а красочно изложенное свое впечатление от этого текста, прочитанного и оцененного в оригинале. Несмотря на все насущные материальные причины (в одном из поздних интервью Аксенов отмахивался от излишне глубокомысленных предположений об истоках его переводческой деятельности, говоря, что «просто деньги нужны были. Это было, когда меня уже собирались выгнать из Союза писателей» [Аксенов 2003: 58]), роман Доктору писатель выбрал и предложил в журнал «Иностранная литература» сам. Если это и была «халтура», то все же по любви. «Регтайм» Аксенов прочитал по-английски в 1975 году, вскоре после опубликования, и почти сразу обратился в редакцию журнала с идеей перевода. Языковое своеволие может объясняться азартом, с которым писатель взялся за роман, не оставивший его равнодушным. По Шлейермахеру, благодаря этой свободе работа переводчика и «переходит в более высокую область искусства» [Schleiermacher 1838: 209]. Однако теория Шлейермахера решительно расходится с практикой Аксенова: по мнению немецкого мыслителя, форенизация несовместима с противоположной стратегией — доместикацией.

«Одомашнивание» иностранных реалий для удобства внутреннего читателя имеет внушительную традицию. Переводчики стремились не

⁵ Документы об организации и проведении семинара советских и американских писателей // РГАЛИ Ф. 1573. Оп. 5. Ед. хр. 1145.

столько изменить или обогатить «внутреннее представление об иностранной культуре» [Venuti 1998: 68], сколько заменить чуждые реалии местными. Аксенов тоже прибегает к доместикации, но только по необходимости. Так, вынужденно комментируя разницу температурных шкал, он все же не пересчитывает градусы по привычному Цельсию: «Ртуть подбиралась к 90 (Фаренгейта)» [Доктороу 1978, № 9: 35]. В оригинальном тексте никаких уточнений, конечно, нет: «The thermometer read in the high eighties» [Doctorow 1975: 11]. Или необходимо поясняет, что американцы называют завязанные под подбородком платки — *babushka*: «По ночам старые женщины **в платках “бабушкой”** отправлялись в морги искать своих мужей и сыновей» [Доктороу 1978, № 9: 37]. Русское слово приходится объяснять из-за сдвига значения при заимствовании: «Late at night old ladies **in babushkas** came to the morgue looking for their husbands and sons» [Doctorow 1975: 13].

По-настоящему полно доместикация проявляется в тех случаях, когда фрагмент текста не получается точно перевести из соображений (само) цензуры. Доктороу, включая в роман ключевые исторические фигуры первых десятилетий XX века, не может не упомянуть и о Зигмунде Фрейде, посетившем США в 1909 году: «A few professional alienists understood his importance, but to most of the public he appeared as **some kind of German sex-ologist**, an exponent of free love who used big words to talk about dirty things» [Doctorow 1975: 30]. «Неудобное» слово «сексолог» Аксенов заменяет на предельно понятные, знакомые еще по детскому фольклору слова считалочки и, продолжая воспроизводить профанный, «детский» взгляд на Фрейда, называет его «умником», совсем отступая от оригинала: «Горстка профессиональных психиатров понимала его значение, но для большинства публики он был **немец-перец-колбаса, эдакий умник**, проповедующий свободную любовь и пользующийся научными словами специально для того, чтобы говорить “пошлости”» [Доктороу 1978, № 9: 45]. Вероятно, схожие (цензурные) причины толкают писателя на «одомашнивание» сквернословия в комическом эпизоде, где описывается очередной трюк Гарри Гудини, повисшего на фасаде небоскреба: «A man was ginning at him, upside down, from a twelfth-floor window. Hey, Houdini, the man said, **fuck you. Up yours**, Jack, the magician replied» [Doctorow 1975: 264]. Житель Нью-Йорка в переводе Аксенова выражается не хуже любого русского: «“Эй, Гудини”, — сказал он, — “етиттвую, Гудини”. — “Взаимно, Джек”, — ответил ему волшебник» [Доктороу 1978, № 10: 180]. Таким образом, подход Аксенова можно назвать вынужденной доместикацией, когда знакомым заменяется запретное.

Палимпсест (аксеновский почерк поверх текста Доктороу) виден везде, где слово принадлежит повествователю, а порой и в репликах героев.

Вместо суховатых и нарочито фактографических пассажей Доктороу — перед читателем перевода не только внутренние монологи персонажей, но и их внутренние же разговоры с воображаемыми собеседниками. Так устроен, например, эпизод, в котором Эвелин Несбит готовится к суду над ее мужем Гарри Фсоу. Доктороу в привычной ему нарративной манере всеведущего автора сообщает: «She was an artist's model and aspiring actress. Stanford White had invited her to his apartment in the tower of Madison Square Garden and offered her champagne» [Doctorow 1975: 21]. Аксенов, полностью сохраняя не только фабулу, но и все детали этой истории, превращает ее буквально в репетицию речи Несбит перед судьей, написанную при этом в нейтральном третьем лице: «Она была натурщицей, *Ваша Честь*, и начинающей актрисой... В шампанском было кое-что лишнее, *Ваша Честь*» [Доктороу 1978, № 9: 40]. Точно таким же приемом — обращением к воображаемому собеседнику, которое позволяет вкратить в монолит авторского текста квазидialog, — Аксенов пользуется и в романе «Ожог», причем также в эпизоде из прошлого — в ретроспективном внутреннем монологе чекиста Чепцова, навязчивого спутника детских и взрослых кошмаров пятиликого протагониста романа: «Вот вы считаете, *мадам*, эти купюрки и даже не взглянете через окошечко, а ведь если бросить взгляд в далеко не бесцельно прожитые годы, можно такое увидеть, что у вас, *мадам*, маникюр с ногтей сползет от острых чувств...» [Аксенов 1999: 313]. Таким образом, Аксенов даже переводной роман превратил в «роман самовыражения» [Аксенов 2002: 179] — именно этот жанр стал итогом поисков 1970-х годов и остался с писателем до самого конца.

Несправедливо было бы утверждать, что вдоволь самовыразившись в переводе, Аксенов остался глух к оригинальности романа Доктороу. Напротив, музыку рваной регтаймовой композиции писатель расслышал настолько хорошо, что воспроизвел ее принципы в собственном opus magnum — «Ожог», и не только в нем. Именно с середины 1970-х, когда Аксенов работает над «Регтаймом», его сочинения перестают тяготеть к линейной композиции и поступенному разворачиванию сюжета. Прославившие Аксенова оттепельные романы («Коллеги», «Звездный билет», «Пора, мой друг, пора»), как и малая проза золотой поры «Юности» (журнала), несмотря на неизбежные ретро- и проспективные вставки, имели в основе четко оформленную сюжетную линию, развивающуюся от начала к концу. Постоттепельные сочинения с их тягой к травелогам также не отличались «перекрученностью» композиции: сюжет управлялся механическим движением вперед — стронувшейся ли с места затоваренной бочкотарой, направленным ли научно-прогрессивным движением ученых навстречу «Золотой нашей железке», приключениями ли чудо-пионера Геннадия Стратофонтова из детской дилогии или автопутешествием

Павла Дурова, ищущего свой оригинальный жанр. Начиная с «Ожога», работа над которым велась одновременно с переводом, Аксенов предпочитает линейности технику (кино)монтажа, прямой хронологии магистральной сюжетной линии — чередование нескольких главных тем с их бесчисленными вариациями.

Доктороу строит свой нарратив как бы из «подвижных частей» («moveable parts» [Ostendorf 1991: 585]), подобных музыкальным темам в регтайме. Обычно их четыре, они перемежаются, сливаются и вновь разделяются, что в музыке называется контрапунктом. Четырьмя самостоятельными мелодиями «Регтайма» могут считаться четыре сюжетные линии: истории трех вымышленных семей — 1) Отца, Матери и Малыша; 2) иммигрантов Мамки, Тяти и Малышки; 3) чернокожего пианиста Колхауса Уокера Младшего, его невесты Сары и их маленького беби. Четвертая (4) мелодия складывается из множества исторических персонажей. Подвижные части — музыкальные темы — скреплены монтажно, чуть ли не механическим переключением внимания с одной на другую, без претензии на логичность и оправданность переходов. Монтажная техника нарратива Доктороу оправдывает его case studies [Ostendorf 1991: 584]: американский романист исследует частные случаи и далеко не всегда типичные лица. Так, лишь временно, но значительно появление в романе анархистки Эммы Гольдман (у Аксенова — Голдман), связывающей сюжетные линии Эвелин Несбит и социалиста Тяти (и вымышленный Тятя, и реальная Гольдман — покинувшие Российскую Империю евреи); правозащитника и политика Букера Ти Вашингтона («самого знаменитого американского негра своего времени» [Доктороу 1978, № 10: 166]), пытающегося вразумить взбунтовавшегося Колхауса Уокера, и даже эрцгерцога Франца-Фердинанда, изъявившего желание посмотреть, как знаменитый иллюзионист Гарри Гудини летает на биплане «Вуазен».

Музыкальная форма, как и монтажная склейка частностей, образующих целое, становится проводником ностальгии — по истории, по эпохе регтайма, — наполняемой уже современными автору ассоциациями [Ostendorf 1991: 585]. По-видимому, композиционное решение Доктороу пришлось по вкусу Аксенову именно поэтому: центральным нервом «Ожога», «истерической книги», как называет ее автор уже в постсоветское время⁶, является болезненная и местами горькая ностальгия по «золотому веку»

⁶ Встречи для Вас. Василий Аксенов / Беседовала Татьяна Земскова. ТРК «Останкино», 1993. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xlF2K4QTHoA&ab_channel=%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%A0%D0%90%D0%94%D0%98%D0%9E%D0%A4%D0%9E%D0%9D%D0%94 (дата обращения: 09.12.2022).

советского подпольного джаза, а также иллюзиям «шестидесятников». Не единожды отмечено, что в «Ожоге» «движущей силой является джаз»: «синкопированный стиль, запутанная, причудливая композиция, некий синтез искусств» [Нива 1999: 241]. Несмотря на историческую точность подзаголовка аксеновского романа — «Поздние Шестидесятые — ранние Семидесятые», «герой не ищет, как казалось бы естественным, объективную истину» [Вайль, Генис 1982: 81]. Старательно доводя субъективность героев до предела в переводе, автор «Ожога» в собственном сочинении за эти пределы вышел и достиг исповедальности. Благо это историческое прошлое было совсем недавно лично прожитым настоящим (чего не скажешь о начале XX века у Доктору). По достоинству оценив преимущества личных историй над безличной Историей, Аксенов последовал примеру американского романиста и занялся «case studies» на свой оригинальный манер. С одной стороны, в «Ожоге» немало исторических лиц — реальных людей, выведенных как под своими именами (например, Олег Табаков, играющий буфетчицу в поставленной «Современником» пьесе Аксенова «Всегда в продаже», 1972), так и под весьма прозрачными псевдонимами — в главе «Пантелей Аполлинариевич Пантелей рассказывает в третьем лице о том, как однажды кончилась его молодость» писателя распекает Глава — Кукита Кусеевич, в котором невозможно не узнать Хрущева.

С другой стороны, легко узнаваемые исторические лица не имеют своей темы, своей мелодии, они — лишь аккомпанемент для героев вымышленных. «Частные случаи» главных персонажей исследованы скрупулезно, любовно и безжалостно, пусть и в хаотической перебивке джазового контрапункта (они появляются, исчезают и снова выныривают в главах романа по закону джазового свинга — то за счет постоянных и непредсказуемых отклонений от темы, то сливаясь с ней). Первостепенные в романе личности по отдельности даже имеют прототипы, а потому претендуют на неповторимость своего «кейса»: «вот Алексей Козлов⁷, вот скульптор Эрнст Неизвестный, а вот хирург Ильгиз Ибатуллин...» [Петров 2012: 206], воплотившиеся в Самсоне Аполлинариевиче Саблере, Ради Аполлинариевиче Хвастичеве и Геннадии Аполлинариевиче Малькольмове... Есть прототип и у писателя Пантелея Аполлинариевича Пантелея: сам Аксенов. Он-то (писатель) и является главным «кейсом», главной музыкальной темой, видоизменяющейся в пяти вариациях. «Этот конструктивный принцип несколько назойливо заявлен уже в начале романа, в главах с одинаковым названием “ABCDE”, описывающих один и тот же

⁷ «Позднее Василий Аксенов описал этот концерт [сорванный и разогнанный концерт джазбэнда «Арсенал» в ЦДЛ. — Ю. К.] в своем романе “Ожог”, где <...> я фигурирую совсем под другим именем — некоего Самсона Сабли» [Козлов 1998: 137].

эпизод, происходящий в одном и том же месте и в одно и то же время» [Немзер 1991: 245]. Итак, историческая многоликость эпохи (по примеру Доктороу) у Аксенова оборачивается «прорывом к высшей субъективной Истине»: «кульминацией достижения тождества самому себе» [Вайль, Генис 1982: 81].

В запоздалой (1989) рецензии на повесть «Золотая наша железка» (1973) Евгений Сидоров, вспоминая об удачном переводе американского романа, констатирует: «Потому и “регтайм”, что ретро-ритм задает движение этой вещи» [Сидоров 1989: 44]. Считая, что «самое лучшее» у Аксенова это все-таки воспоминания (ретро), критик резко противопоставляет «меланхолические импровизации» на тему «золотых наших шестидесятых» в «Железке» и беспощадное и бесповоротное «прощание с романтическими идеалами молодости» в «Ожоге» [Сидоров 1989: 44–45]. Но ведь повесть и роман писались почти одновременно. Бесспорно, контраст интонаций определяется авторской интенцией: «буколическую» «Железку» Аксенов мыслил «проходной», пригодной для советской печати, поэтому «шумовая музыка джаст» звучит в ней ничуть не громче «песен старших братьев» — идеологически неприкосновенных военных, фронтовых песен [Аксенов 1980: 157]. О публикации же в СССР «Ожога», написанного «назло всякого рода идеологическим и эстетическим табу», автор и не помышлял [Сидоров 1989: 44]. Но не прошло даром и чтение «Регтайма» Доктороу — «синкопирующего и коллажного», наглядно показавшего Аксенову освобождающую силу музыкальной энергии. Так в литературной эволюции писателя, в которой, по его позднейшему убеждению, не было «ничего личного» [Аксенов 2002: 178], отразился «генеральный процесс» музыкальной истории: регтайм приблизил ощущение джаза [From Piano Thumping... 1973: 54].

Литература

Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп. Впечатления, размышления, приключения // Новый мир. 1976. № 8. С. 51–122.

Аксенов В. Золотая наша железка. Ann Arbor, 1980. 189 с.

Аксенов В. П. Ожог. М.: Изограф; ЭКСМО-Пресс, 1999. 496 с.

Аксенов В. Чудо или чудачество. О судьбе романа // Октябрь. 2002. № 8. С. 171–179.

Аксенов В. «Американским писателем я так и не стал» / Запись С. Силаковой // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 56–61.

Вайль П., Генис А. Разгром (В. Аксенов) // Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor: Эрмитаж, 1982. С. 77–92.

- Доктороу Э. Л. Регтайм / Пер. с англ. В. Аксенова // Иностранная литература. 1978. № 9. С. 32–90; № 10. С. 119–181.
- Козлов А. Козел на саксе. М.: Вагриус, 1998. 445 с.
- Немзер А. Странная вещь, непонятная вещь // Новый мир. 1991. № 11. С. 243–249.
- Нива Ж. Прозаики-нонконформисты. Ожог Аксенова // Нива Ж. Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. М.: Высшая школа, 1999. С. 240–242.
- Петров Д. Василий Аксенов. Сентиментальное путешествие. М.: Эксмо, 2012. 544 с.
- Сидоров Е. Регтайм в стиле Аксенова // Юность. 1989. № 7. С. 44–45.
- Doctorow E. L. *Ragtime*. New York, Random House, 1975. 270 p.
- From Piano Thumping to the Concert Stage: The Rise of Ragtime // *Music Educators Journal*, 1973. Vol. 59. No. 8. P. 53–56.
- Ostendorf B. The Musical World of Doctorow's *Ragtime* // *American Quarterly*. 1991. Vol. 43. No. 4. P. 579–601.
- Schleiermacher Fr. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens // Schleiermacher Fr. Sämtliche Werke. Abteilung 3. Zur Philosophie. Band 2. Berlin, 1838. S. 207–246.
- Strout C. The veracious imagination: Essays in American history, literature, and biography. Middletown, 1981. 301 p.
- Venuti L. The translator's invisibility. London, Routledge, 1995. 353 p.
- Venuti L. The scandals of translation: Towards an ethics of difference. London; New York, Routledge, 1998. 210 p.

References

- Aksenov V. [Round the clock non-stop. Impressions, reflections, adventures]. *Novyi mir*, 1976, no. 8, pp. 51–122. (In Russ.)
- Aksenov V. *Zolotaya nasha zhelezka* [Our Golden Ironburg]. Ann Arbor, 1980. 189 p.
- Aksenov V. P. *Ozhog* [Burn]. Moscow, Izograf; EKSMO-Press Publ., 1999. 496 p.
- Aksenov V. [Miracle or eccentricity. About the fate of the novel]. *Oktyabr'*, 2002, no. 8, pp. 171–179. (In Russ.)
- Aksenov V. ["I never became an American writer"]. *Inostrannaya literatura*, 2003, no. 1, pp. 56–61. (In Russ.)
- Doctorow E. L. *Ragtime*. New York, Random House, 1975. 270 p.
- Doctorow E. L. [Ragtime / Translated by V. Aksenov]. *Inostrannaya literatura*, 1978, no. 9, pp. 32–90; no. 10, pp. 119–181. (In Russ.)
- From Piano Thumping to the Concert Stage: The Rise of Ragtime. *Music Educators Journal*, 1973, vol. 59, no. 8, pp. 53–56. (In Eng.)
- Kozlov A. *Kozel na sakse* [The goat plays the saxophone]. Moscow, Vagrius Publ., 1998. 445 p.
- Nemzer A. [A strange thing, an incomprehensible thing]. *Novyi mir*, 1991, no. 11, pp. 243–249. (In Russ.)

- Niva Zh. [Prose writers-nonconformists. Aksenov's Burn]. Niva Zh. *Vozvrashchenie v Evropu. Stat'i o russkoi literature* [Return to Europe. Articles about Russian literature.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1999, pp. 240–242. (In Russ.)
- Ostendorf B. The musical world of Doctorow's Ragtime. *American Quarterly*, 1991, vol. 43, no. 4, pp. 579–601. (In Eng.)
- Petrov D. *Vasilii Aksenov. Sentimental'noe puteshestvie* [Vasily Aksenov. Sentimental journey]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 544 p.
- Schleiermacher Fr. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens. Schleiermacher Fr. *Sämmtliche Werke. Abteilung 3. Zur Philosophie. Band 2*. Berlin, 1838, pp. 207–246. (In Germ.)
- Sidorov E. [Ragtime in Aksyonov's style]. *Yunost'*, 1989, no. 7, pp. 44–45. (In Russ.)
- Strout C. *The veracious imagination: Essays in American history, literature, and biography*. Middletown, 1981. 301 p.
- Vail' P., Genis A. [Rout (V. Aksenov)]. Vail' P., Genis A. *Sovremennaya russkaya proza* [Modern Russian prose]. Ann Arbor, Ermitazh Publ., 1982, pp. 77–92. (In Russ.)
- Venuti L. *The translator's invisibility*. London, Routledge, 1995. 353 p.
- Venuti L. *The scandals of translation: Towards an ethics of difference*. London; New York, Routledge, 1998. 210 p.

Особенности эпитетов в поэзии К. М. Симонова: грамматические и семантические трансформации

Инесса Николаевна Коржова, Московский финансово-промышленный университет
(Россия, Москва), clean24@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170026391-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены некоторые виды эпитетов, характерные для идиостиля К. М. Симонова — поэта. Продуктивным для автора типом является гипаллага, служащая средством создания новых, более дробных названий для предметов и явлений. При этом гипаллага выдвигает значимые для Симонова категории. Так, многие перенесенные эпитеты закрепляют представление о временном или пространственном раздвоении мира, мифопоэтическое в своих истоках. Другой тип эпитетов в поэзии Симонова связан с употреблением относительных прилагательных в конструкциях с намеренным нарушением лексической сочетаемости. Подобные прилагательные имеют неоднозначную грамматическую природу. Ряд из них продолжает указывать на отношение, но вбирает авторскую оценку явлений, апеллирует к сложной сети ассоциаций. Другие окачествляются и приближаются к метафоре. Наконец, особую группу составляют развернутые эпитеты, выраженные причастным оборотом. Их цельность подчеркивается опорой на идиомы, включением в ряд однородных членов с простыми эпитетами, грамматической трансформацией, пунктуационным и графическим оформлением. Выявленные виды эпитетов призваны быть средством предметной и понятийной конкретизации, оформлять представление об особом подклассе предметов и явлений. В отдельных

случаях эпитеты способствуют объективации форм психологического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Симонов, идиостиль, эпитет, гипаллага, эналлага, окачествование прилагательных

для цитирования: Коржова И. Н. Особенности эпитетов в поэзии К. М. Симонова: грамматические и семантические трансформации // Русская речь. 2023. № 4. С. 90–101. DOI: 10.31857/S013161170026391-9.

The Language of Fiction

Features of Epithets in K. M. Simonov's Poetry: Grammatical and Semantic Transformations

Inessa N. Korzhova, Moscow University of Finance and Industry (Russia, Moscow), clean24@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses some types of epithets characteristic of the idio-style of K. M. Simonov, the poet. A productive type for the author is the hypallage, which serves as a means of creating new, more fractional names for objects and phenomena. At the same time, hypallages puts forward categories that are significant for Simonov. Thus, many transferred epithets are associated with temporal and spatial division and have mythopoetic origins. Another type of epithets in Simonov's poetry is associated with the use of relative adjectives in structures with impaired lexical compatibility. Such adjectives have an ambiguous grammatical nature. A number of them continue to point to the attitude, but take in the author's assessment of the phenomena and appeal to a complex network of associations. Others improve and approach the metaphor. Finally, a special group consists of detailed epithets expressed by a participial turnover. Reliance on idioms, inclusion in a homogeneous series with simple epithets, grammatical transformation, punctuation and graphic design emphasize integrity of the phrase.

The identified types of epithets are intended to be a means of subject and conceptual concretization, to formalize the idea of a special subclass of objects and phenomena. In some cases, epithets contribute to the objectification of psychological analysis.

KEYWORDS: Simonov, idiostyle, epithet, hypallage, enallage, quality of adjectives

FOR CITATION: Korzhova I. N. Features of Epithets in K. M. Simonov's Poetry: Grammatical and Semantic Transformations. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 90–101. DOI: 10.31857/S013161170026391-9.

Эпитеты являются одним из самых простых и частотных тропов. В поэзии К. М. Симонова с ее невысокой тропеизацией они занимают важное место, часто соединяясь с иными приемами: повторами, словесной игрой и т. д. Однако до настоящего времени идиостиль поэта не исследовался систематически, не накоплены и наблюдения, связанные с ролью интересующего нас средства. Статья посвящена выявлению и осмыслению типов эпитетов, наиболее характерных для идиостиля автора.

Заметной частотой в поэзии Симонова обладают эналлаги и, шире, гипаллаги. В трактовке этих понятий в различных источниках нет единообразия. Удачной представляется дифференциация, произведенная в словаре «Культура русской речи» под редакцией А. П. Сковородникова. Под гипаллагой, с опорой на русскую исследовательскую традицию, понимается «стилистический прием, состоящий “в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную” (Никитина С. Е., Васильева Н. В., 1996. С. 62); “семантико-синтаксическая перестановка” (Манчинова Н. В., 1998. С. 18), в результате которой “рождается” троп» [Сковородников (ред.) 2011: 94–95], тогда как эналлагой называется разновидность приема, в которой «“определение-прилагательное перемещается с управляемого слова на управляющее или (реже) с управляющего на управляемое” (Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С., 1999. С. 286)» [Сковородников (ред.) 2011: 95]. Симонов использует разные структурные типы переноса: он не только перемещает эпитеты внутри словосочетания, но и использует дериваты от разных частей речи, преобразуя характер подчинительной связи, изменяя частеречную природу зависимого слова.

Одна из самых показательных для понимания специфики художественного мира Симонова форма гипаллаги связана с переносом харак-

теристики из мира людей на мир предметов: **«Бестолковые буквы по стеклам навыворот пишут»** [Симонов 1982: 103] (вместо «бестолково пишут») или **«Они лежали мертвые, в мундирах, / В заморских неуклюжих башмаках»** [Симонов 1982: 105] (исходный оборот — «неуклюже лежали»). Это, так сказать, отверждение эмоций, их объективация в предметах, является выражением в языке той тенденции к зримости художественного мира, эстетики подробностей, сочетающейся с психологизмом, которые отличают поэзию Симонова.

Примеры переноса эпитета, относящегося к миру человека, на предмет достаточно многочисленны. Такие конструкции делают вещную деталь более выпуклой, но в то же время несамодостаточной, зависимой от субъективного восприятия: **«В чужие, равнодушные квартиры»** [Симонов 1982: 433], **«Помнишь узкую комнату / с насмерть продрогшей стеною»** [Симонов 1982: 398], **«В неслышных тупляках поднялся навстречу»** [Симонов 1982: 426]. Характеристики физического восприятия, чувства и оценки как бы оседают на предметах, создают особый подкласс вещей. Иногда воссозданная подробность может быть по-импрессионистически нечеткой. Так, в поэме «Первая любовь» фраза **«и платья задыхающийся шорох»** [Симонов 1982: 407] объединяет нескольких действующих лиц. Задышаться может и женщина, снимающая платье, и герой, наблюдающий за нею. В образе замкнута и причинно-следственная цепочка: на платье проецируются чувства героя, но сам же предмет и провоцирует это состояние. Такой образ, не теряя вещественности, становится психологически емким выражением любовного томления.

В стихотворении «Дожди» гипаллага тонко передает процесс объективации собственных желаний и страхов, стремление увидеть знаки судьбы, которое является одним из лейтмотивов цикла «С тобой и без тебя». Связь образа «бессильных писем» с концептуальным уровнем, демонстрация участия тропа в воссоздании мироотношения, которое хочет принять герой и с которым одновременно спорит, становится очевидным из контекста: **«И, на коленях разложив / Бессильные листочки писем, / Гадает: жив или не жив, / Как будто мы от них зависим»** [Симонов 1982: 199]. Автор пытается оспорить основу суеверий, в которых «магическими свойствами наделяется все окружающее индивида — природные явления и предметы, сотворенные руками человека; все природные и созданные человеком явления одушевляются и обретают персонифицированный вид» [Саенко 2006: 88], но выстраивает характерную именно для суеверий ментальную картину, наделяя предмет свойствами живой силы.

Перенос может иметь и иной характер: психологические характеристики распространяются на непредметные и даже абстрактные категории, создавая и здесь эффект конкретизации: «Туда, где по прежним

зрячим расчетам» [Симонов 1982: 313], «Врачами сосчитаны **зрячие дни**» [Симонов 1982: 321], «За это **равнодушное**, до слез / В такую ночь обидное **доверье**» [Симонов 1982: 418], «Она в тот миг шептала: “Милый”, — / На скорбном **женском языке**» [Симонов 1982: 203]. Особенно выразительно детально точное и атмосферное описание заброшенной комнатки, где влюбленные прежде проводили дни: «Забытых стен **не-топленное эхо**» [Симонов 1982: 426] — или сходная по семантике фраза «И вдруг **пустая тишина** палат» [Симонов 1982: 113].

Гипаллага может реализовываться в более узких пределах одного объекта описания, соединяясь в этих случаях с метонимией. Психологическими или физиологическими особенностями человека наделяются части тела или движения: «Под дождем, / с непокрытою головою, **упрямой походкой**» [Симонов 1982: 242], «и, оторвав **ослепшие пальцы**, пролез вниз» [Симонов 1982: 454], «И люди с **посторонними глазами** / Навстречу попадаютс я ему» [Симонов 1982: 431]. Происходит некоторое сложно артикулируемое смысловое приращение: люди, у которых посторонние глаза, не просто незнакомые, с ними бесполезно заводить разговор, это неизменная характеристика, черта души. Так, новый образ оказывается семантически богаче реконструируемого исходного, не знающего семантического сдвига.

Говоря о субкатегоризации — оформлении как бы нового, отдифференцированного авторским сознанием класса явлений: «равнодушных квартирах», «женском языке» (что особенно важно при подчеркнутой гендерной ориентированности системы ценностей Симонова) — мы сближаемся с позицией тех исследователей, которые считают перенесенный эпитет способом оформления индивидуально-авторского понятия. И. И. Ковтунова видит в «семантическом отрыве признака от определяемого слова» одну из форм усиления семантической неопределенности в поэзии XX в. [Ковтунова 1993: 109–110]. Отметим, что речь идет о неоднозначности прочтения, но сам поиск средств говорит о стремлении поэтов воплотить новые смыслы, т. е. как раз расширить сферу определяемого словом. С. С. Барсукова, опираясь на идеи Б. М. Гаспарова о языке как духовно-творческой деятельности, приходит к выводу, что структуры, основанные на лексическом диссонансе, «проецируются через призму сознания на особую бытийную (или околобытийную) плоскость — плоскость мыслимого или возможного, открывая тем самым новые перспективы познания» [Барсукова 2013: 19]. Х. Вонг подходит к рассмотрению перенесенного эпитета с позиций теории концептуальной интеграции (концептуального блендинга): «in transferred epithet, two words which do not allocate are joined together to give novel and vivid expression. It is extraordinary characteristic that we find the possibility

among the impossibility. The conceptual integration theory helps us to find what is happened backstage» [Wang 2013: 1077]¹. Сами создатели теории М. Тернер и Ж. Фоконье, обогащая двучастную теорию метафоры, говорят о многопространственности модели и указывают на особую познавательную роль концептуальной интеграции: «Conceptual integration — “blending” — is a general cognitive operation <...>. It yields products that frequently become entrenched in conceptual structure and grammar, and it often performs new work on its previously entrenched products as inputs» [Fauconnier, Turner 1998: 133]². На их методологию опираются исследования перенесенного эпитета Ф. Р. Кубаевой [Кубаева 2009] и Е. И. Баранчевой [Баранчева 2016]. Указанный подход позволяет рассмотреть эналлагу как способ создания и выражения новой мыслительной сущности, нового подкласса предметов. Перенесенный эпитет оценивается не просто как прием языкового украшения, но и как факт, характеризующий ментальное пространство автора, что делает возможным на основе анализа приема говорить о специфике художественной модели мира писателя.

В ряде случаев перенесенные эпитеты у Симонова оформляют концептуально значимые для всего произведения представления. Так, в стихотворении «Хозяйка дома» дважды в сходных выражениях говорится о соединении живых и мертвых в день будущей победы: «Пусть кто-нибудь живой нальет вино / Нам в наши **молчаливые стаканы**» [Симонов 1982: 191] и «И сдвинем за живых **бесшумные стаканы**» [Симонов 1982: 191]. В первом случае перед нами эналлага: эпитет переносится с обладателей предмета — незримых друзей — на сам предмет; во втором гипаллага — наречие «сдвинем бесшумно» превращается в прилагательное. Поэт обращается к мифологическому представлению о безмолвии как черте мира мертвых: «в фольклоре тишина, молчание становятся универсальными атрибутами, маркерами всей сферы смерти» [Невская 1999: 126]. При создании этого образа Симонову удастся, предметно точно изобразив свидание живых и мертвых, не акцентировать внимание на фантастичности ситуации и не указывать на зримость или незримость новых гостей, и в то же время поэт обозначает трагическую границу между живыми и мертвыми, проложенную войной и до конца непреодолимую.

¹ «В перенесенном эпитете два слова, которые ничем не выделялись, соединяются вместе, чтобы дать новое и яркое выражение. Удивительно, что мы находим новую возможность среди невозможного. Теория концептуальной интеграции помогает узнать, что произошло за кулисами».

² «Концептуальная интеграция — “блендинг” — это общая когнитивная операция <...>. Она дает результаты, которые часто укореняются в концептуальной структуре и грамматике, и часто преобразует укоренившиеся данные, которые используются в качестве исходных».

Важная для поэта оппозиция «живые и мертвые» не раз подчеркивалась благодаря переносу: «Едва ль ты узнаешь, моя недотрога, / **Живые и мертвые** их **имена**» [Симонов 1982: 186], «Вдруг ее не смерть, а летаргия / В **мертвый мир** обманом увела?» [Симонов 1982: 206]. И каждый раз своей необычностью, соединением с тем, что не подлежит такой характеристике, понимание смерти как роковой черты выводилось на первый план.

Гипаллага у Симонова, особенно в любовной лирике, подчеркивает важность мифопоэтического разделения мира на дневной и ночной. Появляются письма дневные и ночные, разные по духу («Незримая, смотри, как я пишу / Листки своих **ночных** нелепых **писем**» [Симонов 1982: 204]), или образы, подчеркивающие чувственный и в то же время опасный, рубежный ночной мир: «В **погасшем доме** звуков не осталось» [Симонов 1982: 424], «**Полуночные** волжские **пески**» [Симонов 1982: 407]. Такие эпитеты двоят предметы и усиливают черты двоемирая.

Еще один достаточно распространенный в поэзии Симонова тип определений связан с постановкой относительных, реже притяжательных прилагательных в такой контекст, где происходит их окачествление. По мнению В. Н. Виноградовой, «особенностью семантики прилагательных в поэтической речи является развитие качественных, индивидуализированных, характеризующих значений у прилагательных, имеющих относительные или определительно-обстоятельственные значения» [Виноградова 2005: 332]. Значимо, что большинство таких прилагательных у Симонова — это прилагательные с пространственно-временным значением: «**Московское слово** “простуда”» [Симонов 1982: 109], «**Южная пластинка**, замерзая, / Делает последние круги» [Симонов 1982: 147], «Пускай чужие, но зато / **Вчерашние глаза** и **руки**» [Симонов 1982: 184]. В процитированных строках время или место (Москва, Юг — читай: Испания, вчерашний день) указывают на условия жизни, от которых герой отделен, и прилагательное расширяет свое значение, вбирая весь комплекс характеристик другого мира или другого времени. Именно через такое отношение к широкому, качественно иному явлению и происходит семантическое углубление прилагательного, но оно не всегда становится качественным, по-прежнему указывает на отношение, но теперь уже к явлению, окрашенному авторскими ассоциациями. «Московское слово» в монгольском цикле «Соседям по юрте» означает «мирное, полное нестрашных страхов, наивных опасений людей, незнакомых с войной и живущих в относительном комфорте». «Южная пластинка» противостоит суровой морозной непогоде, куда выходит генерал, но это еще и иная временная пора — время молодости, широких чувств и обещаний, еще не покрытого мозолями сердца. Эти значения восстанавливаются из контекста и даже из затекста, ведь ни Испания, ни Москва не описаны в стихотворениях.

Сходно построен перенос во фразе «**Москва** в его глазах была большой, / **Трамвайной**, людной и немножко страшной» [Симонов 1982: 419], здесь новое значение создается без метафорического переноса. Новый смысл буквально отсылает к слову «трамвай» и фиксирует заполненность пространства этими средствами передвижения. Но позиция сказуемого и соседство с качественными прилагательными позволяет читать слово «трамвайной» как «динамичной», «суевающейся».

Прикрепленность ко времени или месту может быть и более конкретной: «Среди **рождественских гостей**, / Мужчин и старых дам» [Симонов 1982: 212], «Мы умели дружить и **о чем-то** совсем **не постельном**, / Лежа рядом часами с тобой говорить по ночам» [Симонов 1982: 391]. Явления обретают подтипы через указание на принадлежность к определенным социальным институтам или даже месту и времени благодаря следующим эпитетам: «Он, мельком оглядев свою каморку, / Создаст **командировочный уют**» [Симонов 1982: 92], «Опять вся в **школьных бантиках** и **складках**, / Как девочка, в нем бегала она» [Симонов 1982: 422], «Не одним **стиральным, обеденным** / Вековым **наукам** домашним, — / Научились вы сердцеведенью» [Симонов 1982: 474]. В последнем случае прилагательные, образованные от названия рутинных бытовых действий, вбирают все поле ассоциаций с понятием «семейная жизнь».

Отметим, что эти эпитеты, как и гипаллаги, конкретизируют образ не столько зрительно, сколько понятийно. Так, очевидно, что «командировочный уют», сочетание почти оксюморонное, говорит об особом неумелом обживании пространства людьми, равнодушными к удобствам и комфорту, и о невозможности не оставить отпечаток своей личности на случайном пространстве; перед нами попытка примирения базовой для раннего Симонова оппозиции дома и пути. Такие эпитеты менее связаны с передачей конкретного психологического состояния и могут служить качественной характеристикой объектов.

При более узком, конкретном значении исходного относительного прилагательного общий характер окачественного эпитета несколько меняется. Такие определения близки к метафорам. Во фразе «И на всех фотографиях, даже на тех, что в крови, / Снизу вверх улыбались запоздалой **бумажной улыбкой**» [Симонов 1982: 110] название материала не подключает контекстуальные и затекстовые ассоциации, а лишь на основе собственных сем создает основу для переноса. Бумажная — здесь и хрупкая, и ненастоящая. Ассоциативным является механизм трансформации в случае «Льет **трехэтажный** вьетнамский **дождик**» [Симонов 1982: 294], «это тревожит только маленьких **чернильных людей**» [Симонов 1982: 457], «в трубке **голос зимний**, хрипатый» [Симонов 1982: 476], «сквозь перекраски пятнами наружу / Опять пробился прежний, **детский**

цвет» [Симонов 1982: 429]. Особенность этих образов — помещение прилагательного с уже довольно регулярно появляющимся в узусе качественным признаком в неожиданный контекст.

В поздней поэзии привлекает внимание фраза, где семантическая сложность усиливается влиянием соседней метафоры и иных грамматических сдвигов: «И — сквозь **старушечьи загары**, / Косметик поздние цветы» [Симонов 1982: 303]. Конкретизация слова «загары» заставляет и в слове «старушечьи» видеть не только указание на принадлежность (ибо такое обобщение нивелировало бы только что грамматически оформленную идею разнообразия и конкретности в форме «загары»), но и указание на качество («несвоевременные, нелепые»).

Для поэзии Симонова характерны распространенные определения, выраженные причастным оборотом — в целом достаточно «тяжелой» конструкцией. Они не основаны ни на семантическом, ни на грамматическом сдвиге, но служат той же цели дробной характеристики объекта. А элемент глагольности придает этим определениям темпоральность и некоторую «фабульность». Герои и предметы — это то, что они пережили, что с ними случилось: «только молчание ничего обратно не отдающей земли» [Симонов 1982: 443], «Чтоб не сказали мне друзья, / Все разделявшие в судьбе» [Симонов 1982: 192], «Вдруг вылезавший вычищенной пастой / Тигриною улыбкою зубастой» [Симонов 1982: 228], «Не казнимой еще и еще не балованной / Переменчивой женской судьбой» [Симонов 1982: 197], «Не я тобою прощенный, / Не я тобою исанный» [Симонов 1982: 168]. В двух последних примерах грамматическая трансформация все же происходит, и применяется она к изначально целостной конструкции — фразеологическому выражению и прилагательному, которому возвращена глагольность: эпитет «непрощенный» развернут в систему действий.

В стихотворении «Немец» на развертывании таких динамических характеристик построен большой фрагмент. Главный герой, немец-антифашист, «обнародует» в песне длинную историю своей непростой судьбы, и причастия представляют собой напластования в современности следов этой нелегкой жизни:

В Берлине, на холодной сцене,
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее,
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог оброненный.

Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ Сопrotивления,
Вдруг в этом зале обнародованный [Симонов 1982: 235].

Восприятие каждого оборота как цельной качественной характеристики особенно очевидно благодаря однородности с трансформированным фразеологизмом «иглой в стог оброненный». Обретя динамичность, выражение сохранило единое значение «затерявшийся», «сделавшийся незаметным», «потерянный кем-то». Сходно строится и система определений в поэме «Иван да Марья»: «Где лежит на землю уроненный / И землею той же прикрытый / Сын ваш — месяц назад схороненный, / Но для вас — лишь вчера убитый» [Симонов 1982: 491].

Цельность таких определений также может быть подчеркнута, когда они выступают в качестве уточнения: «Выпейте вы тоже за стальные / Наши, смерть выдавшие, глаза» [Симонов 1982: 179], «Уж не стать той, себе обещанной / В двадцать лет, идеальной женщиной» [Симонов 1982: 474].

Это единство особенно ощутимо в случае препозиции определений. В стихотворении «Улыбка» синтаксис еще и затруднен инверсией, но именно тут, в соседстве с одиночными однородными прилагательными, очевидна целостность определения-оборота:

То положено ему
к положению —
и лица выражение.
Не простое —
золотое,
ответственное:
Тому — кто я
и что я —
соответственное [Симонов 1982: 267].

Наконец, подчеркивать цельность составного определения, восприятие его как качественного признака может графика. В одной из поздних миниатюр Симонов образует путем сращения новое слово, даже уже не эпитет, а субстантив. Такой окказионализм лишь крайняя форма взгляда на пространственное определение как целостное понятие, который мы фиксируем во всей поэзии Симонова: «Самих себя, да и печать, / Нам научить бы отличать: Первымговорящего / От Впередсмотрящего» [Симонов 1982: 306].

Все отмеченные структурно-семантические типы эпитетов, на наш взгляд, реализуют общую задачу. Они заостряют внимание на вещных или поведенческих деталях, делают более выпуклым предметный мир.

Но, самое главное, они выделяют существительное из группы однородных как особый подкласс, задают более дробное, расчлененное видение реальности. Так реализуется общая тенденция Симонова к детализации не только зримой, но и понятийной.

Литература

- Баранчеева Е. И. Семантические механизмы английского перенесенного эпитета // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2. С. 94–103.
- Барсукова С. С. Основы лексического диссонанса // Язык: мультидисциплинарность научного знания. Научный альманах. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 14–20.
- Виноградова В. Н. Определения в поэтической речи // Поэтическая грамматика. Т. 1. / Ковтунова И. И., Николина Н. А., Красильникова Е. В. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2005. С. 328–375.
- Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. М.: Наука, 1993. С. 106–153.
- Кубаева Ф. Р. Когнитивно-семантические характеристики перенесенного эпитета в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 26 с.
- Невская Л. Г. Молчание как атрибут смерти // Мир звучащий и мир молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 123–134.
- Саенко Ю. В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 6. С. 86–95.
- Симонов К. М. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1982. 203 с.
- Сквородников А. П. (ред.). Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. No. 22, part 2. P. 133–187.
- Wang X. Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory // Journal of language teaching and research. 2013. Vol. 4. No. 5. P. 1072–1078.

References

- Barancheeva E. I. [Semantic mechanisms of transferred epithet in English]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 2, pp. 94–103. (In Russ.)
- Barsukova S. S. [The basics of lexical dissonance]. *Yazyk: mul'tidistsiplinarnost' nauchnogo znaniya. Nauchnyi al'manakh*. Barnaul, AltSPU Publ., 2013, pp. 14–20. (In Russ.)

- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 1998, no. 22, part 2, pp. 133–187. (In Eng.)
- Kovtunova I. I. [The principle of incomplete definiteness and the forms of its grammatical expression in the poetic language of the twentieth century]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the twentieth century. Grammatical categories. Syntax of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 106–153. (In Russ.)
- Kubaeva F. R. *Kognitivno-semanticheskie kharakteristiki perenesennogo epiteta v angliiskom yazyke*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Cognitive-semantic characteristics of the transferred epithet in English. Cand. philol. sci. abstract. dis.]. Pyatigorsk, 2009. 26 p.
- Nevskaya L. G. [Silence as an attribute of death]. *Mir zvuchashchii i mir molchashchii: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoi kul'ture slavyan* [The sounding world and the silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 123–134. (In Russ.)
- Saenko Yu. V. [Psychological aspects of superstition]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2005, no. 6, pp. 86–95. (In Russ.)
- Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1982. 203 p.
- Skovorodnikov A. P. (ed.). *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 480 p.
- Vinogradova V. N. [Attributes in poetic language]. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Vol. 1. Ed. by Kovtunova I. I., Nikolina N. A., Krasil'nikova E. V. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005, pp. 328–375. (In Russ.)
- Wang X. Interpretation of transferred epithet by means of conceptual integration theory. *Journal of language teaching and research*, 2013, vol. 4, no. 5, pp. 1072–1078. (In Eng.)

Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин»

Наталья Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170027463-8

аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления метафор и сравнений в тексте романа Е. Водолазкина «Чагин», опубликованного в 2022 г. Показано, что функционирование компаративных тропов в нем тесно связано с характером повествовательной структуры произведения: метафоры и сравнения участвуют в разграничении субъектно-речевых планов рассказчиков и выполняют характерологическую функцию. Отмечается, что в тексте романа часто используются тропы, включающие прецедентные имена и цитатные вкрапления. Для текста романа характерно каламбурное столкновение прямого и переносного значений лексических единиц, при этом часто обыгрываются фразеологизмы, крылатые слова, штампы. Отличительными особенностями стиля романа «Чагин» являются буквализация метафор и их развертывание в тексте, которое может актуализировать деривационные связи лексических единиц. В статье показано, что используемые в тексте романа тропы часто опираются на изображаемую реалию. Особое внимание в работе уделяется роли компаративных тропов в выделении и развертывании ключевых тем произведения: темы памяти и темы вымысла (фантазии). Делается вывод, что эти темы акценти-

руются в тексте при помощи тропов, предметом сравнения в которых служат наименования ментальных сущностей (*память, забвение, воспоминание, запоминание, фантазия*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: роман Е. Водолазкина «Чагин», компаративный троп, метафора, сравнение, структура повествования, ирония, каламбур

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Функционирование компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Чагин» // Русская речь. 2023. № 4. С. 102–112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

The Language of Fiction

Functioning of Comparative Tropes in E. Vodolazkin's Novel "Chagin"

Natalia A. Nikolina, Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow),
ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses the use of metaphors and similes in the text of E. Vodolazkin's latest novel "Chagin". The study has shown that the functioning of comparative tropes in the novel is closely related to the nature of its narrative: metaphors and similes are involved in the differentiation of the subject-speech plans of the narrators and perform a characterological function. The study shows that the tropes including precedent names and quotation inclusions are often used in the novel. The text of the novel is characterized by a punning clash of direct and figurative meanings of lexical units with wordplay involving a number of phraseological units, catchphrases, and clichés. The distinctive features of the style of the novel "Chagin" are the literalization of the metaphors in the text, which can be both contact and distant in nature and actualize the derivational

connections of lexical units. The article shows that the tropes used in the text of the novel are often based on the depicted reality. What is more, particular attention is paid to the role of comparative tropes in identifying and deploying the key themes of the work: the theme of memory and the theme of fiction (fantasy). It is concluded that these topics are accentuated in the text with the help of tropes, the subject of comparison in which are the names of mental entities (*memory, oblivion, recollection, memorization and fantasy*).

KEYWORDS: E. Vodolazkin's novel "Chagin", comparative trope, metaphor, simile, narrative structure, irony, pun

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Functioning of Comparative Tropes in E. Vodolazkin's Novel "Chagin". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 102–112. DOI: 10.31857/S013161170027463-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose".

Компаративные тропы в романе Е. Водолазкина «Чагин», увидевшем свет в 2022 г., характеризуются ярким своеобразием, несмотря на то что по сравнению с предшествующими романами писателя в тексте произведения значительно меньше индивидуально-авторских метафор и сравнений. Компаративные тропы в романе «Чагин» не образуют целостной метафорической картины мира, в отличие, например, от романа «Авиатор» [Николина, Петрова 2019]. Метафоры и сравнения в тексте рассматриваемого романа отражают особенности структуры его повествования: в произведении выделяются четыре композиционные части, каждая из которых имеет своего рассказчика, что определяет «стереоскопическую оптику» романа (Е. Водолазкин): это архивист, молодой коллега Исидора Чагина — Мещерский, один из кураторов Чагина — Николай Иванович, друг Чагина — артист Григ; четвертая же часть романа представляет собой переписку двух персонажей — Мещерского и Ники.

Для речи каждого из рассказчиков характерны определенные типы тропов. В речи Мещерского регулярно встречаются метафоры и сравнения, включающие названия артефактов как образы сравнения: *Характерная странность: буквы слегка наклонены влево. Напоминают построенные вертикально в ряд костяшки домино в минуту их цепного падения; Он [Чагин],*

вообще говоря, казался ходячей **скрепкой**, в том числе технических средств: Вообще Исидор довольно многословен. Словно **камера видеонаблюдения**, он фиксирует все, что происходит на его глазах; о двусмысленности этого знакомства Исидор не упоминает. **Тревожный маячок**, который здесь не мог не сработать, он попросту отключает.

В речи Николая Ивановича, создающей комический эффект, последовательно используются цитатные метафоры и сравнения: *Зафиксировав опоздание двух молодых сотрудниц, он назвал их «**цветами запоздалыми**»;* Мне ли бояться клизмы? Мне ли, пережившему взлеты и падения, прошедшему по жизни **очарованным странником**? При этом цитатные тропы в его речи, как правило, носят немотивированный характер и выглядят нелепо, в чем проявляется авторская ирония. Комический эффект в его речи создает и языковая игра, основанная на обыгрывании терминов, фразеологизмов, крылатых фраз и штампов: *О времена, о нравы! Сколько же у них [в английском языке] все-таки **неправильных глаголов**, циркулирующих в языке без всякой надежды на исправление... Можно ли, спросите вы, **расчислить авгиевы конюшни** в одночасье? <...> Ошибки накапливались веками, и **точка невозврата** представляется мне пройденной. Жребий брошен: они **перешли Рубикон. Карфаген может быть разрушен**. <...> сотрудникам библиотеки удалось внести какие-никакие коррективы. Так, те **неправильные глаголы**, которые им казались небезнадежными, они тайком спрягали как правильные.*

В ряде случаев в рассказе Николая Ивановича формируются значительные по объему фрагменты текста, основанные на столкновении переносного фразеологически связанного значения слова с прямым. Таков, например, контекст, в котором обыгрывается фразеологизм *пальма первенства* и прямое значение слова *пальма*. В этот фрагмент текста включается и стилевая игра, и метаязыковой комментарий рассказчика, ср.: *Прочитав впоследствии произведение В. Г. Короленко «Дети подземелья», не удержался, грешник, от сопоставления. По части соответствия действительности **пальма первенства** достается, без сомнения, моей «Эвакуации...» (движение там также осуществляется по подземным коммуникациям). По силе же описания подземелья **указанная пальма** переходит к автору Короленко. <...> Стоит ли объяснять, что слово **пальма** используется мною в переносном смысле — в отличие от древности, когда, опередив соперников и соратников, можно было беспрепятственно получить такое растение. Меня, признаюсь, всегда интересовало: как их носили, эти пальмы первенства? В горшках? Если маленькая, то понятно, а если большая?*

Речь третьего рассказчика — Грига — характеризуется использованием театральных метафор и сравнений: *Сказать бы: **открывается занавес**, но занавеса в привычном смысле нет. Потому что нет зрителя. Точнее,*

*Зритель есть, но Он смотрит сверху; существует некая небесная **костюмерная**, куда душа приходит — и выбирает себе то, что ей к лицу <...>.*

Наконец, в переписке Мещерского и Ники, в отличие от речи других персонажей, встречаются тропы, связанные с современными реалиями: *Все мои **мейлы** тебе были похожи на **сигналы в космос**: отправлялись без всякого расчета на ответ.*

Метафоры, характеризующие главного героя романа — Исидора Чагина, с разных точек зрения, образуют в тексте номинационный ряд, отражающий сложность личности этого персонажа: *скрепка, герой-любовник, дирижер (Мещерский), Пьеро, Одиссей (Григ).*

Таким образом, «многоголосие» романа проявляется в характере используемых в нем компаративных тропов. В то же время субъектно-речевые планы рассказчиков частично имеют и пересечения. В них, в частности, широко используются компаративные конструкции, включающие прецедентные имена (имена литературных героев, известных исторических личностей и др.), например в речи Мещерского: ***Акела промахнулся**. Да, Чагин действительно допустил ошибку, в рассказе Грига: Николай Иванович стоял, как **впередсмотрящий**. Как **Колумб**, увидевший землю, ошибочно принятую им за Индию; Николай лишь выступили в роли сирен, а **Одиссей** [о Чагине], как на грех, оказался не привязан к мачте», в письме Мещерского Нике: *Авдей не откликается. Как в замедленной съемке, передвигает негнущиеся ноги, впечатывает их в пол.**

— **Командор**, — шепчет Пудов.

Другой особенностью текста романа является каламбурное сталкивание прямого и переносного значения слов, которое создает ироническую экспрессию разных типов. Под каламбуром понимается «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [Санников 1995: 56]. Ирония при этом может выражаться словом, предложением, фрагментом текста (ср. [Ермакова 2017]). Так, в речи Мещерского в начале романа обыгрываются два значения слова *долг*: *Когда я объявил, что собираюсь написать о моей работе, кто-то сказал, что это мой **долг**. <...> Я не люблю слова **долг**. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр.*

В тексте романа представлены разные типы языковой игры, основанной на каламбуре. Это, во-первых, объединение в одном контексте образного значения фразеологизма и прямого значения исходного словосочетания: *Он [Николай Петрович] называл меня своей **правой рукой**, в чем сейчас, спустя годы, я склонен видеть скрытую иронию: Николай Петрович рожден был левшой. Прямое значение в этом случае может и предшествовать образному: *Маргарита отпила чая.**

— Насыщенная у тебя жизнь. По **крыше** ходят. — Ее рука прохладно коснулась моего лба. — А она у тебя случайно не **поехала, крыша-то?**

Каламбурная игра с фразеологизмами сопровождается буквализацией устойчивого сочетания, например: <...> Николай Петрович был в отношении всякой перины чистый самурай: **вспорот** ее свирепо, а мы, как последние статисты, тут же стоим — **рыло**, простите на слове, **в пуху**.

В тексте романа повторяются контексты, в которых эффект каламбура создается актуализацией прямого значения слова за счет соотнесения его с реальной ситуацией, с которым оно связано причинно-следственной связью, например: Стояла ранняя весна, и в открытую форточку вливался сырой питерский воздух. Он не был еще теплым, но уже ощущалось в нем что-то неземное, **пьянящее**. Возможно, этот воздух **опьянил** и Исидора — настолько, что он даже **произнес тост**; — Невольно отмечаю, что за последние годы вы, Николай, фактически **лишились шеи**. Простите, но это так симптоматично: вы лишены возможности **осмотреться**. Слишком узок ваш **кругозор**.

Кроме иронического каламбура в тексте романа часто используется развертывание метафоры или сравнения¹: Кто знает: может быть, непредсказуемые **волны**, управляющие ее [Ники] жизнью, вновь **прибьют ее ко мне**; По мере развития моей мысли **контуры** операции, **прочерченные пунктиром**, проступали ясней и ясней. **Пробелы пунктира** заполнялись новыми деталями, так что он постепенно преобразовался в **сплошную линию**. Развертывание тропа может носить не только контактный, но и дистантный характер, ср.: Коридор показался Исидору бесконечным. Он петлял, ветвился и напоминал **щупальца гигантского осьминога**. Несколько раз Чагину пришлось возвращаться, потому что отростки щупалец раз за разом приводили его то в туалет, то в комнату пожарного инвентаря, то просто в тупик. <...> в голове пронеслась мысль, что эти **щупальца его все-таки схватили** (последняя метафора используется на большом расстоянии от первоначального сравнения).

Развертывание метафоры может актуализировать деривационные связи лексических единиц, например: На всех участников сделки она легла пятном, которое я определил бы как **несмываемое**. <...> По зрелом же размышлении задался вопросом: не преувеличиваю ли я **несмываемость** сего пятна? <...> Коли так, то должно же быть средство это пятно **смыть**.

Отглагольный дериват метафоры посещает мысль в повествовании Николая Ивановича — посещение мысли — создает комический эффект: На основании изложенного Чагиным **посещает** меня шальная мысль: а что,

¹ О развертывании метафоры в художественном тексте см. в работах [Жирмунский 1977, Новикова 1983, Бедусенко 2013, Богданова 2016, Ключерова 2017 и др.]

если перезахоронить Д. Дефо на Смоленском кладбище? Предвижу, что кому-то такая процедура покажется несвоевременной. Так я ведь и не настаиваю, но на **посещение** мысли, согласитесь, имею право.

Интересным случаем текстового развертывания метафоры в романе является развитие образа кокона, характеризующего главного героя. Этот образ упоминается сначала в сравнении в рассуждениях Грига: *На самом деле Исидор не метался и не искал. Как раз наоборот: он мечтал о месте, похожем на **кокон**, куда мог бы спрятаться и вести уединенную жизнь.* Затем, уже ближе к финалу романа, этот образ появляется в стихах самого Чагина, но с новым содержанием, отражающим духовную трансформацию:

*ведь есть невысокая правда —
О ком-то, допустим, ползучем, убогом, забившемся в **кокон**.
Но правда высокая в том, что уже **через день он летает**.*

Развертывание метафоры в тексте может быть также связано с актуализацией противопоставления, например: *Николай Петрович говорил негромким **бархатным** голосом, голос же Николай Ивановича был значительно сильнее и как бы грутальнее. Материал для его описания Чагин подыскивает с трудом. О бархате, по его мнению, здесь не могло быть и речи. В конце концов он останавливается на **звукe распиливаемой фанеры** <...>, ср. диалог Чагина и Спицына: — Как хорошо, что Вы не **пали духом**. — Напротив, духом я **вознесся**. — Спицын сел в кресло против Исидора. — Можно сказать, **летаю**.* В таких контекстах развертывание метафоры сопровождается оживлением ее прямого значения, также создающим каламбурный эффект.

Помимо отношения контраста, подобное развертывание метафоры может происходить и на основе других семантических отношений, например, отношения «причина — следствие»: *Коротко он проинформировал меня, что в дело вмешался человеческий фактор в виде Мельниковой В. А., бросившей мнемониста Чагина. Последний же, будучи **брошен**, пребывал, по словам Николая Петровича, в **разобранном состоянии**.*

Характерная черта главного героя романа — Чагина — стремление к буквализации образов: *Выяснилось, что в основе восприятия у Исидора лежит именно образ, причем не художественный, просто образ. <...> Особую сложность для Чагина представляли стертые метафоры. Выражение **закрывать вопрос** в его сознании материализовалось в виде знака вопроса, укладываемого, как в гроб, в полированный черный ящик. Эта особенность героя находит отражение в своеобразии реализации метафор в тексте произведения: Каждое ее слово **резало** Исидора прямо **по сердцу**. <...> В этот момент он видел свое **изрезанное сердце, из которого, как из сжатой пальцами губки, сочилась кровь**.*

Используемые в тексте романа тропы часто опираются на изображаемую реалию². Интересен в этом плане контекст, в котором происходит движение от описываемого предмета — зонта, отсылающего к рассказу А. П. Чехова «Человек в футляре», к метафоре: *Однажды я <...> сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного **зонта**, и он молча кивнул. Я подумал было, что он обиделся, но через несколько дней Чагин пришел именно с таким **зонтом** — и больше с ним не расставался. <...> Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку — если угодно, **зонтик**, — которая защищала его от внешних воздействий.* Указание на описываемую бытовую реалию служит источником сравнения и в другом контексте произведения: *На стеллажах стояли книги и **коробки**, преимущественно из-под обуви фабрики «Скороход». Сама комната тоже напоминала **коробку** — такая же маленькая и невыразительная.*

Связь описываемой реалии и сравнения может носить в тексте диссидентный характер. Так, сравнение лица Николая Петровича с африканской маской: *Всю дорогу Николай Петрович молчал, и его лицо было похоже на **африканскую маску** — соотносится с далеко отстоящей от этого контекста предшествующей сценой, где упоминается занятие Николая Петровича вырезанием масок и его подарок Чагину: *Знаком масок Исидор себя не считал, но даже без пояснений было очевидно, что вырезанные им **маски** — **африканские**. Всемирная отзывчивость Николая Петровича. Маски не смеялись и не плакали, они выражали какие-то другие чувства. В основном — гнев. <...> Уже в дверях Николай Петрович подарил ему **маску** — как показалось Исидору, самую страшную.**

Опора на реалию может отражаться и в метафоре, актуализирующей в контексте и словообразовательные, и семантические связи: *На **овощебазе** [о фотографии Чагина]. Что-то в лице Исидора здесь неуловимо **овощное**, даже **стручкообразное**.*

Несмотря на отсутствие в романе «Чагин» целостной метафорической системы, компаративные тропы используются в тексте для выделения ключевых тем произведения — темы памяти и темы вымысла/реальности. Значимость темы вымысла в романе подчеркивает сам автор произведения: «<...> двойники Чагина — это его, так сказать, братья по вымыслу. Чагин создает во многом вымышленную биографию, то же делает и Шлиман. Шлиман — выдумщик ради выдумки, романтик, в то время как выдумщик Дефо — циник. Чагин находится где-то между ними. Да, роман действительно во многом о вымысле. Или, если брать шире, — о мифе. <...> Мифу свойствен максимализм. Но миф — не ложь

² О соотношении реалии и тропа см. [Кожевникова 2009].

в привычном смысле, а скорее, наше активное отношение к факту» [Водолазкин — электронный ресурс].

Выделение ключевых тем романа связано с использованием компаративных тропов, в которых предметами сравнения выступают наименования ментальных сущностей (*память, забвение, воспоминание, запоминание, фантазия*). Память характеризуется в стихах Чагина как «*багажной квитанции род*», она олицетворяется в тексте посредством метафорических предикатов: *Исидор учился осмысливать все, что запомнил. А с тем, что осмыслено, можно и попрощаться — так, видимо, считала память. Такие вещи она отдавала легко, оставляя себе лишь вывод, общую идею. Для образной характеристики воспоминаний и забвения используется яркое индивидуально-авторское сравнение: Обрывки воспоминаний — как куски мяса в бульоне. Бульон — забвение. Движение воспоминаний в сознании Чагина неоднократно сравнивается в романе с движением поезда: «Именно в этом месте в сознании Чагина срабатывала некая стрелка, переводившая воспроизведение с одной колеи на другую; Сходные обстоятельства переводят воспоминания Исидора на параллельный путь; Мы <...> переводили стрелку его воспоминаний на новые рельсы. Наиболее дорогие для Чагина воспоминания хранятся в самом почетном углу сознания.*

Механизм запоминания описывается при помощи метафоры концентрических кругов: *Он [Шлиман] никогда не заучивал отдельных слов — запоминал их в составе высказываний. Потом эти высказывания расширял, ходя вокруг первоначального зерна концентрическими кругами. Наматывал на него новые смыслы и слова. Фантазия характеризуется при помощи метафоры Шлимана — «двойника» Чагина: В конце концов, она [фантазия] — не более чем увеличительное стекло, которое мы используем, чтобы лучше рассмотреть предмет. Эта метафора поддерживается в тексте сентенцией Николая Ивановича: Фантазия — это тоже реальность. Реальность человеческого духа, а значит — и полноправная часть опыта.*

Обращение к вымыслу предполагает свободный выбор человека. События в тексте романа неслучайно сравниваются с кубиками: *Если отвлечься от мимотекущего времени и сосредоточиться на вечности, то события — всегда. Они существуют вне времени. Лежат, словно на складе, — серые или, скорее, лишенные цветы, в ожидании своего часа. Когда же приходит некий человек и делает свой выбор, они наливаются жизнью и цветом. <...> Это как кубики. <...> Человек выбирает их свободно и строит, что хочет, но Господу все они известны.*

Итак, компаративные тропы в романе Е. Водолазкина «Чагин» играют важную роль в структуре повествования, участвуя в разграничении субъектно-речевых планов персонажей, способствуют выражению иронической экспрессии и выделяют ключевые темы произведения.

Литература

- Бедусенко Г. А. Семантико-синтаксические особенности развернутой метафоры и ее основные типы // Известия вузов. 2013. № 2. С. 238–240.
- Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
- Водолазкин Е. «Миф — не ложь, а скорее, наше активное отношение к факту» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (дата обращения: 07.04.2023).
- Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2017. 190 с.
- Жирмунский В. М. Поэтика Александра Блока // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 205–237.
- Ключерова А. О. Развернутые метафоры А. С. Грина: структура и семантика // Проблемы и тенденции социокультурного пространства России: история и современность: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Брянск, 2017. С. 187–192.
- Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. С. 473–498.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Slavica XLVIII. Debrecen: Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112.
- Новикова М. Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 206 с.
- Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 56–69.

References

- Bedusenko G. A. [Semantic-syntactic features of extended metaphor and its main types]. *Izvestiya vuzov*, 2013, no. 2, pp. 238–240. (In Russ.)
- Bogdanova E. S. [Metaphor in a literary text: functions, perception, interpretation]. *Vestnik Ryazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina*, 2016, no. 3 (52), pp. 134–145. (In Russ.)
- Ermakova O. P. *Ironiya i ee rol' v zhizni yazyka* [Irony and its role in the life of the language]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 190 p.
- Klyuchero A. O. [Extended metaphors of A. S. Grin: structure and semantics]. *Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost': Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity: Materials of the IV International scientific and practical conference]. Bryansk, 2017, pp. 187–192. (In Russ.)

- Kozhevnikova N. A. [On the relationship between the trope and reality in a literary text].
Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po yazyku khudozhestvennoi literatury* [Selected works on the language of literature]. Moscow, Znak Publ., 2009, pp. 473–498. (In Russ.)
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [The system of comparative tropes in E. Vodolazkin's novel "Aviator"]. *Slavica* XLVIII. Debrecen, Debrecen Univ. Press, 2019, pp. 101–112. (In Russ.)
- Novikova M. L. *Struktura i semantika metafory kak konstruktivnogo komponenta khudozhestvennogo teksta. Diss. kand. filol. nauk* [The structure and semantics of metaphor as a constructive component of a literary text. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1983. 206 p.
- Sannikov V. Z. [Pun as a semantic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1995, no. 3, pp. 56–69. (In Russ.)
- Vodolazkin E. ["A myth is not a lie, but rather our active attitude towards the fact"]. Available at: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (accessed 07.04.2023).
- Zhirmunsky V. M. [Poetics of Alexander Blok] // Zhirmunsky V. M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 205–237. (In Russ.)

Книжные новинки

Язык образов времени: ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор... (О «Словаре перемен 2017–2018»)

Олег Викторович Никитин, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия), olnikitin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170026395-3

АННОТАЦИЯ: Анализируется «Словарь перемен 2017–2018» (2022), составленный М. Вишневецкой, как лексикографический феномен в русле историко-культурных, социальных и языковых трансформаций в разговорной речи нашего времени. Отмечается оригинальность концепции издания, представляющего собой словарь-хронологию новых явлений, возникших в 2017–2018 гг. и зафиксированных в публицистике, Интернете и речевой практике разных слоев населения. Констатируется, что представленные в книге заимствования, фразеологизмы, элементы общественно-политического и бытового жаргона, выражения-мемы и синтаксические идиомы во многом носят окказиональный характер. Они стали реакцией общества на форсмажорные ситуации и конкретные действия или высказывания государственных деятелей и медийных персон, творчески переосмысленные журналистами и соотнесенные с историческими реалиями. Говорится об экспрессивности языковых примеров, метафоричности образов и форм. Указывается на то, что приемы словоупотребления 2017–2018 гг. отличаются от стандартных неологизмов конца 1990-х гг. символичностью, эффектом культурного взрыва и пока еще не до конца закрепились в общенародном использовании. Они составляют все более увеличивающуюся прослойку некодифицированных элементов русского языка, которая раздвигает

традиционное деление на стили речи. Комментируются наиболее яркие и необычные образцы «филологии абсурда», отражающие динамику современной коммуникативной полилингвальности. Подчеркивается разнообразие фонетических, грамматических, лексических и стилистических способов создания спонтанного речетворчества, необычность сопроводительных примеров и коннотаций. «Словарь» может служить источником пополнения лексикографической неологии. Его материалы будут полезны не только лингвокультурологам, журналистам и спичрайтерам, но и кодификаторам языковых изменений. В статье изучается вопрос профессионального отбора неологизмов путем погружения их в естественную стихию живой речи и адаптации к традиционным формулам публицистики и нормативной стилистики. Ставится проблема анализа и классификации субстандарта, выходящего за принятые схемы системности и ярусности языковых явлений. Делается вывод о необходимости изучения активных процессов русского языка с учетом постоянно меняющейся социолингвистической ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексикография, социолингвистика, языковая норма, субстандарт, стилистика, общественно-политическая лексика, речевая экспрессия, неологизм

для цитирования: Никитин О. В. Язык образов времени: *ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор...* (О «Словаре перемен 2017–2018») // Русская речь. 2023. № 4. С. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170026395-3.

Book News

The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktokер, khaipozhor...* (On “A Dictionary of 2017–2018 Changes”)

Oleg V. Nikitin, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), olnikitin@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes "A Dictionary of 2017–2018 Changes" (2022), compiled by M. Vishnevetetskaya, as a lexicographic phenomenon in line with historical, cultural, social and linguistic transformations in the colloquial speech of modern time. The originality of the concept of the publication, which is a dictionary-chronology of new phenomena that arose in 2017–2018 and entrenched in journalism, the Internet and speech practice of different segments of the population, is noted. It is stated that the borrowings, phraseological units, elements of socio-political and everyday jargon, meme expressions and syntactic idioms presented in the book are largely of an occasional nature. They became a reaction of society to force majeure situations and concrete actions and remarks of statesmen and media persons, creatively reinterpreted by journalists and correlated with historical realities. It is said about the expressiveness of the language models, the metaphoricity of its images and forms. It is pointed out that the methods of word usage in 2017–2018 differ from the standard neologisms of the late 1990s in symbolism, the effect of a cultural explosion and have not yet been fully entrenched in national use. They make up an increasingly increasing layer of uncoded elements of the Russian language, which pushes the traditional division into speech styles. The most striking and unusual examples of the "philology of the absurd" are commented on, reflecting the dynamics of modern communicative polylingualism. The variety of phonetic, grammatical, lexical and stylistic ways of creating spontaneous speech, the uniqueness of accompanying examples and connotations are emphasized. "A Dictionary" can serve as a source of replenishment of lexicographic neology. Its materials will be useful not only to specialists in culture of language, journalists and speechwriters, but also to codifiers of language changes. The article examines the issue of professional selection of neologisms by immersing them in the natural element of live speech and adapting them to traditional formulas of publicism and normative stylistics. The problem of analysis and classification of the substandard, which goes beyond the accepted schemes of consistency and tiering of linguistic phenomena, is posed. The conclusion is made about the need to study the active processes of the Russian language taking into account the constantly changing sociolinguistic situation.

KEYWORDS: lexicography, sociolinguistics, linguistic norm, substandard, stylistics, socio-political vocabulary, speech expression, neologism

FOR CITATION: Nikitin O. V. The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktokker, khaipozhor...* (On "A Dictionary of 2017–2018 Changes"). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 113–127. DOI: 10.31857/S013161170026395-3.

Традиция составления неологических словарей русского языка в последние десятилетия переживает невероятный подъем. Если в 1970–1980-е и даже в 1990-е годы законодателем лексикографической моды и главным информатором о том, что происходит в мире живой речи были известные сборники «Новое в русской лексике» и им подобные, выходившие под редакцией З. Н. Котеловой, Е. А. Левашова (см., например: [Котелова (ред.) 1984; Левашов (ред.) 1996]) и академические словари иностранных слов [Крысин 1998], то конец XX столетия и особенно XXI век обогатили науку интересными авторскими изданиями, написанными по-другому и рассматривающими новейший срез лексики или определенную эпоху: в Париже опубликована книга D. Haudressy об изменениях в русском языке начала 1990-х [Haudressy 1992], изданы «Толковый словарь русского языка конца XX века» [Скляревская (ред.) 1998], «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [Скляревская (ред.) 2006], «Толковый словарь языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998], в Мюнхене выпустили книгу известного тартуского слависта А. Д. Дуличенко «Этносоциолингвистика “Перестройки” в СССР: антология запечатленного времени» [Дуличенко 1999], появились многочисленные электронные и печатные словари компьютерных и интернет-терминов (см., например: [Кронгауз (ред.) 2016]) и т. д.

Академическая лексикография с ее обширными фондами и бумажными картотеками, ручной работой по карточному принципу уже не справлялась с потоком заимствований и не могла быстро освоить актуальные ресурсы (чаты, Инстаграм, Интернет, личные блоги, хэштеги и т. п.), которые стали проводниками образов времени. Они и не вписывались в строгие правила научной словарной деятельности. Справочные издания составляли тщательно, годами, выверяя каждую форму. Потому они часто запаздывали, рассказывая читателям о том, что осталось в истории. Например, книга «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов» [Левашов (ред.) 1997] вышла только в 1997 г. Старательно подготовленный учеными Института лингвистических исследований РАН трехтомный лексикон «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [Буцева 2009–2014] писали около десяти лет и потом еще издавали шесть лет... Такие книги, безусловно, имеют большую ценность как культурный фонд традиционной лексикографии.

В 2010-е резко изменилась эпоха, и на первые полосы электронных ресурсов вышли совсем другие риторические манеры. Слова и выражения

вроде *солимпиадить, ленинопад, чотаржу, средства массовой дезинформации, постгендерное общество* и др. (см.: [Вишневецкая (сост.) 2015] возникали очень часто, порой ежедневно, удивляя общественное сознание современников «левиафанией», «битвой холодильника с телевизором», «подрывом духовных скреп» и «карпулингом» [Вишневецкая (сост.) 2018: 19, 21–22, 25]. Социальная напряженность повысила интерес аудитории к «языку вражды»: стала популярна лингвоконфликтология, свежие оттенки приобрела политическая лингвистика (постепенно вошел в научный обиход идеологический дискурс, явившийся своего рода путеводителем по эпохе [Гусейнов 2003]), в «уличном» лексиконе заметна военная терминология. Жаргоны и инвективы оказались популярны и в неограниченном количестве тиражируются в телеграмм-каналах, откликах читателей, даже на телевидении, переворачивая сложившуюся картину мира литературного языка и погружая ее в неустойчивую область взрывной коммуникации. Новая «революционная эпоха» коронавируса пошатнула культурное пространство нескончаемым парафразом, языковым стебом, причудливыми метафорами, экспрессивной фразеологией и просто ворвалась в виртуальный мир языка со своими законами (ср. [Приемышева (отв. ред.) 2001а; 2001б]). Началось глобальное речетворчество и нашествие новояза — *ковидобесие* и *ковидославие*.

Составитель и автор проекта подготовки «Словаря перемен»¹ (а к настоящему времени изданы уже три книги, включившие лексемы, мемы, афоризмы и идиомы недавних лет — 2014-го [Вишневецкая (сост.) 2015], 2015–2016-го [Вишневецкая (сост.) 2018] и 2017–2018-го [Вишневецкая (сост.) 2022]) предпринял необычный шаг показать то, как язык провоцирует время, и наоборот, отражается во времени. И в этом смысле новое издание в чем-то продолжает концепцию подготовки «Материалов к Русскому Словарю общественно-политического языка XX века» [Гусейнов 2003]. Лексикограф не побоялся высветить и прокомментировать наиболее болезненные явления таким же словесным «карнавалом» и погрузить нас в подполье языковых миров разных социальных групп. Читая книгу, мы вспомним недовольных программой реновации правительства Москвы, прозванной *хреновацией* [Вишневецкая (сост.) 2022: 45], окажемся свидетелями научных баталий (например, в книге отмечено выражение *доктор белгородских наук*, возникшее в результате скандала, разгоревшегося вокруг диссертации бывшего министра культуры РФ В. Мединского [Вишневецкая (сост.) 2022: 64]). Только в этом издании можно увидеть, какую словесную оболочку приобрел один из

¹ Словарь перемен 2017–2018 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2022. 288 с.; цв. вкл. 24 с. — ISBN 978-5-94607-256-4.

популярных мемов 2017 г., использованный «Оксимороном в батле с Гнойным», — *изи-изи, рил-ток, синк эбаут ит* [Вишневецкая (сост.) 2022: 71–72]. В книге приведены по датам пиковой фиксации и новейшие заимствования, получившие распространение в сети Интернет, например: *майнинг* — «добыча криптовалюты»; сленговое молодежное *дороу* — «приветствие, вербально-визуальный мем с искаженным изображением собаки, сфотографированной сквозь бокал, и подписью “дороу” (реже — “Дароу” или “Здароу”)); *рофл* — от английской сленговой аббревиатуры ROFL = Rolling On the Floor Laughing — «катаюсь от смеха по полу», означающее «хохочу, смеюсь; шутка, прикол, розырыш. Часто используется в интернет-переписке и комментариях для передачи безудержного хохота». Отсюда же возникли слова *рофлить*, *рофлю* и *рофлер* — «шутник, балагур» [Вишневецкая (сост.) 2022: 56–59].

Судя по данным автора книги, не остывает имяславческое речетворчество народа: *трампизация*, *Чубайк*, *Putin Team*, *Брезидент Прежнев* (из подборки 2017 г.), *вагнеровцы*, *как тебе такое, Илон Маск?* (мем), *Слуцкий-гейт*, *путинейджеры*, *нога Акинфиева* (мем), *Бензя*, *Москва похорошела при Собянине*, *мамаево кокорыще* (из подборки 2018 г.). «Мемные» фантазии журналистов часто соревнуются с правилами языка и даже побеждают их вопреки традиционным нормам. Эти живые картинки «попадают в словарь уже окрашенными нашей эмоцией, предполагающей оценку явления» [Костырко 2022].

Как только открываешь любую из трех книг, испытываешь сразу чувство филологического потрясения от палитры сетевых жаргонов, не вписывающихся ни в какие традиционные рамки ученого-лексикографа. «Марину Вишневецкую можно обвинить только в одном: она не дает читателю опомниться от творческого угара своих соотечественников» [Гусейнов 2015: 9].

Анализируемую книгу не в полной мере можно отнести к стандартным лексикографическим источникам с нормативными принципами выборки, толкования и привычным аппаратом грамматических и стилистических помет. Это словарь-дневник, «жанровый гибрид» [Балла 2022], «драма времени, запечатленная в книге», и одновременно рассказ филолога о происходящем вокруг, дающего «хлесткие словесные формулы эпохи» [Гусейнов 2015: 6–7]. Это и диалог с читателем. На него обрушивается ураган «хитов политического дискурса» с их оскорбительными интонациями, которые мгновенно подхватывают щедрые на речевые миниатюры журналисты и воплощают в своем творческом репертуаре так беззастенчиво откровенно и внежанрово, что интеллигентное сообщество, воспитанное на добропорядочной цензуре, конечно же, не воспримет модный сленг. Здесь и *Идоллопоклонская*, и *кириенковская оттепель*, и *кроссовки*

Медведева, и Бабченко Шрёдингера. Вспоминается книга В. Г. Костомарова «Наш язык в действии», говорившего в начале XXI века о том, что наступает новая эра стилистики: стремительно меняются схемы общения, классическое понятие *текст* теряет терминологическое постоянство, происходит резкое снижение стиля, большую роль в языковой моде играют «власть контекста» и экранная культура, а итог, к которому пришел ученый, свидетельствует о том, что «карнавализация» стала «мотивом динамики языка» [Костомаров 2005]. Лингвистический «троллизм» ввели не ученые. Это плод народного творчества — такого, какое создали мы, — трагикомического, фарсового, перемешанного с сетевым языком, но в отличие от прежних частушек — более резкого и пронзающего до глубины филологического сердца даже тех читателей, которые не знакомы с этой наукой. Может, и поэтому автор вступительной статьи к первой книге «Словаря перемен» озаглавил ее «Лексикограф в аду» [Гусейнов 2015], намекая на то, что представленный материал порой находится за гранью «человеческого» облика слова.

И все же М. Вишневецкая ведет и диалог с профессиональным читателем, как бы сопротивляясь натиску лингвистов-пуристов, постоянно задающих один и тот же вопрос: «А это точно словарь?» Ведь его подлинный автор — интернетовское сообщество, реагирующее мемами и нарицательными высказываниями на самое злободневное. Подобные слова создаются спонтанно и так же быстро могут забыться: «Жизнь неологизмов и мемов, нередко измеряемая неделями или месяцами, будто у бабочек и комаров, мелькнувших, пискнувших и исчезнувших навсегда, в этом словаре прослеживается на протяжении нескольких лет...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 6]. Но и такое минимальное долгожительство есть важный историко-лингвистический факт, который автор, не поднимаясь на высоту академических идей и не конкурируя с толстыми словарями-тезаурусами, интерпретирует по-своему убедительно: книга ставит задачу «передать образ времени, его черты и приметы, отбирая слова-маркеры происходящих в социуме перемен» [Вишневецкая (сост.) 2022: 7]. Можно даже обозначить эти сферы: бытовые и общественные конфликты и движения (как следствие таких неурядиц возникли *предпрениционер, заужайзинг, ёлкфри* и др.), гендерные проблемы (появились многочисленные *абьюзы* и *газлайтинги*), манипуляция СМИ (*альтернативные факты*, ...), активизация волонтерской деятельности (*чистобег, психоактивизм...*), молодежная субкультура с ее *мэтчами, нюдсами, свайпингом* и просто эмоциональные характеристики типажей, таких, как *тиктокер* и *хайпожор*. Понятно, что при такой какофонии слов-однодневок только самый активный интернет-пользователь может разобраться в многообразии смысловых оттенков заимствований. Поэтому автор адресует

издание «всем, кто не поспевает за переменами в языке и хочет наверстать упущенное. Всем, кто знает, что язык не портится, а меняется — и тем, кто сомневается в этом» [Вишневецкая (сост.) 2022: 9].

Мы, признаемся честно, из числа раздумывающих, как *такое* можно «олитературить»... Открывается «книга перемен» 2017 г. словом *ёлкфри* (с датировкой его закрепления — 2.01.2017, когда был пик запросов в поисковых системах — именно этот принцип и применяется для фиксации времени появления слова). Приведем статью полностью:

Ёлкфри, несл. (шутливое, образовано по аналогии с «чайлдфри» от англ. *childfree*: *child* — ребенок, *free* — свободный) — отказ от установки новогодней елки, шире — от празднования Нового года и подарков близким.

- Ставь лайк, если ты ёлкфри (28.12.2016, твит @AArguchinsky).
- В общем ребзя, быть ёлкфри, это так же прогрессивно как чайлдфри², только в отношении ёлок. Считаю, что чем меньше людей срубят живые растения в угоду застольно-пьяному празднику, тем лучше (12.12.2017, форум HeroesWM, пользователь Азураил).
- Елкфри — отказ имитировать то, что они не чувствуют на самом деле. Это заявление в такой странной форме о реальных чувствах: грусть, отсутствие надежд и прочее (7.12.202, «Вечерняя Москва», «Психолог рассказал о новом движении “елкфри”») [Вишневецкая (сост.) 2022: 13].

Диалог с читателем продолжается и «На полях», где помещены фрагменты заметок, радиоэссе, раскрывающие суть очередного новообразования Рунета, как в случае с *ждулей*: «У *Ждуль* есть свой язык, свой кодекс поведения, своя мифология. Ожидаемый это, как правило, заключенный со стажем, обладающий специальными правами: он может передавать *Ждулю* во временное пользование своим товарищам по несчастью, обманывать *Ждулю*...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 22]. Там же обсуждаются орфографические нормы неологизмов и проблемы их стандартизации: «Как правильно “сториз” или “сторис” в “Инстаграме” или в “Инстаграм”?» [Вишневецкая (сост.) 2022: 31]. В рубрике «На полях» сообщается, в частности, что слово *батл* уже кодифицировано в 2019 г., а написание с двумя *т* является ошибочным [Вишневецкая (сост.) 2022: 71]. Показательны информативные вставки о выражениях и словах года в разных странах, о частотности «фейковых новостей». Так, например отмечается,

² Автор здесь дает ссылку: «В словаре сохранены пунктуация и орфография цитируемых текстов» [Вишневецкая (сост.) 2022: 13].

что «словом 2017 года по версии Оксфордского словаря стало *youthquake* (“юнотрясение”)», которым «называют значительные культурные, политические и социальные сдвиги, произошедшие в результате действий или влияния молодежи» [Вишневецкая (сост.) 2022: 111]. Сотрудники Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина признали словами 2018 года *шпиль* и *пенсионный* [Вишневецкая (сост.) 2022: 220]. Собранная с разных континентов лексикографическая статистика познавательна и парадоксальна (указаны и «антислова» года). Она свидетельствует о повышенном внимании общества к феномену звучащего слова как инструменту политики, отражающему важные исторические вехи и моментально реагирующему на «взрывы» времени.

Попутно заметим, что «Словарь перемен 2017–2018» я захватил на экзамен по курсу «Общее языкознание» в январе 2023 г. (в нашем случае дата важна) и провел такой эксперимент: в качестве практического задания открывал книгу на произвольной странице, читал студентам пример, наблюдая их реакцию. Так, из указанных в заглавии статьи четырех слов *тиктокер* знают все, на *хайпожора* среагировали активно и с юмором, особенно юноши (наверное, в их среде есть подобные герои; в словаре дается такое значение: *хайпожор* — «человек, использующий чужую популярность для увеличения собственного рейтинга, для привлечения внимания к себе» [Вишневецкая (сост.) 2022: 43–44]), а *ёлкфри* и *заужайзинг* оказались вне когнитивного поля филфаковской молодежи. Она чаще всего откликается на популярные и значимые именно для них события. «Социальные» слова и выражения им менее интересны. Но все это, безусловно, зависит от круга общения и личного пространства: кто-то живет в Интернете и в курсе модных течений, другие пользуются им ограниченно; одни являются носителями сетевого сленга, остальные больше слушателями. Да и наука — филология — несколько сдерживает студенческое любопытство и направляет в более культурное поле. Тем не менее эксперимент показателен в том, о чем говорит и автор обсуждаемой книги: новизна этих лексем условна; они могут на какое-то время стать кумирами целого поколения и вдруг в одночасье исчезнуть из обихода и вскоре забыться. А коммуникация тут же наполнится другим содержанием — останутся только модели слов и принципы их генерации, легко усваиваемые всеми без разделения на возрасты, статусы и профессии.

Возможно, одной из причин быстрой жизни заимствований является их косноязычность, наличие сложных для выговаривания компонентов и синонимов, создающих эффект избыточности, и как следствие — потеря смысла играть в очередной словесный карнавал. Так произошло с *заужайзингом* и близкими по значению *бордюрингом*, *бордюробесием*,

плитколожеством, тротуарингом. В нашем издании об этом явлении говорится так: «...неологизмы, появившиеся в социальных сетях в 2017–2018 годах в текстах, критикующих программу благоустройства московских улиц, которая в том числе предусматривала ремонт и расширение тротуаров за счет сужения проезжей части (*заужайзинг*). Критике блогеров и журналистов также подвергалась частая замена плитки (*плитколожество*), тротуарного покрытия (*тротуаринг*) и бордюров (*бордюринг, бордюробесие*), осуществлявшиеся с необъяснимой для наблюдателей частотой» [Вишневецкая (сост.) 2022: 148]. К тому же названные слова характерны только для одного мегаполиса, а жителям регионов они вообще неизвестны. Значит, повсеместный сленг 1990-х сменился отчасти локальными жаргонами и выражениями, ограниченными определенной территорией распространения явления, и более всего свойственен большим городам с их богатой историей, разнообразной поведенческой культурой и бесконечной «хреновацией». Такова природа социального юмора, выраженного в слове.

Удачным дополнением к текстовому формату словаря являются цветные вклейки, на которых дается статистика запросов слов и выражений в поисковой системе Яндекс. Там же помещены картинки коллажей, мемов, рекламы, твитов, иллюстрирующие жизнь языка в художественном пространстве времени, постоянно подбрасывающего нам оригинальные идеи для языкового творчества и новые слова-мотыльки.

Еще одна особенность издания заключается в том, что оно опережает академические словари неологизмов с их четкой классификацией и лингвистической атрибуцией фактов, отсеивающих все произвольное, единичное. Не раз получалось, что к моменту выхода из печати таких книг заимствованное слово уже исчезало из разряда малопонятных единиц и стало употребляться повсеместно. Парадокс, но правильные лексиконы, составленные по образцам традиционной толковой лексикографии, быстро устаревают. В нашем — «неправильном» — «Словаре перемен» все иначе: его автор не ставил цель определить, насколько впишется в систему языка та или иная словесная рифма, будет ли она в дальнейшем адаптирована к прагматической стилистике, укрепит ли ее позиция в практическом использовании. Здесь во многом представлены «шоковые» образцы речи — языковой «флешмоб» вроде *эцкере* — «давай замутим», «давай сделаем это»; *словить краш* — «влюбиться», «прийти в восторг от чего-либо и кого-либо»; *кринжово* — «мерзко, постыдно», и словесные сценарии, как, например *Satisfaction Challenge* — гражданская акция в поддержку курсантов, «оказавшихся в центре скандала из-за пародийного ролика на сингл Бенни Бенасси Satisfaction...» [Вишневецкая (сост.) 2022: 103, 191, 218, 122], но тем они и примечательны, поскольку

демонстрируют мгновенную реакцию носителя языка на когнитивные ассонансы времени. Как точно заметил автор, «...“Словарь перемен” всегда как будто спешит, ухватывая мимолетное, фиксируя, может быть, и случайное. Но вряд ли вы найдете словарь, полнее рассказывающий о дыхании времени и о словах, рождающихся на его выдохе и вдохе» [Вишневецкая (сост.) 2022: 5].

Идея подготовки авторских словарей, независимых от жанровых шаблонов и строгих лексикографических критериев, оживляет лингвистическое творчество. Оно приобретает черты настоящего эксперимента и фиксирует «словесные разломы» времени. Особенно чутки к этому те, кто создает или употребляет такие образцы речи — школьники и молодежь. На одном из недавних занятий уже другим студентам я представил пятикурсникам «Словарь перемен 2017–2018» и пустил книгу по рядам. Надо ли говорить, что мои подопечные забыли про лекцию и погрузились в чтение необычного контента, то и дело шепотом передавая соседям незнакомое слово или выражение, а порой и вскрикивая от радуги смыслов, заключенных в неожиданном экспрессивном обороте. Видя их увлеченность, я попросил тут же дополнить словарь самым свежим материалом, который на устах. Поскольку некоторые студенты уже работают в школе и слышат ненормативную речь, это спонтанное задание оказалось совсем не сложным. Так мы узнали интересные аллюзии в лексиконе подростков 2021–2022 гг. Вот некоторые из живых словесных картинок времени:

Забей, это ботинок (говорят об игроке, который напоминает, игрового бота, не умеющего мыслить самостоятельно и принимать решение);

Это шэдэ = ого, какая неприятная ситуация! (*шэдэ* — конфуз, неловкий случай);

Она тебя заскамила = она тебя обманула (*заскамит* — перехитрить, обмануть);

Ни фига они флексят! = ничего себе! Как круто они танцуют! (*флекс* может означать «выпендриваться», отсюда выражение *низкий флекс* в том же значении);

Окнуть (сказать «ОК» или «окей», например: «Он окнул» = подтвердил);

Обайденеть = обалдеть (*Европа совсем обайденела*);

Макронить = названивать кому-то без особой нужды и результата (*Хорош макронить!*).

Еще талантливые и острые на язык писатели и филологи прошлого утверждали, что «умслопогасы» (так К. И. Чуковский называл составные

слова и аббревиатуры типа *сельсовет, трудовень, ЦИК*, появившиеся в большом количестве в речевой практике 1920-х гг.) в будущем смогут оторваться от той социокультурной среды, в которой появились, и войдут в «более высокую лексику». Мудрое напутствие главного «айболита» стоит повторить и сейчас всем, кто способен прислушаться к дыханию времени, не отвергая его нигилистически, а вживаясь в его ритм, слог, интонацию: «Русский язык, несмотря ни на что, остается таким же несокрушимо прекрасным.

Каковы бы ни были те или иные жаргоны, самое их существование доказывает, что язык жив и здоров. Только у мертвых языков не бывает жаргонов. К тому же нельзя не сознаться: иные из этих жаргонных словечек так выразительны, колоритны и метки, что я несколько не удивился бы, если бы в конце концов им посчастливилось проникнуть в нашу литературную речь» [Чуковский 2012: 103–104].

Эти строки близки создателю «Словаря перемен». Хочется надеяться, что все самое бессмысленное и уродливое в языке, промелькнувшее мимо нас, когда-нибудь найдет свое место в «карнавале» очередных научных фантазий и новых филологических традиций, а может быть и ляжет в основу оригинальных жанров речи. Автор этой книги успел сделать главное: запечатлел образ нашего времени таким, какой он есть.

Литература

- Балла О. *Эцкере, синк эбаут ит.* [Рец.] Словарь перемен 2017–2018 / Сост. М. Вишневецкая. — М.: Три квадрата, 2022 // Знамя. 2022. № 8. [Электронный ресурс]: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8406> (дата обращения: 20.02.2023).
- Буцева Т. Н. (ред.) Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен — 2014. М.: Три квадрата, 2015. 224 с.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен 2015–2016. М.: Три квадрата, 2018. 248 с.
- Вишневецкая М. (сост.). Словарь перемен 2017–2018. М.: Три квадрата, 2022. 288 с.
- Гусейнов Г. Ч. Д.С.П. Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX века. М.: Три квадрата, 2003. 1024 с.
- Гусейнов Г. Лексикограф в аду // Словарь перемен — 2014 / Сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. С. 5–10.
- Дуличенко А. Д. Этносоциоллингвистика «Перестройки» в СССР: антология запечатленного времени. München: Sagner, 1999. 583 с.
- Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 287 с.

- Костырко С. Книги: выбор Сергея Костырко // Новый мир. 2022. № 6. [Электронный ресурс]: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx (дата обращения: 19.02.2022).
- Котелова Н. З. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М.: Рус. яз., 1984. 287 с.
- Кронгауз М. А. (ред.). Словарь языка интернета.ру. М.: АСТ-Пресс Книга, 2016. 288 с.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: Около 25 000 слов и словосочетаний. М.: Рус. яз., 1998. 846 с.
- Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новое в русской лексике. Словарные материалы-88. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.
- Левашов Е. А. (ред.). Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 701 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография. СПб.: ИЛИ РАН, 2021а. 610 с.
- Приемышева М. Н. (отв. ред.). Словарь русского языка коронавирусной эпохи. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021б. 550 с.
- Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века: языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
- Скляревская Г. Г. (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика: около 8500 слов и устойчивых словосочетаний. М.: Эксмо, 2006. 1131 с.
- Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4: Живой как жизнь: О русском языке; О Чехове; Илья Репин; Приложение / Сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. 592 с.
- Haudressy D. Ces mots qui disent l'actualité: les mutations de la langue russe. Paris: Institut d'études slaves, 1992. 267 p.

References

- Balla O. *Eshchkere, sink ebaut it*. [Rev.]: *Slovar' peremen 2017–2018* [A Dictionary of 2017–2018 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2022. *Znanya*. 2022, no. 8. (in Russ.) Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8406> (accessed 20.02.2023).
- Butseva T. N. (ed.). *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: in 3 t.* [New words and meanings: reference dictionary on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2009–2014.

- Chukovskii K. I. *Sobranie sochinenii: V 15 t. T. 4: Zhivoi kak zhizn': O russkom yazyke; O Chekhove; Ilya Repin; Prilozhenie* [Collected works: In 15 vols. Vol. 4: Alive as life: About the Russian language; About Chekhov; Ilya Repin; Appendix]. 2nd ed. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd. Publ., 2012. 592 p.
- Dulichenko A. D. *Etnosotsiolingvistika "Perestroiki" v SSSR: antologiya zapечатlyonnogo vremeni* [Ethnosociolinguistics of "Perestroika" in the USSR: an anthology of captured time.]. München, Sagner, 1999. 583 p.
- Guseinov G. Ch. D.S.P. *Materialy k Russkomu Slovaryu obshchestvenno-politicheskogo yazyka kontsa XX veka* [D.S.P. Materials for the Russian Dictionary of the socio-political language of the late XX century]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2003. 1020 p.
- Guseinov G. [Lexicographer in Hell]. *Slovar' peremen – 2014* [A Dictionary of 2014 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2015, pp. 5–10. (in Russ.)
- Haudressy D. *Ces mots qui disent l'actualité: les mutations de la langue russe*. Paris: Institut d'études slaves, 1992. 267 p.
- Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deistvii: Ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p.
- Kostyrko S. [Books: Sergey Kostyrko's choice]. *Novyi mir*. 2022, no. 6. (in Russ.) Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx (accessed 19.02.2022).
- Kotelova N. Z. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-80* [New in the Russian vocabulary. Vocabulary materials of the 80s]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 287 p.
- Krongauz M. A. (ed.). *Slovar' yazyka interneta.ru* [Dictionary of Internet.ru language]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2016. 288 p.
- Krysin L. P. *Tolkovy slovar' inoyazychnykh slov: okolo 25 000 slov i slovosochetanii* [Explanatory dictionary of foreign words: About 25,000 words and phrases]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1998. 846 p.
- Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 360 p.
- Levashov E. A. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy-88* [New in the Russian vocabulary. Vocabulary materials of 1988]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996. 420 p.
- Levashov E. A. (ed.). *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam russkoi pressy i literatury 80-kh godov* [New words and meanings: Reference dictionary on the materials of the press and literature of the 80s]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1997. 904 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovy slovar' yazyka Sovdepia* [Explanatory dictionary of Sovdepia language]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 701 p.
- Priyomysheva M. N. (ed.). *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi: kollektivnaya monografiya* [The Russian language of the coronavirus era: a collective monograph]. St. Petersburg, Inst. of Linguistic Research Publ., 2021a. 610 p. (In Russ.)
- Priyomysheva M. N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of coronavirus epoch]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2021b. 550 p.

О. В. Никитин. Язык образов времени: *ёлкфри, заужайзинг, тиктокер, хайпожор...* (О «Словаре перемен...»)
O. V. Nikitin. The Language of Time Images: *yolkfri, zauzhaizing, tiktokker, khaipozhor...* (On "A Dictionary of... Changes")

- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka: yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late twentieth century: language changes]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.
- Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika: okolo 8500 slov i ustoychivyykh slovosochetanii* [Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Current vocabulary: about 8,500 words and phraseologisms]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 1131 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen – 2014* [A Dictionary of 2014 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2015. 224 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen 2015–2016* [A Dictionary of 2015–2016 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2018. 248 p.
- Vishnevetskaya M. (comp.). *Slovar' peremen 2017–2018* [A Dictionary of 2017–2018 changes]. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2022. 288 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 29.08.23 г.

Дата выхода в свет 13.09.23 г.

Формат 60×88 $\frac{1}{16}$

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 165 экз.

Зак. 17/4а

Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-82889

от 14.03.2022 г.

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

16+